

ISSN 1999-625X

№ 1 (96)

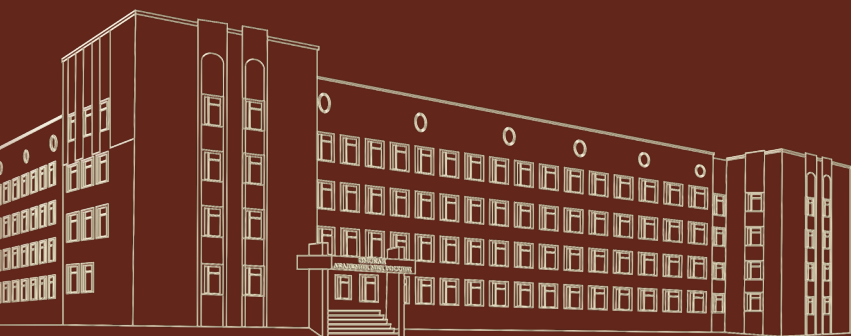
март
2025

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК ОМСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

В НОМЕРЕ:

- Дискуссионные вопросы приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении участников специальной военной операции
- Участие прокурора в подготовке законопроектов, разрабатываемых органами государственной власти
- Трансформация права как регулятора общественных отношений
- Лагерь как скрытая парадигма современности

Научно-практический журнал
Научный вестник
Омской академии МВД России
Том 31

№ 1(96) январь – март 2025 г.

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук):
юридические науки, философские науки*

**Scientific bulletin of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
Volume 31**

No. 1(96) january – march 2025

Has been published quarterly since June 1995

*The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication
of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences:
juridical sciences, philosophical sciences*

Редакционный совет:

- Б. Б. Булатов**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
С. К. Буряков, кандидат политических наук (Омск, Россия)
В. В. Векленко, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
В. В. Николюк, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
А. Е. Чечётин, доктор юридических наук, профессор
(Барнаул, Россия)

Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
О. В. Арефьева — *ответственный секретарь* (Омск, Россия)
А. А. Аубакирова, доктор юридических наук,
профессор (Алматы, Республика Казахстан)
В. В. Бабурин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
М. В. Бавсун, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
О. И. Бекетов, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. А. Болдырев, доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)
М. А. Бучакова, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук,
профессор (Краснодар, Россия)
Ю. В. Герасименко, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
С. Н. Гордеев, доктор юридических наук, доцент
(Ташкент, Республика Узбекистан)
Т. Е. Грязнова, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
В. А. Гусев, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
А. С. Дежнёв, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Л. В. Денисова, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)

- А. М. Джоробекова**, доктор юридических наук, профессор
(Бишкек, Киргизская Республика)
М. С. Десятов, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
О. А. Дизер, доктор юридических наук, доцент (Белгород, Россия)
М. А. Кожевина, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. И. Красиков, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
В. И. Кудашов, доктор философских наук, профессор
(Красноярск, Россия)
К. Ляковская, доктор юридических наук, профессор
юридических наук (Белосток, Республика Польша)
В. Ф. Луговик, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Я. М. Мазунин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Н. И. Мартишина, доктор философских наук, профессор
(Новосибирск, Россия)
Т. С. Масловская, кандидат юридических наук, доцент
(Минск, Республика Беларусь)
М. А. Михайлов, кандидат юридических наук, доцент
(Севастополь, Россия)
А. А. Нечепуренко, доктор юридических наук, профессор —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
Д. В. Попов, доктор философских наук, доцент (Омск, Россия)
Ю. Е. Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
Л. А. Пупышева, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
Д. С. Рудьман, кандидат юридических наук, доцент —
главный редактор (Омск, Россия)
Г. Ч. Синченко, доктор философских наук, профессор
(Омск, Россия)
А. А. Турышев, кандидат юридических наук, доцент —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
А. А. Хамдамов, доктор юридических наук, профессор
(Ташкент, Республика Узбекистан)
В. В. Хиллута, доктор юридических наук, доцент
(Гродно, Республика Беларусь)
В. В. Чешев, доктор философских наук, профессор
(Томск, Россия)
Ф. Р. Шарифзода, доктор юридических наук, доцент
(Душанбе, Республика Таджикистан)

Учредитель — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор *Д. С. Рудьман*

Редактирование *О. В. Арефьева*

Корректурa *Л. И. Замулло*

Компьютерная правка и верстка *П. В. Ярославцева*

Перевод *Ю. И. Алфёрова*

Авторы эмблем *Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогонова, О. В. Куц*

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии):

Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Цена свободная.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись ПИИ № ФС77-74598 от 14 декабря 2018 г.

Выход в свет: 28.03.2025. Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 12,0. Усл. печ. л. 12,5. Заказ № 75.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2025

The editorial council:

- B. B. Bulatov**, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, Candidate of Political Science
(Omsk, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Science (in Law), Professor
(St. Petersburg, Russia)
V. V. Nikolyuk, Doctor of Science (in Law), Professor (Moscow,
Russia)
A. Ye. Chechetin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Barnaul, Russia)

The editorial board:

- V. A. Azarov**, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
O. V. Arefeva — *assistant editor* (Omsk, Russia)
A. A. Aubakirova, Doctor of Science (in Law), Professor
(Almaty, Kazakhstan)
V. V. Baburin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Science (in Law), Professor
(St. Petersburg, Russia)
O. I. Beketov, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
V. A. Boldyrev, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(St. Petersburg, Russia)
M. A. Buchakova, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
K. V. Vishnevetsky, Doctor of Science (in Law), Professor
(Krasnodar, Russia)
Yu. V. Gerasimenko, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
V. V. Golovko, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
S. N. Gordeev, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Tashkent, the Republic of Uzbekistan)
T. Ye. Gryaznova, Doctor of Science (in Law), Associate-Profes-
sor (Omsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
A. S. Dezhnyov, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
L. V. Denisova, Doctor of Science (in Philosophy) , Professor
(Moscow, Russia)
A. M. Dzhorobekova, Doctor of Science (in Law), Professor
(Bishkek, Kyrgyz Republic)

- Desyatov M. S.**, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Omsk, Russia)
O. A. Diser, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Belgorod, Russia)
M. A. Kozhevina, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk,
Russia)
V. I. Krasikov, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Moscow, Russia)
V. I. Kudashov, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Krasnoyarsk, Russia)
K. Laskowska, Doctor of Science (in Law), Professor
(Bialystok, Poland)
V. F. Lugovik, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
Ya. M. Mazunin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
N. I. Martishina, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Novosibirsk, Russia)
T. S. Maslovskaya, Candidate of Science (in Law), Associate-
Professor (Minsk, Belarus)
M. A. Mikhaylov, Candidate of Science (in Law), Associate-Pro-
fessor (Sevastopol, Russia)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Science (in Law), Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
D. V. Popov, Doctor of Science (in Philosophy), Associate-Profes-
sor (Omsk, Russia)
Yu. Ye. Pudovochkin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Moscow, Russia)
L. A. Pupyшева, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Omsk, Russia)
D. S. Rudman, Candidate of Science (in Law), Associate-Profes-
sor — *editor-in-chief* (Omsk, Russia)
G. Ch. Sinchenko, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Omsk, Russia)
A. A. Turyshev, Candidate of Science (in Law), Associate-Profes-
sor — *deputy chief editor* (Omsk, Russia)
A. A. Khamdamov, Doctor of Science (in Law), Professor
(Tashkent, the Republic of Uzbekistan)
V. V. Khilyuta, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Grodno, Belarus)
V. V. Cheshev, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Tomsk, Russia)
F. R. Sharifzoda, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Dushanbe, the Republic of Tajikistan)

Founder — Federal State Public Institution of Higher Education
«Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»

Editor-in-chief *D. S. Rudman*
Editing and Proofreading *O. V. Arefeva*
Proofreading *L. I. Zamullo*
Desktop publishing *P. V. Yaroslavtseva*
Translation *Yu. I. Alferova*

Authors of the Emblems *E. V. Syrvacheva, A.N. Razumova, A. E. Makagonova, O. V. Kuts*

Address of the publisher, editorial office and department of graphic arts printing and small offset printing (printing house):
Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia
Price not fixed.

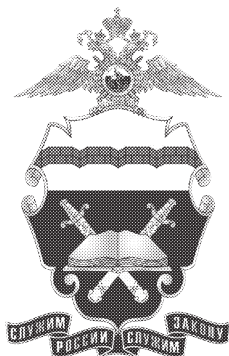
Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Registration entry PI No. FS77-74598 dated December 14, 2018.

Issued: 28.03.2025. Circulation 100 items. Published sheets 12,0. Printed sheets 12,5. Order No. 75.

When reprinted reference to the Journal is mandatory.

© Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2025

№ 1 (96) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

2025

Омской академии МВД России

научно-практический журнал

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

В НОМЕРЕ:

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	LEGAL SCIENCES
Противодействие правонарушающему поведению	Counteracting Delinquent Behaviour
Головко Л. В. Дискуссионные вопросы приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении участников специальной военной операции	5 Golovko L. V. Debatable Issues of Suspension and Termination of Criminal Prosecution against Participants of Special Military Operation
Булатов Б. Б., Павлов А. В., Сидорова И. В. Изъятие предметов, документов, имущества, подлежащих признанию вещественными доказательствами, как мера процессуального принуждения	11 Bulatov B. B., Pavlov A. V., Sidorova I. V. Seizure of Objects, Documents and Property to be Recognized as Physical Evidence, as a Measure of Procedural Coercion
Бурмагин С. В. Восстановление протокольной формы досудебного производства в аспекте оптимизации уголовно-процессуальной деятельности	17 Burmagin S.V. Restoration of the Protocol Form of Pre-Trial Proceedings in the aspect of Optimization of Criminal Procedural Activity
Монид М. В. Нерешенные вопросы нормативного регулирования процессуальной деятельности сотрудников органов предварительного расследования по профилактике преступлений	23 Monid M. V. Unresolved Issues of Normative Regulation of the Procedural Activities of Preliminary Investigation Officers in Preventing Crime
Тамбовцев А. И. Проблемы обеспечения негласности при обращении судей с оперативно-розыскной информацией, содержащей государственную тайну	29 Tambovtsev A. I. Problems of Ensuring Secrecy in Judges' Handling Operational Information constituting State Secrets
Ильиных Н. А. Использование информационных платформ и искусственного интеллекта в противодействии фейковым новостям как мера предупреждения киберэкстремизма	37 Ilyinykh N. A. Use of Information Platforms and Artificial Intelligence in Tackling Fake News as a Measure to Prevent Cyberextremism
Право и государство	Law and State
Абызова Е. Р. Трансформация права как регулятора общественных отношений	44 Abyzova E. R. Transformation of Law as a Regulator of Social Relations
Огорелкова В. Д. Правовой обычай в исторической памяти социума	50 Ogorelkova V. D. Legal Custom in the Historical Memory of the Society
Гаврюшкин К. А. Правовые цели в механизме правового регулирования, их характеристики и свойства	55 Gavryushkin K. A. Legal Objectives in the Mechanism of Legal Regulation, their Characteristics and Properties
Сайдов Ф. З. Правовое обеспечение деятельности органов внутренних дел Кыргызской Республики по предупреждению массовых беспорядков	60 Saidov F. Z. Legal Maintenance of the Activities of the Internal Affairs' Bodies of the Kyrgyz Republic in Preventing Mass Riots
Прошляков А. Д., Пупышева Л. А. О применении статьи 80 ¹ УК РФ на различных этапах производства по уголовному делу и при исполнении приговора	68 Proshlyakov A. D., Pupyшева L. A. Application of Article 80 ¹ of the Criminal Code of the Russian Federation at different Stages of Criminal Proceedings and during Execution of the Sentence
Супрун С. В. О правоохранительной деятельности федеральных органов исполнительной власти через призму норм Конституции Российской Федерации	72 Suprun S. V. On Law Enforcement Activities of Federal Executive Bodies in the context of the Norms of the Constitution of the Russian Federation
Синякова Г. Ю., Гайнов И. Д., Казанцев С. Я. Участие прокурора в подготовке законопроектов, разрабатываемых органами государственной власти	77 Sinyakova G. Yu., Gaynov I. D., Kazantsev S. Ya. Prosecutor's Participation in Preparing Draft Laws developed by Governmental Bodies
Дежнев А. С., Коробкова Е. Е. Актуальные вопросы участия законных представителей несовершеннолетних в уголовном процессе	83 Dezhnev A. S., Korobkova E. E. Relevant Issues of the Participation of Legal Representatives of Juveniles in Criminal Proceedings
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	PHILOSOPHICAL SCIENCES
Философский инструментарий	Philosophical Toolkit
Синченко Г. Ч. Конфигурации единого и многого в современном этическом и философско-правовом дискурсе. Часть I. Этика	88 Sinchenko G. Ch. Configurations of the One and the Many in Contemporary Ethical and Philosophical-Legal Discourse. Part I. Ethics
Яркеев А. В. Лагерь как скрытая парадигма современности: к негативной онтологии биополитического общества	94 Yarkeev A. V. Camp as a Hidden Paradigm of Modernity: towards a Negative Ontology of Biopolitical
Религия и общество	Religion and Society
Килимник Е. В. Роль Греко-Католической церкви в формировании политического сознания на Украине в условиях ведения информационной войны против России	100 Kilimnik E. V. The Role of the Greek Catholic Church in Shaping Political Consciousness in Ukraine in the Context of Information War against Russia
Информация для авторов	106 Information for Authors

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2025-196-5-10

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Дискуссионные вопросы приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении участников специальной военной операции

Леонид Витальевич Головки

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора юридического факультета¹,

✉ depcrp@law.msu.ru

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Процессуальный механизм освобождения от уголовной ответственности лиц, решивших принять участие в специальной военной операции, активно обсуждается в литературе и далеко не всегда понимается одинаково. Этот механизм включает два элемента: приостановление производства по уголовному делу и последующее прекращение уголовного преследования при появлении соответствующих оснований. В статье обсуждаются дискуссионные вопросы, связанные с толкованием норм федеральных законов, внесших в 2024 г. дополнения в УПК РФ и УК РФ в части освобождения от уголовной ответственности, приостановления и прекращения уголовного преследования участников операции. Данные нормы заменили ранее действовавший Федеральный закон № 270-ФЗ от 24 июня 2023 г.

Ключевые слова: участники, приостановление уголовного дела, прекращение уголовного преследования, освобождение от уголовной ответственности

Для цитирования: Головки Л. В. Дискуссионные вопросы приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении участников специальной военной операции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96). С. 5–10.

Debatable Issues of Suspension and Termination of Criminal Prosecution against Participants of Special Military Operation

Leonid V. Golovko

Doctor of Science (in Law), Professor, head of the chair of Criminal Procedure, Justice and Prosecutor's Supervision of Law faculty¹,

✉ depcrp@law.msu.ru

¹ Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

The procedural mechanism of exemption from criminal liability of persons who decided to take part in a special military operation is being actively discussed in the literature and is far from being unambiguously comprehended. This mechanism includes two elements: the suspension of criminal proceedings and the subsequent termination of criminal prosecution when appropriate grounds arise. The article discusses controversial issues related to the interpretation of the norms of the Federal Laws, which in 2024 made additions to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation in terms of exemption from criminal liability, suspension and termination of criminal prosecution of participants of the special military operation. These norms replaced the earlier Federal Law No. 270-FZ of 24 June 2023.

Keywords: participants of special military operation, suspension of criminal prosecution, termination of criminal prosecution, exemption from criminal liability

Citation: Golovko L. V. Debatable Issues of Suspension and Termination of Criminal Prosecution against Participants of Special Military Operation. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 1(96). Pp. 5–10 (In Russ.).

Принятый 24 июня 2023 г. отдельный Федеральный закон № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»¹ (далее — Федеральный закон № 270-ФЗ) вызвал немало трудностей. Непонятны были ни процессуальный механизм приостановления производства по уголовному делу и его прекращения, ни взаимосвязь приостановления и прекращения производства в рамках данного механизма, ни соотношение специальных норм автономного закона и общих норм УК РФ и УПК РФ, ни многое другое [1, с. 22–23]. Процессуалисты давали прямо противоположные ответы на те или иные вопросы, например, о том, может ли уголовное дело быть приостановлено и затем прекращено без ходатайства командования воинской части, т. е. на общих основаниях: одни утверждали, что это недопустимо — наличие такого ходатайства является обязательным условием приостановления и прекращения уголовного дела [2, с. 30], что, на наш взгляд, было верно уже тогда; другие настаивали на том, что для приостановления уголовного дела ходатайства командования не требуется — дело может быть приостановлено и по ходатайству самого обвиняемого или его защитника [3, с. 33], заявляемому в соответствии с общими положениями УПК.

Федеральные законы от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ² и от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ³, внесшие дополнения в УПК РФ и УК РФ и вставшие на место утратившего силу Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ, казалось бы, сняли все или почти все вопросы, создав полноценный процессуальный механизм приостановления и прекращения уголовного преследования «в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время», что в первую очередь, разумеется, касается именно участников специальной военной операции. Другими словами, логика ранее установленного автономным Федеральным законом № 270-ФЗ механизма освобождения от уголовной ответственности лиц, решивших искупить совершенные ими преступления не предусмотренным уголовным законом наказанием, а участием с риском для

жизни в боевых действиях во имя интересов Отечества, осталась прежней, но совершенно на ином уровне процессуального регулирования, исключающем чрезмерные вольности в интерпретации соответствующих законодательных положений.

Впрочем, реальность оказалась сложнее. Во-первых, невзирая на включение нового механизма в ткань материально-правового и, что еще более важно, процессуального законодательства, широта субъективных доктринальных взглядов на смысл и объем данного механизма меньше не стала, что способно завести в тупик правоприменительную практику не только в тактической, но и в стратегической перспективе. Во-вторых, после принятия указанных законов возникли действительно непростые проблемы, связанные с применением новых оснований приостановления и прекращения уголовного преследования, которые нельзя не признать объективными. Поэтому рассмотрим ряд дискуссионных вопросов, проявившихся уже после законодательных нововведений 2024 г. Часть из них является для нас неожиданной и порожденной, по нашему мнению, неверным пониманием самой сути процессуального механизма освобождения от уголовной ответственности участников специальной военной операции (далее — СВО), урегулированного новыми законами с достаточной степенью ясности, а часть — не столь однозначна и спорна по самой своей природе.

1. Неразрывная связь приостановления и прекращения уголовного преследования по новым основаниям.

Логика законодателя, отраженная в новых основаниях приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении участников СВО, предельно очевидна. Лицо, изъявляющее желание принять участие в боевых действиях взамен грозящего ему по закону уголовного наказания, обращается с подобной просьбой не к следователю, не имеющему отношения к военному управлению, формированию воинских частей, тактике и стратегии военных операций и т. д., а в соответствующее подразделение Министерства обороны, которое и решает, нужен ли такой военный служащий Вооруженным Силам с учетом его личности, состояния здоровья, возраста и прочих факторов, можно ли ему дать в руки оружие, вызывает ли он доверие и т. п. Понятно, что данное решение не затрагивает уголовного судопро-

¹ Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ.

³ О внесении изменений в статью 78¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ.

изводства, являясь не процессуальным, а военным. Если соответствующее подразделение Министерства обороны примет положительное для заинтересованного лица решение, то уже оно обращается в процессуальном порядке к следователю, дознавателю, в суд (в зависимости от стадии, на которой находится уголовное дело) с ходатайством о *приостановлении* уголовного дела, но не о его прекращении. Ясно, что сам факт поступления на военную службу, заключения контракта еще ни о чем не говорит, поэтому никакого освобождения от уголовной ответственности не происходит, а уголовное преследование лишь приостанавливается. Дальнейшее зависит уже от нового военнослужащего, продолжающего оставаться в процессуальном смысле подозреваемым или обвиняемым: если он не выполнит свой воинский долг надлежащим образом, то уголовное преследование возобновится, если же выполнит его надлежащим образом, что подтверждается актом о демобилизации по истечении срока службы, ранению и т. п. или получением государственной награды за боевые заслуги, то тогда и только тогда соответствующая информация доводится до сведения следователя, дознавателя или суда, после чего следует освобождение от уголовной ответственности (прекращение уголовного дела). В этом смысле совершенно прав И. Э. Звечаровский, отмечая, что основанием освобождения от уголовной ответственности является не призыв на военную службу или заключение контракта (это лишь основание приостановления уголовного дела), а награждение государственной наградой или увольнение с военной службы по почетным мотивам [4, с. 48]. Неудачное наименование ст. 78¹ УК РФ ничего в данном плане не меняет, что надо просто иметь в виду.

В такой ситуации весь механизм освобождения от уголовного преследования участников СВО представляет собой единый правовой комплекс (систему), все элементы которого, как материально-правовые, так и процессуальные (приостановление и прекращение уголовного дела), неразрывно между собой связаны. Это подтверждается как прямо — за счет отсылки в ч. 1 ст. 28² УПК РФ к соответствующему основанию приостановления уголовного дела, так и косвенно — через неудачное наименование ст. 78¹ УК РФ. Формулируя его, законодатель имел в виду не институт освобождения от уголовной ответственности как таковой, а, как верно заметил И. Э. Звечаровский, «обстоятельства, при наличии которых предварительное следствие может быть приостановлено» [4, с. 48]. Более того, о неразрывной связи приостановления и прекращения уголовного дела по соответствующим основаниям свидетельствует не только текст закона, но и причины его принятия, лежащая за ним идея, общая логика и т. д. Без их по-

нимания ни один закон невозможно правильно толковать.

Однако еще в период действия Федерального закона № 270-ФЗ в литературе наметились попытки разорвать элементы единого правового механизма освобождения от уголовного преследования участников СВО и пустить каждый из них в «автономное плавание». Так, утверждалось, что в рамках «Закона № 270-ФЗ ... приостановление не является обязательным институтом, без применения которого невозможно освобождение от уголовной ответственности» по соответствующему основанию [5, с. 35]. Тогда такие соображения еще можно было понять в силу явного дефицита процессуальных норм в этом автономном законе, делающего его фактически неприменимым, хотя даже в тех условиях немедленное освобождение лица от уголовной ответственности в случае поступления его на военную службу и до увольнения с нее или получения государственной награды выглядело, как минимум, странным. Сегодня подобная точка зрения и вовсе видится необъяснимой.

В то же время в литературе продолжают встречаться утверждения, что «хотя ст. 78¹ УК, ст. 28² и п. 3¹ ч. 1 ст. 208 УПК получили законодательное закрепление одновременно, это самостоятельные нормы и они, хотя и действуют системно, не могут рассматриваться как полностью обуславливающие применение друг друга» [6, с. 52]. В результате такого толкования, «приостановление предварительного расследования по рассматриваемому основанию допускается по делу о любом преступлении», а прекращение уголовного преследования и освобождение от уголовной ответственности якобы могут наступать и без приостановления уголовного дела, т. е. независимо от его приостановления [6, с. 55].

Но зачем приостанавливать уголовное дело в отношении лица, которое не подлежит освобождению от уголовной ответственности в связи с участием в СВО, т. е. которое, по замыслу законодателя, должно быть в любом случае привлечено к уголовной ответственности в силу тяжести совершенного им преступления, и в какой ситуации такое приостановление возможно? Любой ответ будет либо уводить в плоскость других оснований приостановления предварительного расследования, установленных в ч. 1 ст. 208 УПК РФ, либо граничить с абсурдом. Не менее сомнительна возможность возникновения основания прекращения уголовного дела (освобождения от уголовной ответственности) по ст. 28² УПК РФ до или одновременно с возникновением основания для его приостановления по п. 3¹ ч. 1 ст. 208 УПК РФ, делающего последнее необязательным (лишенным смысла) и предполагающего, например, совершение подвига и получение государственной награды еще

в ходе призыва на военную службу, т. е. где-нибудь в коридорах военкомата, не говоря уже о том, что получение государственной награды в любом случае сопряжено с определенными и занимающими время процедурами. Вряд ли подобную ситуацию следует воспринимать как реальную.

Вывод ясен: приостановление и прекращение уголовного дела (преследования) соответственно по п. 3¹ ч. 1 ст. 208 и ст. 28² УПК РФ ни при каких условиях не могут существовать в отрыве друг от друга. Прекращение уголовного преследования и освобождение от уголовной ответственности без предварительного приостановления уголовного дела вовсе исключено, а его приостановление без последующего прекращения может иметь место только в том неприятном случае, когда позитивные основания для последнего так и не возникли, вследствие чего уголовное преследование подлежит возобновлению и осуществлению в общем порядке.

2. Обращение командования воинской части (учреждения) — обязательное или факультативное условие приостановления и прекращения уголовного преследования?

Начнем с института приостановления производства по уголовному делу в связи с отбытием обвиняемого (подозреваемого) на СВО. В какой мере ходатайство командования воинской части (учреждения) является обязательным условием его приостановления по соответствующему основанию? О спорах, которые велись по этому поводу в период действия Федерального закона № 270-ФЗ, мы уже упоминали. Сегодня ситуация урегулирована, казалось бы, однозначно и применительно к предварительному расследованию (ч. 9 ст. 208 УПК РФ), и применительно к судебному разбирательству (ч. 4 ст. 238 УПК РФ): обращение (ходатайство) командования воинской части или учреждения является *обязательным* условием приостановления и того, и другого.

Однако в литературе продолжает выдвигаться точка зрения, пусть и в вариативной форме (как оптимальный вариант толкования соответствующих норм), что «приостановление предварительного расследования по этому основанию (п. 3¹ ч. 1 ст. 208 УПК РФ — Л. Г.), как и по любым другим основаниям, допускается по инициативе следователя (дознавателя), но с учетом специфики именно этого основания закон дополнительно предусматривает особого субъекта (командование воинской части), правомочного ставить перед следователем (дознавателем) вопрос о приостановлении предварительного расследования» [6, с. 53]. Иначе говоря, ходатайство командования воинской части становится при таком толковании не обязательным, а факультативным условием приостановления предварительного расследования (и, видимо, судебного разбирательства): сле-

дователь (дознаватель, суд) вправе приостановить производство и без него, действуя либо *ex officio*, либо по ходатайству заинтересованных участников уголовного судопроизводства (обвиняемого, защитника и т. п.). В качестве подтверждения данной позиции приводятся два аргумента: во-первых, процессуальная самостоятельность лица, ведущего производство по делу, чьи решения не могут «ставиться в абсолютную зависимость от волеизъявления ситуационного участника уголовно-процессуальной деятельности, к которым относится командование воинской части» [6, с. 53]; во-вторых, необходимость «избежать процессуального тупика в ситуации, когда командование воинской части по какой-то причине забыло или не сочло нужным заявить ходатайство о приостановлении предварительного расследования» [6, с. 53].

Но оба этих аргумента убедительными не выглядят. Ясно, что комплектование Вооруженных Сил, в том числе из лиц, подлежащих уголовному преследованию, выходит за пределы уголовно-процессуальных правоотношений и является абсолютной прерогативой военного командования, в силу чего никакого права на призыв, заключение контракта и т. п. у обвиняемого или подозреваемого нет: если кандидатура человека устраивает командование, он будет призван на военную службу, если нет — останется в своих пенатах. Ни следователь, ни суд, невзирая на всю их процессуальную самостоятельность и независимость, данные вопросы решать не уполномочены. Если кто-то из них даже лично убежден, что тот или иной обвиняемый идеально подходит для выполнения воинского долга, то может лишь неофициально предложить ему обратиться в военкомат или иную подобную структуру, причем в ситуации, когда мнение военных властей разойдется с мнением властей уголовно-процессуальных, последнее никакого значения в плане формирования Вооруженных Сил не имеет — отправить обвиняемого на фронт вопреки воле командования следователь или суд не вправе, иначе в армии наступил бы полный хаос. Остается один вариант — чисто технический: командование призвало обвиняемого на военную службу, но «забыло» оформить ходатайство о приостановлении предварительного расследования. Понятно, что речь идет об обычном разгильдяйстве, мало совместимом с воинской дисциплиной и жесткими инструкциями, действующими в Вооруженных Силах. Но даже если следователь или судья столкнется с чем-то подобным и получит из каких-то иных источников сведения о призыве обвиняемого на СВО, то ничто не мешает ему вступить с уполномоченным органом военного управления в процессуальную переписку, направить соответствующий запрос, официально выяснить, призван ли обвиняемый на военную службу, и в случае положительно ответа расценивать его

как надлежащее обращение командования по смыслу ч. 9 ст. 208 и ч. 4 ст. 238 УПК РФ. Зачем для решения этой сугубо гипотетической и, будем откровенны, мало реальной (в условиях действия совместных инструкций, к которым отсылает ч. 9 ст. 208 УПК РФ) ситуации вводить какие-то новые процессуальные смыслы, предоставляя следователю или суду право самостоятельно принимать подобные решения (без обращения командования), т. е. якобы своей волей от- правлять участников уголовного судопроизводства на линию боевого соприкосновения, что абсурдно?

Несколько иначе обстоит дело с прекращением уголовного преследования (освобождением от уголовной ответственности) по основаниям, предусмотренным ст. 28² УПК РФ, ст. 78¹ УК РФ. Не вызывает сомнений, что здесь важен сам факт награждения государственной наградой или увольнения с военной службы по почетным мотивам, *объективно* выраженный в соответствующих государственных решениях. Они могут приниматься не только командованием воинской части, но и иными уполномоченными органами, например, Президентом РФ, хотя почти всегда, конечно, требуют определенных действий и со стороны командования (представления к государственной награде, приказа об увольнении в запас конкретного военнослужащего на основании Указа Президента РФ о демобилизации и т. п.). Поэтому закон говорит не о ходатайстве командования воинской части, а об «информации от уполномоченных органов» (ч. 1 ст. 28² УПК РФ) как основании для принятия соответствующих процессуальных решений.

Вправе ли обвиняемый или его защитник представить подобные материалы самостоятельно? Почему нет? Важен не источник информации, например, об Указе Президента РФ о награждении государственной наградой того или иного лица, а сам факт награждения, отраженный в соответствующем Указе. Более того, нельзя исключить и появления сложных ситуаций, связанных, допустим, с определением круга государственных наград, дающих право на освобождение от уголовной ответственности. Если кто-то из участников СВО напишет в окопах военный роман и получит за него государственную премию по литературе, то дает ли это право на освобождение от уголовной ответственности в случае, когда человек к ней ранее привлекался⁴? Непростой вопрос. Подобные проблемы имеют, безусловно, *юридическую*, а не военную природу, в силу чего их решение, в отличие от призыва на военную службу, не относится к прерогативам военного командования. Они должны рассматриваться в сугубо правовой плоскости, что в какие-то моменты

неизбежно будет приводить к возникновению споров между обвиняемым, чье дело приостановлено, и лицом, ведущим по нему производство, о наличии или отсутствии оснований для прекращения уголовного преследования. Решение по ним на этот раз обязаны принимать следователь, суд и т. п. в общепроцессуальном порядке и независимо от мнения командования, которое в необходимых случаях лишь учитывается в качестве одного из доказательств при установлении факта награждения надлежащей государственной наградой или причин увольнения с военной службы, что не позволяет признать полностью идентичными ситуацию с приостановлением производства по уголовному делу и ситуацию с его последующим прекращением.

3. Императивные или дискреционные основания приостановления и прекращения уголовного преследования?

Основание прекращения уголовного преследования, установленное ст. 28² УПК, безусловно, является императивным, в чем нет никаких сомнений. Дело даже не в формулировке закона («прекращает уголовное преследование»), а в самой его логике. Если государство в лице своих представителей приостановило производство по уголовному делу и пообещало человеку в последующем освободить его от уголовной ответственности в случае согласия на участие в боевых действиях, и он свой воинский долг исполнил надлежащим образом, то государство обязано свое обещание неукоснительно выполнить. Иное невозможно не только в юридическом, но и в нравственном плане.

Много сложнее выглядит ситуация с приостановлением производства по уголовному делу. Обязан ли следователь, дознаватель, суд приостановить его при поступлении к нему соответствующего ходатайства командования воинской части или у него есть право в ходатайстве отказать, ссылаясь, например, на тяжесть преступления, общественную опасность обвиняемого, интересы расследования, правосудия и т. п.? В литературе неоднократно высказывалась точка зрения, причем как в период действия Федерального закона № 270-ФЗ, так и сейчас, что «обращение с таким ходатайством не является безусловным основанием к его удовлетворению» [2, с. 30], что «следователь вправе отказать в удовлетворении ходатайства командования воинской части о приостановлении предварительного расследования в отношении мобилизованного военнослужащего именно по мотивам необходимости завершения расследования» [6, с. 54].

⁴ Пример не является сугубо умозрительным. Известно, что автор одного из самых известных и читаемых литературных произведений об СВО (Даниил Туленков «Шторм Z. У вас нет других нас») отправился добровольцем на фронт из исправительной колонии, где отбывал наказание за мошенничество. URL: <https://www.livelib.ru/author/2581246-daniil-tulenkov> (дата обращения: 09.01.2025).

В отличие от ранее обсуждавшихся позиций, данную точку зрения трудно признать верной или неверной, поскольку сама проблема является *объективно* сложной, не имеет однозначного решения и не возникает в связи с неправильным пониманием закона или игнорированием его логики. Дело здесь в другом. Речь идет о столкновении двух разнонаправленных векторов публичного интереса: один из них ориентирован на обеспечение интересов расследования и правосудия при совершении общественно опасного деяния, а другой — на достижение стоящих перед Вооруженными Силами задач по защите суверенитета и территориальной целостности государства (задач СВО). Ясно также, что разнонаправленность векторов публичного интереса всегда приводит к определенной коллизии прерогатив тех или иных ответвлений государственной власти, ответственных за их реализацию, в данном случае — судебно-следственной и военной властей. Если следователь (суд) вправе отказать в ходатайстве командования воинской части, то следственно-судебную власть мы ставим выше военной, если нет, то исходим из приоритета решений военных властей.

Поэтому у данной проблемы нет юридическое решение, оно может быть только *политическим*. Кроме того, надо понимать, что иерархия публично-правовых ценностей не может быть одинаковой в мирное и в военное время. В мирное время приоритет следственно-судебного публичного интереса над интересом военным, как правило, сомнений не вызывает. В военное время он смещается в сторону военных властей, поскольку только они способны обеспечить физическую безопасность и контроль территорий, без которых не может быть ни предварительного расследования, ни судебного разбирательства, ни действия российских законов в целом. В то же время в п. 3¹ ч. 1 ст. 208 и ч. 4 ст. 238 УПК РФ речь идет исключительно о «периоде мобилизации», «периоде военного положения» и «военном времени», т. е. о во-

енном времени *lato sensu*, не дающем возможности сохранять подходы мирного времени.

Именно по этой причине Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» указал, что не только ст. 28², но и п. 3¹ ч. 1 ст. 208 УПК «закрепляют гарантии обязательного прекращения или приостановления уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого ... и не допускают в этих случаях составления обвинительного документа» (п. 5). Другими словами, при поступлении ходатайства командования воинской части уголовное дело подлежит *обязательному* приостановлению, иное должно расцениваться как нарушение уголовно-процессуального закона и повлечь возвращение судом уголовного дела (если оно туда передано) прокурору.

На сегодняшний день проблема разрешена Пленумом Верховного Суда РФ однозначно: прерогатива принятия решения о привлечении лиц, подлежащих уголовному преследованию за определенные законом преступления, в ряды Вооруженных Сил для их участия в СВО остается за военным командованием, что обязывает следователей, дознавателей и суды приостанавливать производство по соответствующим уголовным делам. При иной расстановке публично-правовых акцентов, характерной для мирного времени, о котором сейчас можно рассуждать лишь гипотетически, п. 3¹ ч. 1 ст. 208 и ч. 4 ст. 238 УПК РФ вовсе не будут подлежать применению, т. е. окажутся в «спящем состоянии», поскольку в условиях мира не бывает ни мобилизации, ни военного положения, ни военного времени. В такой ситуации ценности уголовного судопроизводства вновь станут приоритетными, но чтобы добиться этого, государству сначала нужно решить сугубо военные задачи.

Список источников

1. Прекращение уголовного преследования в отношении участника СВО // Уголовный процесс. 2023. № 11.
2. Цветков Ю. А. Прекращение уголовного преследования в отношении участника СВО. Рекомендации следствию // Уголовный процесс. 2023. № 11.
3. Калиновский К. Б. Что учесть при освобождении от ответственности участников СВО // Уголовный процесс. 2023. № 11.
4. Звечаровский И. Э. Новый вид освобождения от уголовной ответственности: минусы и плюсы законодательной регламентации // Законность. 2024. № 10.
5. Скрибайло В.-Т. С. Закон об освобождении от уголовной ответственности участников СВО. Применение в суде // Уголовный процесс. 2023. № 11.
6. Стельмах В. Ю. Приостановление предварительного расследования в отношении обвиняемого (подозреваемого), участвующего в боевых действиях // Законность. 2024. № 10.

УДК 343.132

doi: 10.24412/1999-625X-2025-196-11-16

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Изъятие предметов, документов, имущества, подлежащих признанию вещественными доказательствами, как мера процессуального принуждения

Борис Борисович Булатов

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса¹, ✉ bulatov_oma@mail.ru

Антон Васильевич Павлов

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса¹, ✉ pavlov_oma@mail.ru

Ирина Владимировна Сидорова

кандидат юридических наук, начальник адъюнктуры¹, ✉ sidorova.81@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Статья посвящена изъятию предметов, документов, имущества, подлежащих признанию в качестве вещественных доказательств. Рассматривается процессуальная природа изъятия в ходе досудебного производства по уголовным делам. Авторы приходят к мнению, что изъятие представляет собой самостоятельную меру уголовно-процессуального принуждения. Данный подход позволяет сфокусировать внимание на принудительном воздействии в отношении участников уголовного судопроизводства, отграничить его от доказательственной деятельности, выделить его сущностные признаки.

Ключевые слова: изъятие предметов и документов, представление предметов и документов, вещественные доказательства, мера процессуального принуждения, наложение ареста на имущество, следственные действия

Для цитирования: Булатов Б. Б., Павлов А. В., Сидорова И. В. Изъятие предметов, документов, имущества, подлежащих признанию вещественными доказательствами, как мера процессуального принуждения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96). С. 11–16.

Seizure of Objects, Documents and Property to be Recognized as Physical Evidence, as a Measure of Procedural Coercion

Boris B. Bulatov

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Criminal Procedure¹, ✉ bulatov_oma@mail.ru

Anton V. Pavlov

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, chief of the chair of Criminal Procedure¹, ✉ pavlov_oma@mail.ru

Irina V. Sidorova

Candidate of Science (in Law), chief of the post-graduate courses¹, ✉ sidorova.81@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article is devoted to the seizure of objects, documents, property to be recognized as physical evidence. The article considers the procedural nature of seizure in the course of pre-trial proceedings of criminal cases. The authors come to the conclusion that seizure is an independent measure of criminal procedural coercion. This approach makes it possible to focus on coercive influence in relation to participants of criminal proceedings, to distinguish it from evidentiary activity, to specify its essential features.

Keywords: seizure of objects and documents, discovery of objects and documents, physical evidence, measure of procedural coercion, imposing arrest on property, investigative actions

Citation: Bulatov B. B., Pavlov A. V., Sidorova I. V. Seizure of Objects, Documents and Property to be Recognized as Physical Evidence, as a Measure of Procedural Coercion. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 1(96). Pp. 11–16 (In Russ.).

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) содержит нормы, в которых употребляется термин «изъятие». Он неоднократно воспроизводится в ст. ст. 81, 81¹, 82 УПК РФ о вещественных доказательствах, порядке их при-

знания и хранения. В части 1 ст. 144 УПК РФ указывается, что при проверке заявления о преступлении документы и предметы могут изыматься в порядке, установленном законом. При проведении осмотра, освидетельствования изымаются предметы, имею-

щие отношение к уголовному делу (ч. 3 ст. 177, ч. 2 ст. 180 УПК РФ). В ходе производства обыска или выемки подлежат изъятию предметы, документы и ценности (чч. 10, 13, 14 ст. 182, ч. 5 ст. 183, ч. 1 ст. 184 УПК РФ). Электронные носители информации изымаются с учетом особенностей, предусмотренных в ст. 164¹ УПК РФ. Наложение ареста предусматривает изъятие имущества и передачу его на хранение (ч. 2 ст. 115 УПК РФ).

Термин «изъятие» встречается в различных правовых сферах, используется в административной и оперативно-розыскной деятельности. В соответствии со ст. 27.10 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации в целях установления обстоятельств административного правонарушения подлежат изъятию объекты, имеющие доказательственное значение. Сотрудники полиции вправе изымать у граждан оружие, боеприпасы, патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры либо ядовитые или радиоактивные вещества, а также скрываемые предметы хищения (п. 16 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции»¹). Изъятие предметов, материалов и сообщений предусмотрено в ч. 1 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»². Поддерживаем мнение о законности такого «изъятия» при приобщении исполненных материалов письменного поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, данного органу дознания [1].

Изъятие и принудительное изъятие имеют место и в гражданских отраслях права. Например, в Гражданском кодексе Российской Федерации это ст. ст. 146, 152, 152.1, 152.2, 235, 279, 282 и др., в Земельном кодексе Российской Федерации об изъятии упоминается более 500 раз, а о принудительном изъятии — 9 раз.

В Толковом словаре русского языка под изъятием понимается исключение из чего-нибудь, отступление от чего-нибудь [2, с. 243]. В Словаре русского языка «изъятие — исключение (из правила), отступление (от нормы)», «изъять» означает «исключить, устранить» [3, с. 172]. В Толковом словаре В. И. Даля: изымать, изъять что-н. — вынимать, взять из чего-н.: исключать, выключать, отделять особо, выгораживать, делать исключение, изъятие [4, с. 47]. Юридическое значение изъятия связывают с устранением определенных материальных объектов из обращения или владения ими конкретных субъек-

тов. Под ним понимают также следственную меру, при которой предметы и документы, имеющие отношение к делу, извлекаются или изымаются физическим или юридическим лицом.

Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»³ в ч. 1 ст. 144 УПК РФ предоставил право органам расследования при рассмотрении сообщения о преступлении истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном законом. Данное положение в теории и в правоприменительной практике было воспринято неоднозначно. Из текста закона неясно, истребование и изъятие — это одно действие или различные [5]; образует ли изъятие самостоятельный способ проверки первичной информации или имеется в виду изъятие как элемент осмотра или освидетельствования [6, с. 66] или других следственных действий, таких как обыск или выемка.

В. В. Кальницкий, безусловно, прав в том, что истребование применяется только на добровольной основе. Это иное самостоятельное процессуальное действие по собиранию доказательств. Изъятие не является частью истребования, тем более самостоятельным проверочным средством. Механизм принудительного изъятия истребованного объекта в УПК РФ отсутствует [6, с. 66–68].

Н. С. Соколовская, И. В. Чаднова исходят из того, что истребование и изъятие — разные по своему смыслу действия. Авторы отмечают, что истребование осуществляется на добровольной основе, а изъятие предполагает принудительный характер [7, с. 181–182].

П. А. Кудрявцев полагает, что изъятие является правоммерным при рассмотрении сообщения о преступлении в рамках осмотра и освидетельствования, за исключением случаев, когда требуется судебное разрешение на их проведение. В то же время он справедливо выражает сомнения в отношении возможности изъятия в процессе выемки и обыска на этапе возбуждения уголовного дела, поскольку их производство не предусмотрено законом [1].

Напротив, по мнению В. Ю. Стельмаха, в УПК РФ появилось еще одно проверочное действие — истребование и изъятие предметов и документов, позволяющее на условиях добровольности получить доказательственную информацию [8, с. 23, 26].

¹ О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ.

³ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ.

В юридической литературе считается устоявшейся позиция, согласно которой в стадии возбуждения уголовного дела не допускается применение средств получения доказательственной информации с использованием государственного принуждения. Осуществляемые на данном этапе уголовного судопроизводства процессуальные действия не могут быть связаны с ограничением прав и свобод участников уголовного процесса и обеспечены принудительными процессуальными мерами [9, с. 14; 10, с. 9, 18–19].

В современных условиях использование принудительного воздействия при производстве следственных действий в ходе рассмотрения сообщения о преступлении не должно отличаться от его использования во время предварительного расследования. Отмечается, что до возбуждения уголовного дела принудительное воздействие может быть менее выраженным, с возможными ограничениями [7, с. 67]. Участникам проверки сообщения о преступлении предоставлены гарантии, которые позволяют обеспечить реализацию их прав и интересов (права, предусмотренные в ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ, в том числе и право на квалифицированную помощь; судебный контроль и др.). Вместе с тем следует иметь в виду, что объекты, запрещенные к обращению и находящиеся в незаконном обороте, указанные в пп. 3, 6, 7, 8 ч. 2 и ч. 2¹ ст. 82 УПК РФ, должны быть изъяты принудительно.

К. А. Костенко, Е. В. Авдеева утверждают, что осмотр и изъятие предметов представляют собой процессуальные действия, направленные на получение информации и объектов [11, с. 134].

Сомнительно рассматривать изъятие в качестве самостоятельного проверочного (процессуального) действия не только в стадии возбуждения уголовного дела, но и в стадии предварительного расследования. Изъятые предметы и документы должны быть уже осмотрены в процессе следственного или процессуального действия и иметь отношение к уголовному делу. Если же такое действие требует продолжительного времени или осмотр на месте затруднен, то предметы изымаются и их осмотр производится отдельно. В любом случае вопрос проверки их отношения к уголовному делу разрешается в процессе проведения именно следственного или иного процессуального действия. Само изъятие не предполагает каких-либо действий по проверке первичной информации. На данное обстоятельство обращает внимание Конституционный Суд РФ. В определении от 5 марта 2014 г. № 518-О отмечено, что изъятие не мо-

жет подменять собой процессуальные и следственные действия, для которых установлена специальная процедура и другие основания и условия проведения в уголовно-процессуальном законе⁴.

О. А. Петрова считает, что изъятие представляет собой действие, которое обеспечивается мерами принуждения в случае отказа добровольно выдать необходимые предметы и документы. Отсюда, как того требует логика, следует понимать, что собственно само изъятие не является принудительной мерой. По словам автора, процессуальное принуждение в этом контексте следует рассматривать как интегративную часть и метод реализации следственного действия [12, с. 7].

Е. В. Маджиева, напротив, обосновывает мнение о том, что средства принудительного характера, обеспечивающие процессуальные и следственные действия, являются самостоятельным правовым институтом и носят автономный характер. Автор, как нам представляется, справедливо отмечает, что уголовно-процессуальное принуждение всегда выражено только в самостоятельных, конкретных средствах принудительного характера [13, с. 11–13, 23].

По мнению С. Б. Россинского, изъятие не является процессуальным действием, а представляет собой некий «правовой суррогат». Изъятие обычно сопровождается применением принуждения, если не происходит добровольной выдачи предмета. Автор считает, что изъятие может быть вытеснено из сферы уголовно-процессуального регулирования выемкой. Последняя лишена познавательного характера и в перспективе должна быть исключена из системы следственных действий, превратившись в формальную юридическую процедуру легализации предметов, документов и иных объектов в уголовное дело. Именно это и вытекает из содержания ч. 1 ст. 183 УПК РФ [14, с. 218–222].

Мы полагаем, что имеются предпосылки, раскрывающие сущность изъятия как процессуальной принудительной меры, с помощью которой удерживаются предметы и документы, если они не выдаются добровольно. Следственные действия имеют удостоверительный характер, их производство направлено на поиск, обнаружение и фиксацию доказательственной информации. В то же время положение о том, что при производстве следственных и иных процессуальных действий может применяться принудительное воздействие, не противоречит ни закону, ни доктрине.

Лексический анализ, исследование отраслевого законодательства, изучение юридической литературы

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Брамма Виталия Викторовича и Навального Алексея Анатольевича на нарушение их конституционных прав пунктом 43 статьи 5, статьями 144 и 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2014 г. № 518-О.

дают основание для ассоциации термина «изъятие» с принуждением. Один из соавторов данной статьи ранее отмечал, что используемые при производстве следственных действий принудительные меры в виде психологического и физического воздействия на участников являются способом осуществления следственного действия [15, с. 170]. Меры принуждения могут являться органическим, неотъемлемым элементом не только следственных, но и процессуальных действий и неотделимы от них, поскольку правовое регулирование этих мер осуществляется в рамках процедуры проведения таких действий [16, с. 36].

Указанные выше суждения служат прежде всего обоснованием положения о том, что изъятие предметов и документов нецелесообразно выносить в раздел четвертый УПК РФ, посвященный мерам процессуального принуждения. Изъятие генетически связано с такими следственными действиями, как осмотр, освидетельствование, производство судебной экспертизы, обыск и выемка, порядком хранения вещественных доказательств, рассмотрением сообщения о преступлении. Однако, находясь внутри следственных и иных процессуальных действий, изъятие представляет собой самостоятельную принудительную меру, право воспользоваться или не воспользоваться которой предоставлено органу расследования. Степень интенсивности физического или иного принудительного воздействия при изъятии в законе регулируется явно недостаточно. Возможно, это объясняется тем, что принуждение при производстве следственных действий играет факультативную роль. Позиционирование изъятия в качестве самостоятельной меры уголовно-процессуального принуждения обуславливает необходимость правового регулирования форм принудительного воздействия, а также гарантий ее реализации.

Данная мера имеет уголовно-процессуальный характер, поскольку предусмотрена в УПК РФ и находит применение в процессе производства расследования по уголовному делу. Решение об изъятии отражается в уголовно-процессуальных актах: протоколах следственных и процессуальных действий, в том числе в самостоятельном протоколе изъятия предметов и документов. По опросам лиц, осуществляющих расследование, последний документ достаточно часто встречается в практической деятельности. Этот факт находит подтверждение в юридической литературе. Отмечается, что данный протокол не предусмотрен в законе, равно как и не запрещен им [1].

Изъятие имущества по уголовному делу связывается с наложением на него ареста или признани-

ем его вещественным доказательством. Наложение ареста на имущество не относится к следственным действиям. Его целью является предотвращение отчуждения имущества до разрешения уголовного дела по существу. Изымаемые предметы не предполагается использовать в процессе доказывания. Если они имеют значение для дела, арест не налагается. Они изымаются путем проведения обыска или выемки [17, с. 25]. Тем не менее в соответствии с п. 3¹ ч. 2 ст. 82 УПК РФ вещественные доказательства в виде денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления, и доходов от этого имущества, обнаруженных при производстве следственных действий, подлежат аресту (ст. 115 УПК РФ). Это единственное упоминание о наложении ареста на имущество, связанное с изъятием имущества органом расследования в рамках судебной процедуры, касающейся хранения вещественных доказательств. Наложение ареста на иное имущество, признаваемое вещественным доказательством, не является обязательным. Оно иницируется по решению должностных лиц органов расследования, исходя из достижения целей, сформулированных в ст. 111 и ст. 115 УПК РФ.

Изъятие по уголовному делу имущества в связи с признанием его вещественным доказательством также предполагает режим хранения, который ограничивает права владения и пользования имуществом, но не порождает перехода права собственности. Его ограничение для защиты публичных интересов касается не только лиц, являющихся подозреваемыми или обвиняемыми, а также несущих по закону материальную ответственность за их действия, но и иных лиц, участие которых в совершении преступления лишь предполагается. Оно должно отвечать, как минимум, двум условиям: носить временный характер и иметь процессуальные гарантии защиты прав посредством правосудия.

Конституционный Суд РФ отметил, что временное изъятие и удержание имущества в режиме его хранения представляет собой необходимую для производства по уголовному делу процессуальную меру обеспечительного характера, применяемую по решению уполномоченных лиц на период производства по уголовному делу⁵.

Органы расследования полномочны самостоятельно решать вопрос о признании тех или иных предметов вещественными доказательствами, их изъятии и удержании в режиме хранения, способах хранения либо возвращении законному владельцу на ответственное хранение. Решение должно быть мо-

⁵ По делу о проверке конституционности части первой статьи 81.1 и пункта 3.1 части второй статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Синклит»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 января 2018 г. № 1-П.

тивированным, исходить из особенностей уголовного дела, определять правовое и фактическое положение вещественных доказательств.

Из указанного выше постановления Конституционного Суда РФ вытекает важное положение о том, что наложение ареста на имущество и изъятие и хранение вещественных доказательств, являясь самостоятельными институтами, характеризуются разным предназначением в уголовном судопроизводстве.

Защита публичных интересов предполагает возможные ограничения права собственности при производстве по уголовному делу. Законодатель наделяет органы предварительного расследования полномочиями по применению мер обеспечения, связанных с наложением ареста на имущество по судебному решению и изъятием имущества, предметов и документов, подлежащих признанию вещественными доказательствами. Изъятие и удержание в режиме хранения имущества, признанного вещественным доказательством, также ограничивает права собственника или владельца, создает дискомфорт.

Подводя итоги, авторы пришли к следующим выводам.

1. Изъятие и хранение вещественных доказательств являются в своей совокупности мерами обеспечительного характера по уголовному делу. Их нельзя рассматривать как способ проверки первичной информации о преступлении. Изъятие представляет собой процессуальную принудительную меру, реализуемую в ситуации, когда лицо отказывается добровольно выдать предмет, документ или имущество. Решение о ее применении отражается в протоколах следственных и процессуальных действий, в том числе в самостоятельном протоколе изъятия.

2. Изъятие предметов, документов и имущества при производстве следственных и процессуальных действий как в ходе предварительного расследо-

вания, так и при рассмотрении сообщений о преступлении представляет собой единый институт. В рамках действующего правового регулирования с его помощью обеспечивается принудительное воздействие, направленное на преодоление нежелания участников уголовного процесса выполнять требования о передаче предметов, документов, имущества, подлежащих признанию в качестве вещественных доказательств.

3. Изъятие имущества по уголовному делу возможно в виде наложения на него ареста или признания его вещественным доказательством, которые предполагают наличие режима хранения, ограничение права владения и пользования имуществом. Режим хранения имущества, являющегося вещественным доказательством, в порядке наложения на него ареста обязателен в отношении денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершенного преступления, и доходов от этого имущества, обнаруженных при производстве следственных действий (п. 3¹ ч. 2 ст. 82 УПК РФ). В отношении иного имущества, признанного вещественным доказательством, по усмотрению органов предварительного расследования может быть применено временное изъятие и удержание имущества в режиме хранения.

4. Изъятие предметов и документов характеризуется следующими признаками: применяемые средства должны быть соразмерны достижению поставленной цели; необходим баланс защищаемых Конституцией РФ ценностей и предусмотренных ограничений; изъятие не порождает перехода права собственности на имущество; применяется по решению органов предварительного расследования самостоятельно и не требует судебного решения; носит временный характер, ограниченный сроками расследования, другими сроками, принятием окончательного решения по уголовному делу.

Список источников

1. Кудрявцев П. А. Актуальные вопросы реализации полномочий следователя по истребованию и изъятию предметов и документов на этапе возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2015. № 16.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2003.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов. 24-е изд., испр. М., 2007.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание : в 4 т. М., 2004. Т. 2.
5. Артемова В. В. Проблемные аспекты реализации истребования и изъятия предметов и документов на этапе возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2014. № 3.
6. Кальницкий В. В. Истребование документов и предметов в стадии возбуждения уголовного дела // Законодательство и практика. 2015. № 2.
7. Соколовская Н. С., Чаднова И. В. К вопросу об изъятии предметов и документов при проверке сообщения о преступлении // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416.

8. *Стельмах В. Ю.* Процессуальные проблемы истребования и изъятия документов и предметов в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 4.
9. *Писарев А. В.* Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002.
10. *Демурчев Л. Г.* Собираение доказательств в ходе досудебного производства путем проведения иных процессуальных действий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.
11. *Костенко К. А., Авдеева Е. В.* Осмотр и изъятие предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2017. № 4.
12. *Петрова О. А.* Изъятие предметов и документов в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2024.
13. *Маджиева Е. В.* Иные меры процессуального принуждения в системе средств принудительного характера в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
14. *Россинский С. Б.* Следственные действия : монография. М., 2018.
15. *Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова.* М., 2008.
16. *Булатов Б. Б., Николюк В. В.* Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК России) : монография. М., 2003.
17. *Стельмах В. Ю.* Концептуальные основы следственных действий : монография. М., 2017.

УДК 343.137.2

doi: 10.24412/1999-625X-2025-196-17-22

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Восстановление протокольной формы досудебного производства в аспекте оптимизации уголовно-процессуальной деятельности

Сергей Викторович Бурмагин

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права¹,
федеральный судья в почетной отставке,

✉ serburmagin@yandex.ru

¹ Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (Москва, Россия)

В статье рассматривается проблема оптимизации и повышения эффективности досудебного производства по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. Автор отмечает недостатки действующего порядка дознания в сокращенной форме (гл. 32¹ УПК РФ) и обращается к процессуальной форме досудебной подготовки материалов, успешно применявшейся по УПК РСФСР 1960 г. На основе анализа данной процессуальной формы сделаны выводы о ее соответствии на-
сущным потребностям ускорения и упрощения производства по делам о нетяжких и очевидных преступлениях и о возможности построения на основе протокольной формы новой современной модели сокращенного досудебного производства по уголовным делам.

Ключевые слова: уголовный процесс, досудебное производство, ускоренное производство, дознание в сокращенной форме, протокольная форма, разумный срок судопроизводства, судебное разбирательство

Для цитирования: Бурмагин С. В. Восстановление протокольной формы досудебного производства в аспекте оптимизации уголовно-процессуальной деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96). С. 17–22.

Restoration of the Protocol Form of Pre-Trial Proceedings in the aspect of Optimization of Criminal Procedural Activity

Sergey V. Burmagin

Doctor of Science (in Law), Professor at the chair of Criminal Procedural Law¹, Honoured Retired Federal Judge,

✉ serburmagin@yandex.ru

¹ Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

The article considers the problem of optimizing and improving the efficiency of pre-trial criminal proceedings in cases of minor and medium gravity. The author notes the shortcomings of the current order of short-term enquiry (Ch. 32¹ of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation) and turns to the procedural form of pre-trial preparation of materials, successfully applied under the Criminal Procedural Code of the RSFSR of 1960. On the basis of the analysis of this procedural form, conclusions were drawn about its compliance with the urgent needs for acceleration and simplification of proceedings in cases of non-serious and obvious offences and about the possibility of building on the basis of the protocol form a new modern model of short-term pretrial proceedings in criminal cases.

Keywords: criminal procedure, pre-trial proceedings, accelerated proceedings, short-term enquiry, protocol form, reasonable term of proceedings, court proceedings

Citation: Burmagin S.V. Restoration of the Protocol Form of Pre-Trial Proceedings in the aspect of Optimization of Criminal Procedural Activity. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 1(96). Pp. 17–22. (In Russ.).

Оптимизация любого социального процесса предполагает достижение необходимого уровня эффективности осуществляемой в его рамках деятельности. Эффективность уголовного судопроизводства как разновидности юридической деятельности можно определить посредством соотношения ее качественных и количественных показателей. Первые демонстрируют результативность уголовно-процес-

суальной деятельности в достижении целей судопроизводства и решении поставленных перед ней задач («социальная эффективность»), вторые раскрывают степень ее затратности и позволяют оценить целесообразность процессуальных форм и отдельных процедур с точки зрения рационального использования выделяемых для них ресурсов («экономический эффект») [1, с. 9].

Сопоставляя данные показатели, отечественные ученые-процессуалисты все чаще приходят к неутешительному выводу о низкой эффективности современного досудебного производства по уголовному делу и несоответствии его современным реалиям и общественным потребностям [2; 3; 4; 5, с. 43–44]. Действительно, существующее досудебное производство, если оценивать его обобщенно, далеко от оперативного решения стоящих перед ним задач, оно в высшей степени затратно, обросло сложными, местами избыточными процедурами, а главное — в значительной степени бюрократилось и превратилось в бесконечное бумажное производство, создающее препятствия для соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства, обеспечения права на доступ к правосудию и иных конституционных прав личности.

Сказанное наиболее актуально для производства по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, которые, как правило, не представляют особой сложности при расследовании и доказывании, но при этом составляют большинство в общей массе регистрируемых преступлений (в 2022 г. их доля составила 72,7%¹). Основной объем уголовных дел, рассматриваемых российскими судами, образуют дела о преступлениях небольшой и средней тяжести — их доля в общем количестве рассмотренных судами уголовных дел на протяжении 2020–2023 гг. варьируется в пределах 73–80%² (табл. 1).

В связи с этим нельзя не признать, что на современном этапе общественного развития ускорение досудебного производства — одна из острых проблем отечественного уголовного судопроизводства, а отыскание оптимальных путей и эффективных способов ее решения — важнейшая задача науки уголовно-процессуального права.

В рамках действующего УПК РФ проблему ускорения досудебного производства пытались решить дважды: сначала при его принятии путем регламентации ускоренного расследования в форме дознания по определенному перечню дел о преступлениях

небольшой и средней тяжести (глава 32 УПК РФ), затем — посредством введения в 2013 г. дознания в сокращенной форме (глава 32¹ УПК РФ)³. Результат известен. Обычное дознание вследствие многократных изменений положений главы 32 УПК РФ переродилось в аналог предварительного следствия и практически утратило признаки упрощенной формы расследования. Сокращенное дознание оказалось изначально обременено в крайне непоследовательную и противоречивую процедуру, которая обставлена массой условностей и оговорок, лишающих данную форму расследования оперативности и нивелирующих ее ценность, за что подвергается в научной литературе обоснованной критике [6; 7; 8, с. 138–145; 9, с. 15–16; 10, с. 139–141; 11; 12, с. 26; 13, с. 133–134].

К наиболее существенным недостаткам процессуальной регламентации сокращенной формы дознания, ограничивающим ее применение, приводящим к затягиванию сроков предварительного расследования и увеличению процессуальных издержек, а также создающим предпосылки для использования подозреваемым (обвиняемым) процедуры сокращенного дознания в целях избежания уголовной ответственности или создания препятствий для ее реализации, относятся нормативные требования, согласно которым дознание в сокращенной форме производится исключительно на основании ходатайства подозреваемого (ч. 2 ст. 226¹ УПК РФ) и при отсутствии возражений потерпевшего (п. 6 ч. 1 ст. 226² УПК РФ), которые в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора вправе (по любым причинам и мотивам) заявить обязательное для удовлетворения ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении дознания в общем порядке (ч. 3 ст. 226³ УПК РФ), а заявление такого ходатайства в суде, как и поступление возражений какой-либо из сторон против дальнейшего производства с применением особого порядка судебного разбирательства, влечет возвращение судом

Таблица 1. Количество уголовных дел, рассмотренных судами Российской Федерации в 2020–2023 гг.

Количество дел	2020		2021		2022		2023	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Общее количество рассмотренных дел	748 853	100	769 948	100	770 851	100	727 169	100
По преступлениям небольшой и средней тяжести	600 564	80,2	595 206	77,3	584 713	75,9	536 195	73,7
По преступлениям небольшой тяжести	425 331	56,8	427 538	55,5	422 273	54,8	389 138	53,5

¹ Показатели преступности в России. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 20.12.2024).

² Здесь и далее статистические данные приведены (расчеты выполнены) на основании отчетов Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2020–2023 гг. (Форма № 1, раздел 1). URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.06.2024).

³ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

уголовного дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке (ч. 4 ст. 226⁹ УПК РФ).

Отмеченные пороки сокращенной формы дознания обуславливают невысокую практическую востребованность данной формы предварительного расследования [9, с. 16; 10, с. 141; 13, с. 133–134], что подтверждается и данными судебной статистики, согласно которым на протяжении последних лет (2020–2023 гг.) количество уголовных дел, поступивших в российские суды с обвинительным постановлением, т. е. расследованных в форме сокращенного дознания, постоянно снижается как в абсолютных цифрах (с 50 393 до 21 832 дел), так и в относительном исчислении от общего числа дел, направленных в суд после дознания (с 14,8% до 7%), и уменьшилось за указанный период более чем в два раза (табл. 2).

В свете явно неудачного реформирования предварительного расследования в постсоветский период многие российские процессуалисты (Б. Я. Гаврилов, С. И. Гирько, О. В. Качалова, И. А. Насонова, О. Г. Ковалев, В. М. Герасенков, И. С. Губарев, Ю. В. Шпагина, А. А. Прокопова и др.) направляют свои исследования на поиск и разработку новых оптимальных моделей сокращенного (ускоренного) досудебного производства по уголовным делам и вполне закономерно обращаются в своих изысканиях к прошлому отечественному опыту, устремляя взгляд на существовавшую в советском уголовном процессе протокольную форму досудебного производства, а также на ее модификации в постсоветском пространстве [5; 8; 9; 11; 12, с. 26–27; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20].

Напомним, что в 1966 г. в УПК РСФСР был введен раздел девятый «Производство по делам о хулиганстве» (глава 34)⁴, который установил особенное производство по делам о простом, неквалифицированном хулиганстве (ч. 1 ст. 206 УК РСФСР). Данное уголовное производство являлось сокращен-

ным и в значительной степени упрощенным в части досудебного производства: предварительное расследование не проводилось, а дело возбуждалось в суде на основании протокола органа дознания и материалов проверки, проводимой в пятидневный срок.

Впоследствии, в 1977 г., данный порядок был распространен на дела о неквалифицированном мелком хищении государственного или общественного имущества (ч. 1 ст. 96 УК РСФСР)⁵, а в 1985 г. и на ряд дел о других нетяжких преступлениях⁶, образовав тем самым так называемую протокольную форму досудебной подготовки материалов, получившую широкое распространение в правоприменительной практике. По состоянию на 2001 г. в протокольной форме уголовные дела направлялись в суд по 39 статьям УК РФ (порядка 50 составов преступлений).

В 1997 г. в соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ⁷ порядок производства по протокольной форме досудебной подготовки материалов был реорганизован: суд лишен несвойственного ему как органу правосудия полномочия возбуждения уголовного дела, которое было передано начальнику органа дознания. В остальном данная протокольная форма досудебного производства не вызывала серьезных нареканий с точки зрения ответственности Конституции РФ и закрепленным в ней правам человека и активно применялась вплоть до окончания действия УПК РСФСР.

Чем примечательна была такая форма уголовного судопроизводства? Тем, что расследование фактически заменялось проверкой сообщения о преступлении, которая осуществлялась в 10-дневный срок, в течение которого органы дознания обязаны были получить объяснения от правонарушителя, очевидцев и других лиц, истребовать справку о наличии или отсутствии судимости у правонарушителя, характеристику с места его работы или учебы и другие материалы, имеющие значение для рассмотрения

Таблица 2. Количество уголовных дел, поступивших в суды Российской Федерации в 2020–2023 гг. после расследования в форме дознания

Количество дел	2020		2021		2022		2023	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Общее количество дел, поступивших после дознания	341 074	100	348 482	100	341 652	100	310 112	100
Из них дела, расследованные в сокращенной форме дознания	50 393	14,8	43 068	12,4	31 702	9,3	21 832	7

⁴ О внесении дополнений и изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 августа 1966 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1966. № 35, ст. 946.

⁵ О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 декабря 1977 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1977. № 51, ст. 1217.

⁶ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 января 1985 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1985. № 5, ст. 163.

⁷ По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края : постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П.

дела в суде. Об обстоятельствах дела составлялся протокол, в который вносились все полученные данные, необходимые для рассмотрения дела в суде и который содержал решение о возбуждении уголовного дела начальником органа дознания. Данное решение, по сути, являлось одновременно и актом обвинения в конкретном преступлении, предполагало разъяснение лицу, в отношении которого возбуждалось дело, сущности обвинения и процессуальных прав. Далее протокол — аналог современному обвинительному постановлению — в 3-суточный срок утверждался прокурором и с материалами возбужденного уголовного дела направлялся в суд (ст. 415 УПК РСФСР). В суде дело рассматривалось в обычном порядке, но в более сжатый, 14-дневный срок, который исчислялся с момента поступления материалов в суд (ст. 419 УПК РСФСР).

Преимущества протокольной формы досудебной подготовки материалов по делам о преступлениях, не представляющих большой опасности, в сравнении с обычными формами расследования уголовных дел — предварительным следствием и дознанием — заключаются в следующем:

- 1) досудебное производство дел по протокольной форме начинается и осуществляется дознавателем (органом дознания) императивно, независимо от волеизъявления и переменчивого субъективного желания заинтересованных в исходе дела участников уголовного судопроизводства;
- 2) отпадает необходимость дублирования процессуальных действий познавательного характера, что характерно для обычных производств, проходящих через две стадии: возбуждения уголовного дела и предварительного расследования;
- 3) отсутствует сложная и громоздкая процедура предъявления обвинения;
- 4) сокращается срок досудебного производства (до 10 дней), который с внедрением автоматизированных учетов и других информационных (электронных) технологий, существующих на сегодняшний день, можно еще более сократить, например, до пяти суток⁸;
- 5) основная часть доказательств по таким делам, в частности, показания, формируются непосредственно в суде первой инстанции, и акцент доказывания в этом случае переносится в судебное разбирательство, а не предопределяется результатами и выводами органов предварительного расследо-

вания, что предпочтительнее и логичнее для состязательного судопроизводства;

6) в целях обеспечения гарантий правосудия и соблюдения прав граждан отсутствие развитой формы досудебного производства компенсируется полноценным судебным разбирательством;

7) судебное разбирательство максимально приближается к факту преступления⁹, что благоприятно сказывается на познавательной деятельности суда, способствует непосредственному установлению им истинных обстоятельств преступления;

8) продолжительность судебного разбирательства, ввиду узкого круга участников, весьма умеренна (на практике дела, поступавшие в суд по протокольной форме, обычно рассматривались в судебном заседании в течение одного-двух часов с вынесением приговора);

9) скорое разбирательство и осуждение лица, совершившего незначительное преступление, способствует подавлению мотивации к совершению более тяжких преступлений.

Последнее обстоятельство важно с точки зрения предупреждения новых преступлений и обретает особое значение в делах о преступлениях по статьям так называемой двойной превенции, когда, например, своевременное уголовно-правовое реагирование на угрозу убийством или нанесение легкого вреда здоровью позволяет избежать совершения тем же лицом более тяжких преступлений против личности.

Конечно, прежняя протокольная форма досудебного производства не может оставаться в неизменном виде, а должна быть адаптирована к современным реалиям и общепризнанным стандартам правосудия, включать гарантии обеспечения прав личности и правосудности итоговых решений. В частности, в новом протокольном формате ввиду состязательного построения уголовного судопроизводства не отказаться от обязательного участия в судебном заседании государственного обвинителя в лице прокурора и защитника. Но их участие в судебном разбирательстве, в том числе обязательное, не создаст каких-либо организационных или процессуальных проблем, поскольку данные субъекты по действующему УПК РФ участвуют в судебном рассмотрении практически всех уголовных дел, в том числе по преступлениям небольшой тяжести.

⁸ Профессор Б. Я. Гаврилов и его ученики в рассматриваемых моделях протокольной формы предлагают срок досудебного производства с учетом очевидности преступления ограничить двумя сутками [9, с. 17; 12, с. 16; 15, с. 26].

⁹ Верховный Суд РФ прямо указывал в своих разъяснениях, что максимальное приближение времени принятия решения по делу к моменту совершения преступления является одной из основных задач протокольной формы досудебной подготовки материалов (см. п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 1985 г. № 8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел с протокольной формой досудебной подготовки материалов»).

В порядке совершенствования рассматриваемой формы досудебного производства дополнительно можно предложить следующее.

1. Расширить, в сравнении с советским уголовно-процессуальным законом, перечень преступлений, дела по которым могут направляться в суд по протокольной форме. Прежде всего необходимо включить в него все преступления, по которым не предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Возможно, есть смысл связать восстановление протокольной формы досудебной подготовки материалов с учреждением института уголовного проступка, за что ратует ряд российских ученых [13].

2. Ограничить применение протокольной формы досудебного производства делами об однократных и негрупповых преступлениях, совершенных в условиях очевидности и вследствие этого не требующих применения всех средств и способов доказывания, в частности, проведения сложных следственных и иных процессуальных действий проверочного характера.

3. Сократить судебное производство по данной категории дел за счет существенного упрощения стадии подготовки судебного заседания путем устранения возможности предварительного слушания и исключения обязанности судьи по вынесению постановления о назначении судебного заседания.

4. Производить принятие дела к производству и его рассмотрение в день поступления дела от органа дознания (через прокурора), аналогично тому, как принимаются и рассматриваются дела предварительного судебного контроля (ст. 108, ст. 165 УПК РФ), или в существенно ограниченный (двумя-тремя днями) срок.

5. Возложить на органы дознания необходимые обеспечительные действия, связанные с оперативным уведомлением и вызовом участников в судебное заседание, как в процедуре рассмотрения ходатайств о применении мер пресечения, например, посредством вручения повесток под роспись после получения объяснений от соответствующего лица и взятия от него обязательства о явке.

6. Допустить задержание до 48 часов и доставку органами дознания в судебное заседание к назначенному судьей времени в целях обеспечения участия в судебном разбирательстве обвиняемого в преступлении, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы.

7. Предусмотреть участие защитника с момента составления обвинительного протокола и предъяв-

ления его лицу, в отношении которого ведется уголовное производство, либо с момента задержания такого лица.

8. Предоставить суду полномочие направлять уголовное дело прокурору для производства дознания или предварительного следствия на случаи установления в судебном заседании признаков более тяжкого преступления или необходимости выяснения и проверки обстоятельств происшедшего путем собирания новых доказательств. Подобное решение суда по сходным основаниям предусматривалось по ст. 419 УПК РСФСР, что служило гарантией как против необоснованного осуждения лица, привлеченного в качестве обвиняемого в упрощенной форме, так и против сокрытия более тяжких преступлений.

Оценивая перспективы восстановления в российском уголовном судопроизводстве протокольной формы досудебного производства, к сожалению, приходится констатировать, что предпринятые в этом направлении неоднократные законодательские инициативы научных и практических работников Министерства внутренних дел [17] на сегодняшний день не получили одобрения других федеральных ведомств и Правительства РФ и не переросли в официальные законодательные проекты¹⁰. Между тем проблема оптимизации досудебного производства по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, не снята (более половины всех уголовных дел, рассматриваемых судами, по-прежнему составляют дела о преступлениях небольшой тяжести (см. табл. 1)), а ввиду кадровых проблем в органах предварительного расследования и возрастающей нагрузки на их сотрудников только обостряется.

В заключение полагаем возможным сформулировать следующие выводы:

1) современное досудебное производство Российской Федерации нуждается в реорганизации посредством введения оптимальных форм расследования уголовных дел, исходя из характера и тяжести преступлений и с учетом степени очевидности обстоятельств их совершения;

2) протокольная форма досудебной подготовки материалов, применявшаяся по УПК РСФСР 1960 г., может быть взята за основу для разработки и внедрения ускоренной и одновременно упрощенной формы досудебного производства по очевидным преступлениям небольшой тяжести;

3) протокольная форма досудебного производства способна не только обеспечивать процессуальную экономию, право на доступ к правосудию

¹⁰ Александров А. В полиции хотят сажать по протоколам. Генпрокуратура не поддержала законопроект МВД об упрощении уголовного разбирательства // Коммерсантъ. 2020. 20 июля.

и соблюдение разумных сроков судопроизводства, но и оказывать значительное предупредительное воздействие на преступность ввиду как скорого привлечения лица к уголовной ответственности, так и формирования у него мотивов воздержания от совершения повторных или более тяжких преступлений;

4) новая модель ускоренного производства должна содержать гарантии соблюдения и обеспечения прав заинтересованных в исходе дела лиц, включая право обвиняемого на защиту, право потерпевшего на возмещение причиненного престу-

плением вреда, их право на справедливое судебное разбирательство;

5) ускоренное и упрощенное досудебное производство в протокольной форме должно сочетаться с полноценным судебным разбирательством, позволяющим суду проверить собранные по делу сведения и достоверно установить обстоятельства преступления;

6) одновременно с введением протокольной формы досудебного производства предусмотренное гл. 32¹ УПК РФ дознание в сокращенной форме должно быть упразднено как неэффективное.

Список источников

1. Качалова О. В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе : монография. М., 2015.
2. Гаврилов Б. Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? // Академическая мысль. 2019. № 3(8).
3. Гаврилов Б. Я. Современное досудебное производство по уголовным делам требует реформирования // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2.
4. Гаврилов Б. Я. Современное российское уголовно-процессуальное законодательство: видение законодателя, мнение ученого и позиция правоприменителя // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. № 1.
5. Ковалев О. Г. К вопросу об институте досудебной подготовки материалов в протокольной форме // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 4.
6. Кальницкий В., Муравьев К., Воронов Д. Концепция дознания в сокращенной форме: достижения и вопросы совершенствования // Уголовное право. 2013. № 3.
7. Гирько С. И. Сбываются ли прогнозы и опасения о перспективах дознания в сокращенной форме? // Российский следователь. 2014. № 5.
8. Герасенков В. М. Модели ускоренного досудебного производства в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
9. Гаврилов Б. Я. Протокольная форма досудебного производства — генезис, современное состояние, перспективы развития // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5.
10. Лапатников М. В. Об итогах реализации сокращенной формы дознания в уголовном судопроизводстве России // Журнал российского права. 2017. № 3.
11. Кувалдина Ю. В. Сокращенное судопроизводство: вчера, сегодня, завтра (гл. 32¹ УПК) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 1(11).
12. Шпагина Ю. В. Уголовно-процессуальная деятельность полиции как органа дознания: теоретико-правовые основы и правоприменительная практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
13. Гаврилов Б. Я., Крымов В. А., Шпагина Ю. В. Уголовный проступок: новые грани российского законодательства // Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 1.
14. Прокопова А. А. Протокольная форма досудебной подготовки материалов как возможная модель ускоренного производства (с учетом опыта Республики Казахстан) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 1(83).
15. Губарев И. С. Теоретико-правовая модель сокращенного досудебного производства по преступлениям небольшой и средней тяжести : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
16. Прокопова А. А. Ускоренное досудебное производство в Республике Казахстан и Российской Федерации: сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.
17. Гирько С. И., Костылева Г. В., Осипов Д. В., Цоколова О. И. Проект федерального закона о протокольной форме расследования преступлений // Научный портал МВД России. 2014. № 3.
18. Насонова И. А., Зотова М. В. Протокольная форма досудебной подготовки материалов как базовая модель для дознания в сокращенной форме // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 2.
19. Качалова О. В., Герасенков В. М. Ускоренное досудебное производство в российском уголовном процессе: формирование оптимальных моделей // Правосудие. 2022. Т. 4. № 1.
20. Шкаплеров Ю. П. Протокольная форма досудебной подготовки материалов в уголовном процессе БССР и Республики Беларусь в XX в. // Вестник Могилевского института МВД. 2022. № 2(6).

УДК 343.13

doi: 10.24412/1999-625X-2025-196-23-28

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Нерешенные вопросы нормативного регулирования процессуальной деятельности сотрудников органов предварительного расследования по профилактике преступлений

Марина Владимировна МониД

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса¹,

✉ marmonid@mail.ru

¹ Сибирский юридический институт МВД России (Красноярск, Россия)

В статье обосновывается идея несоответствия актуальным потребностям правоприменительной практики уголовно-процессуальных норм, регламентирующих профилактическую деятельность дознавателя, следователя и руководителя следственного органа. По результатам изучения содержания нормативных актов и мнений ученых выявлены недостатки норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также их несоответствие представлениям о целях профилактической деятельности. Итогом анализа стала постановка проблемы необходимости обновления подходов к определению цели процессуальной профилактической деятельности и формулировка отдельных предложений, которые, по мнению автора, могут способствовать повышению ее эффективности.

Ключевые слова: профилактика преступлений, процессуальная форма, профилактическая деятельность, представление

Для цитирования: МониД М. В. Нерешенные вопросы нормативного регулирования процессуальной деятельности сотрудников органов предварительного расследования по профилактике преступлений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96). С. 23–28.

Unresolved Issues of Normative Regulation of the Procedural Activities of Preliminary Investigation Officers in Preventing Crime

Marina V. Monid

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor of the chair of Criminal Procedure¹,

✉ marmonid@mail.ru

¹ the Siberian Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Krasnoyarsk, Russia)

The article substantiates the idea of inconsistency with the current needs of law enforcement practice of criminal procedural norms regulating the preventive activities of the inquirer, investigator and head of the investigative body. Based on the results of the study of the content of normative acts and opinions of scientists, the internal shortcomings of the norms of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation are revealed, as well as their inconsistency with the vision of the goals of preventive activity. The analysis resulted in setting the problem of urgent updated approaches to the definition of the purpose of procedural preventive activity and in formulating individual proposals, which, according to the author, can increase its effectiveness.

Keywords: crime prevention, procedural form, preventive activity, vision

Citation: Monid M. V. Unresolved Issues of Normative Regulation of the Procedural Activities of Preliminary Investigation Officers in Preventing Crime. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 1(96). Pp. 23–28 (In Russ.).

Известно, что участие следователя (дознавателя) в противодействии преступности не ограничивается рассмотрением и разрешением сообщений о преступлениях и расследованием уголовных дел. Профилактика преступлений продолжает оставаться значимым направлением в деятельности сотрудников органов предварительного расследования, о чем

свидетельствует включение соответствующих положений в УПК РФ, Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»¹ (далее — Федеральный закон № 182-ФЗ), а также в ряд ведомственных нормативных актов. Тем не менее регламентация процессуальной деятельности по про-

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

филаксии преступлений осложняется ее скудной регламентацией в УПК РФ. Приходится констатировать, что в настоящее время практическая профилактическая деятельность «ушла вперед» по сравнению с нормативным регулированием, которое уже нельзя расценивать как эффективный инструментальный. Многие из положений УПК РФ, регламентирующих профилактику преступлений, подвергались обоснованной критике, но изменений не последовало.

Необходимо начать с того, что до настоящего времени (ст. 5) УПК РФ содержит понятие «представление» без учета сущности такого процессуального документа, как представление дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, и предложения о необходимости соответствующих дополнений высказывались неоднократно [1, с. 17; 2, с. 6; 3, с. 44–46; и др.]. Не имея четкого понимания сущности и цели рассматриваемого процессуального решения, проблематично сформировать корректную процессуальную форму для его существования в современных реалиях.

Учеными сформулированы определения, в которых выделены различные значимые признаки именно рассматриваемого вида представлений. Суммируя указанные определения, можно привести основные сущностные характеристики представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Это процессуальное действие следователя [4, с. 73] (дознавателя и, с некоторыми оговорками, руководителя следственного органа) или властное решение, процессуальное решение, итоговый процессуальный акт, имеющий письменное выражение [5, с. 20–24; 6, с. 11–14; 7, с. 117]. Цель внесения представления определяется как устранение причин и условий преступления [5, с. 20–24], негативных факторов, способствовавших совершению преступлений [8, с. 118], криминогенных факторов [9, с. 28–29]. Ранее рассматриваемая идея была сформулирована в качестве задачи и закреплена нормативно в ст. 2 УПК РСФСР: «Уголовное судопроизводство должно способствовать ... предупреждению и искоренению преступлений...». УПК РФ, как известно, подобных установок не содержит, но ст. 2 Федерального закона № 182-ФЗ определяет профилактику правонарушений как совокупность мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также недопущение совершения правонарушений. Следует подчеркнуть, что приведенная нормативная формулировка появилась позже, чем введены в действие нормы УПК РФ, призванные обеспечить ее реализацию.

Часто в определениях представления дознавателя, следователя, руководителя следственного органа остается без внимания, что оно, судя по содержанию ч. 2 ст. 158 УПК РФ, может быть направлено на устра-

нение не только обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, но и нарушений закона. Действительно, такого рода представления заслуживают отдельного осмысления, так как обладают рядом ярких отличий, поскольку касаются нарушений иного порядка и должны предусматривать иной уровень ответственности.

Каким же образом законодатель выстроил процессуальную форму для реализации рассматриваемой цели? В первую очередь в части 2 ст. 73 УПК РФ формулировкой «подлежат выявлению» нормативно закреплена обязанность должностного лица, ведущего производство по уголовному делу, выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Выявить — сделать явным, показать, вскрыть, обнаружить [10, с. 293]. Несмотря на структуру ст. 73 УПК РФ, ряд авторов обоснованно указывают на необходимость не выявления, а именно подтверждения достаточной совокупностью доказательств, т. е. доказывания обстоятельств, способствовавших совершению преступлений [1, с. 18; 11, с. 28–32; 12, с. 34–36]. Данная позиция отвечает логике уголовно-процессуального закона, содержанию иных нормативных актов и складывающейся практике. В действительности следователь (дознаватель) получает информацию об этих обстоятельствах путем производства следственных действий (осмотров, допросов, производства экспертиз и т. п.) либо истребования документов; руководитель следственного органа — путем анализа доказательств, имеющихся в материалах уголовных дел подчиненных следователей.

Основанием внесения представления служит не факт выявления, а факт установления рассматриваемых обстоятельств (ч. 2 ст. 158 УПК РФ), т. е. подтверждения их достаточной совокупностью доказательств. Ведь само легальное определение понятия «доказательство», содержащееся в ст. 74 УПК РФ, подразумевает их предназначенность для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, и иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Без подтверждения доказательствами наличия указанных обстоятельств невозможно обеспечить должную законность, обоснованность и мотивированность представления.

Соответствует потребностям правоприменительной практики позиция ряда авторов, что представление профилактического характера должно отвечать требованиям законности и обоснованности [5, с. 20–24], а также мотивированности [13, с. 60]. Несмотря на то что в ч. 4 ст. 7 УПК РФ эти требования отнесены к постановлениям, представление по своей природе, как и постановление, является властным решением (актом), которое принимает должностное лицо органа предварительного расследования, порождает специ-

фические правоотношения, отчасти урегулированные уголовно-процессуальным законодательством. Хотя высказывается позиция, что представление имеет менее властный характер, чем постановление [5, с. 20–24], представление об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, может стать основанием для привлечения к ответственности лиц, виновных в создании этих обстоятельств, а также должностных лиц, не исполнивших законные требования, содержащиеся в представлении. В соответствии с ч. 11 ст. 226 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в случае оспаривания в судебном порядке решения, принятого государственным органом, обязанность доказывания обстоятельств, являющихся основанием для принятия оспариваемого решения, возлагается на указанный государственный орган, т. е. в случае внесения представления в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ — на орган предварительного расследования.

В свете изложенного полагаем возможным включить обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, в обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовным делам, сформулированные в ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Подобное изменение задаст более высокий стандарт профилактической деятельности, осуществляемой в уголовно-процессуальной форме, изначально ориентирует правоприменителя на целенаправленную деятельность, позволит избежать формализма при подготовке представлений, минимизировать практику их обоснованного обжалования.

Вместе с тем необходимо принимать во внимание, что преступление — сложное социальное явление, детерминированное факторами различного уровня, и далеко не на все из них возможно повлиять путем внесения представления. В УПК РФ предусмотрена возможность внесения представления либо в организацию, либо должностному лицу. Статья 22 Федерального закона № 182-ФЗ дополняет перечень адресатов представлений органами и общественными объединениями. Соответственно доказыванию подлежат только те обстоятельства, которые стали результатом действия (бездействия) должностных лиц (руководителей, сотрудников, работников) органов, организаций, общественных объединений и (или) могут быть ими устранены. Повышая таким образом уровень ответственности сотрудников органов предварительного расследования, параллельно целесообразно отказаться от установки внесения представлений по всем окончанным производством

уголовным делам, сформированной в правоприменительной практике. Основанием внесения представления должен быть именно факт установления (доказывания) соответствующих обстоятельств.

Рассуждая о процессуальной форме профилактической деятельности, нельзя оставить без внимания уровень императивности нормативных предписаний о внесении представления, а также степень обязательности исполнения изложенных в нем требований и (или) рекомендаций адресатом.

Законодатель в ч. 2 ст. 158 УПК РФ устанавливает, что внесение представления, даже при установлении (т. е. доказывании) обстоятельств, способствовавших совершению преступления и (или) нарушений закона, не обязанность, а право сотрудника органа предварительного расследования. Далеко не все авторы с этим согласны [14, с. 116; 15, с. 129], и мы разделяем их позицию. В ином случае выстраивается странная логическая конструкция, где выявление соответствующих обстоятельств — обязанность, а вот их установление (доказывание) и реагирование на них — усмотрение правоприменителя. Зачем же указанные обстоятельства выявлять, если реагировать на них необязательно? При этом не определено никаких критериев или дополнительных условий, позволяющих оценить степень необходимости внесения представления. Полагаем, именно эта неопределенность выступает одним из факторов сохранения формальной установки о внесении представлений по всем окончанным уголовным делам.

Ранее формулировка ст. 140 УПК РСФСР была более категоричной: «... следователь вносит ... представление». Уже упоминавшийся Федеральный закон № 182-ФЗ в этой части также более императивен, в ст. 22 закреплено, что в случае выявления причин и условий, способствующих совершению правонарушения, уполномоченный субъект профилактики вносит соответствующее представление. Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, недопустимо оставить без должного реагирования. Показательно, что именно на подобный подход ориентированы и суды. Несмотря на указание в ч. 4 ст. 29 УПК РФ, что суд «вправе» вносить частные определения (постановления) в связи с выявлением обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в своих постановлениях Пленум Верховного Суда РФ также использует повелительные формулировки («надлежит указать ... в частном определении (постановлении)», «следует ... выносить»)².

² О повышении роли судов в выполнении требований закона, направленных на выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и других правонарушений : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 сентября 1987 г. № 5 (п. 2) ; О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 (п. 23) ; О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 (п. 44).

Таким образом, действующее уголовно-процессуальное законодательство вступает в диссонанс с правоприменительной практикой, задающей более «высокую планку» и обязывающей правоприменителя, во-первых, доказывать рассматриваемые обстоятельства, и во-вторых, вносить представления, при наличии достаточной совокупности доказательств. Полагая, условиями для обязательного внесения представлений могут стать случаи, когда установленное обстоятельство, способствовавшее совершению преступления, может быть устранено в результате действий учреждений (организаций), нормативно определенных в качестве субъектов профилактики правонарушений (ст. 5 Федерального закона № 182-ФЗ), даже если в их действиях не усматривается нарушений закона, либо если выполнение определенных действий, направленных на предотвращение правонарушений, предписано организации законом либо уставными документами этой организации, но эти действия не реализуются должным образом. Думается, приведенный перечень не является исчерпывающим и может стать поводом для дальнейшей дискуссии.

Интересна логика законодателя при определении обязанностей адресата внесенного представления. В статье 140 УПК РСФСР на адресата представления нормативно возлагалась обязанность рассмотреть представление, принять необходимые меры и сообщить об этом следователю. Часть 2 ст. 158 УПК РФ содержит лишь обязанность в установленный срок рассмотреть представление с обязательным уведомлением о принятых мерах. В подобной редакции нормы представление приобретает скорее не властно-распорядительный, а уведомительный характер.

Изучение правоприменительной практики подтверждает указанную тенденцию. Так, Пленум Верховного Суда РФ подчеркнул, что должностным лицам органов публичной власти недопустимо обременять юридических лиц обязанностями лишь в целях удовлетворения формальных требований, если соответствующее действие может быть совершено без их соблюдения, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом³. В соответствии с законом, недопустимо затрагивать свободу экономической, в том числе, предпринимательской деятельности, гарантированную ст. ст. 8 и 34 Конституции РФ, так как ограничение прав и свобод человека и гражданина допускается только на основе федерального закона и только в той мере, в какой это не-

обходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ст. 55 Конституции РФ, ст. 1 Гражданского кодекса РФ). Актуален запрет на вмешательство в оперативно-хозяйственную деятельность учреждений и организаций, являющихся адресатами представления, поскольку положение о недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, также закреплено в ст. 1 Гражданского кодекса РФ. В представлении недопустимо выдвигать требование о привлечении к дисциплинарной ответственности виновных сотрудников, так как согласно ст. 192 Трудового кодекса РФ применение дисциплинарного взыскания — это право, а не обязанность работодателя⁴.

С учетом приведенных положений и действующей редакции ч. 2 ст. 158 УПК РФ сотрудник органа предварительного расследования при внесении представления практически лишен возможности выдвигать какие-либо требования, возлагающие обязанности на адресата представления, кроме рассмотрения и своевременного направления ответа. Могла бы упорядочить ситуацию ст. 22 Федерального закона № 182-ФЗ, определяющая представление как обязательное для исполнения. Сформулированная в ч. 4 ст. 21 УПК РФ норма также предписывает, что требования руководителя следственного органа, следователя, дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных УПК РФ, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами, а ст. 17.7 КоАП РФ, устанавливает административную ответственность за умышленное невыполнение законных требований следователя и дознавателя. Примечательно, что в ст. 17.7 КоАП РФ не установлена административная ответственность за неисполнение законных требований руководителя следственного органа. Полагая, что ст. 17.7 КоАП РФ может быть дополнена в этой части. Однако при обращении к указанным нормам встает вопрос, какие именно требования об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, являются законными и какие именно меры должны быть приняты адресатом представления? Можно ли расценить само рассмотрение представления в качестве достаточной принятой меры, если адресат представления не согласен с требованиями, изложенными в нем? Фактически ч. 2 ст. 158 УПК РФ установлены только требование о рассмотрении представле-

³ О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 21 (п. 17).

⁴ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 2 августа 2019 г. № 57-АД19-40 ; постановление Верховного Суда Российской Федерации от 30 октября 2017 г. № 30-АД17-2.

ния и направлении ответа. Приходится признать, что в существующем правовом поле требование о принятии именно указанных сотрудником органа предварительного расследования мер к устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, не подкреплено положениями УПК РФ. При их отсутствии иные нормы «не работают» должным образом, так как полномочия сотрудника органа предварительного расследования в части выдвижения в представлении определенных требований оказываются под сомнением.

В качестве одного из нормативно установленных условий внесения представления законодателем определяются временные рамки — окончание предварительного расследования. Данная установка неоднократно подвергалась критике и расширительно толкуется в правоприменительной деятельности. Представления вносятся не только по оконченным уголовным делам, но и по уголовным делам, приостановленным производством, распространена практика внесения руководителями следственных органов обобщенных представлений с указанием итогов расследования определенных массивов уголовных дел, часть из которых может быть уже направлена в суд. В части 2 ст. 158 УПК РФ закреплено, что способствовавшие преступлению обстоятельства могут быть установлены в ходе досудебного производства (т. е. согласно ст. 5 УПК РФ с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу), полагаем, нахождение нормативных предписаний о внесении представления в ст. 158 УПК РФ неуместно с точки зрения юридической техники и потребностей правоприменительной практики. Соответствующая норма структурно подлежит включению в Общую часть УПК РФ. Подобный подход позволит обеспечить легитимность практики внесения представлений на любом этапе досудебного производства. Более того, в УПК РФ задачи по принятию мер реагирования на обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, и нарушения закона носят системный характер и ставятся не только перед органами предварительного расследования, но и перед судом (ч. 4 ст. 29 УПК РФ).

С учетом изложенного, к текущему моменту можно сформулировать следующее определение

представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления: это имеющий письменное выражение процессуальный акт, посредством которого дознаватель, следователь, руководитель следственного органа на основании установленной в ходе досудебного производства достаточной совокупности доказательств, подтверждающих наличие обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в установленном УПК РФ порядке выдвигает соответствующим должностным лицам, органам, общественным объединениям или организациям, независимо от форм собственности, властные требования о рассмотрении представления и об уведомлении о принятых мерах. Подчеркнем, что данное определение может касаться только обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, но не являющихся нарушениями закона.

Тем не менее следует признать, что формулировка определения понятия представления не является способом решения отмеченных проблем. Для создания корректной процессуальной формы в сложившейся ситуации необходимо решить, какова цель внесения представления. Если внесение представления — это лишь дискреционное усмотрение следователя (дознавателя), руководителя следственного органа о подготовке процессуального документа уведомительного характера, обязательного лишь к рассмотрению, то должен быть пересмотрен подход к определению цели этой деятельности. В этом случае цель может быть охарактеризована лишь как формирование условий для рассмотрения адресатом представления вопроса о потенциальной возможности принятия мер к устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Однако подобная установка не будет соответствовать положениям Федерального закона № 182-ФЗ. Если эта цель — устранение хотя бы отдельных обстоятельств, способствовавших совершению преступления, то необходимо формирование эффективного инструментария для ее достижения, симметричное повышению уровня ответственности и сотрудников органов предварительного расследования, и субъектов, являющихся адресатами представления, чему, полагаем, могут способствовать сформулированные нами предложения.

Список источников

1. Данилова С. И. Установление и устранение причин и условий, способствовавших совершению преступления, в стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
2. Калугин А. Г. Профилактическая деятельность органов предварительного расследования : учеб. пособие. Красноярск, 2010.
3. Овчаров А. О., Васько А. А. Деятельность следователя по предупреждению преступлений // International scientific review of the problems of law : Collection of scientific articles II International correspondence scientific

specialized conference. Boston, USA, 2018. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35164699_14468362.pdf (дата обращения: 01.07.2024).

4. *Алексеев А. А.* Внесение следователем представлений об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений // Вопросы криминалистики. 1964. № 2(27).

5. *Федоров М. И.* Вынесение представления следователем как одна из мер, направленных на предупреждение преступлений // Российский следователь. 2012. № 16.

6. *Иванов Д. А., Угольников А. В.* Понятие и содержание представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления (других нарушений закона) // Российский следователь. 2011. № 6.

7. *Чернова С. С.* К вопросу о совершенствовании деятельности правоприменителей, направленной на устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2015.

8. *Борисова С. П.* Об эффективности использования профилактических мер органами предварительного следствия // Российский следователь. 2010. № 12.

9. *Лупинская П. А.* Решения в уголовном судопроизводстве. М., 1976.

10. *Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения* / под ред. Г. Н. Складчиковой. СПб., 1998.

11. *Федоров М. И., Волынская О. В.* Актуальность проблемы процессуальной деятельности следователя по предупреждению преступлений в современных условиях // Российский следователь. 2010. № 14.

12. *Легостаев С. В.* Предупреждение преступлений на стадии предварительного расследования // Российский следователь. 2015. № 21.

13. *Данилова С. И.* Особенности установления и принятия мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в ходе предварительного расследования по уголовным делам : науч.-практ. пособие. М., 2010.

14. *Шишов И. Е.* Внесение представлений об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений, как одно из направлений профилактической деятельности при расследовании уголовных дел // Отечественная юриспруденция. 2018. № 7(32).

15. *Судницын А. Б.* Задачи предварительного расследования: правовая природа, система, проблемы реализации и пути совершенствования : монография. Красноярск, 2019.

УДК 343.102

doi: 10.24412/1999-625X-2025-196-29-36

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Проблемы обеспечения негласности при обращении судей с оперативно-розыскной информацией, содержащей государственную тайну

Андрей Иванович Тамбовцев

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности
в органах внутренних дел¹,
✉ bestcopat@mail.ru

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург, Россия)

В процессе подготовки оперативно-розыскных мероприятий и последующего использования полученных результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве информация, содержащая государственную тайну, должна предоставляться судье, санкционирующему соответствующее оперативно-розыскное мероприятие или ведущему рассмотрение дела в суде. При этом законодательство, регламентирующее на федеральном и ведомственном уровнях указанную сферу, содержит некоторые коллизионные положения, порождающие противоречивое толкование норм представителями оперативно-розыскных и судебных органов, в связи с чем в практической деятельности возникают конфликтные правовые и межличностные ситуации, требующие научного осмысления и разрешения. На основании проведенного исследования автором предлагается собственный взгляд на выявленные проблемы обеспечения негласности при предоставлении в суд оперативно-розыскной информации и обращении судей со сведениями, содержащими государственную тайну, а также на некоторые теоретические подходы к их решению.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, государственная тайна, допуск, негласность, конспирация, судебное санкционирование, оперативно-розыскные мероприятия

Для цитирования: Тамбовцев А. И. Проблемы обеспечения негласности при обращении судей с оперативно-розыскной информацией, содержащей государственную тайну // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96). С. 29–36.

Problems of Ensuring Secrecy in Judges' Handling Operational Information constituting State Secrets

Andrey I. Tambovtsev

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Operational Crime Detection Activities
in Law Enforcement¹,
✉ bestcopat@mail.ru

¹ the St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs (St. Petersburg, Russia)

In the process of preparing operational detective activities and subsequent use of the obtained results of operational crime detection in criminal proceedings, information containing state secrets shall be provided to the judge authorizing the relevant operational detective measure or conducting the consideration of the case in court. At the same time, the legislation regulating this sphere at the federal and departmental levels contains some conflict provisions that give rise to contradictory interpretation of the norms by representatives of operational detective and judicial bodies, in connection with which in practical activities there arise conflicting legal and interpersonal situations that require scientific comprehension and resolution. Based on the conducted research, the author offers his own view on the identified problems of secrecy in providing operational crime detection information to the court and in judges' handling the information containing state secrets, as well as on some theoretical approaches to their solution.

Keywords: operational crime detection, state secrets, admission, secrecy, conspiracy, judicial authorization, operational measures of crime detection

Citation: Tambovtsev A. I. Problems of Ensuring Secrecy in Judges' Handling Operational Information constituting State Secrets. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 1(96). Pp. 29–36 (In Russ.).

Подготовка и проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституцион-

ные права и свободы гражданина и человека, а также рассмотрение дела в суде объективно предполагают

предоставление соответствующим судьям сведений оперативно-розыскного характера, содержащих государственную или служебную тайну. Таковыми могут являться документы, содержащие оперативную информацию, подтверждающую целесообразность и последовательность проведения негласных оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) и/или следственных действий. Обеспечение же негласности при этом имеет теоретическую и практическую проблематику, ранее многократно и разносторонне рассматриваемую целым рядом ученых [1; 2; 3; 4; 5]. Тем не менее до настоящего времени предоставление оперативно-розыскной информации судье при санкционировании оперативно-розыскных мероприятий не имеет единого общепризнанного порядка, обеспечивающего безусловное сохранение служебных и особенно государственных тайн оперативно-розыскного характера. На основании вышеизложенного предметом рассмотрения данной статьи будут являться некоторые проблемы обеспечения негласности при обращении судей с оперативно-розыскной информацией и теоретические воззрения на пути их решения.

В соответствии с Законом РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»¹ (далее — Закон о статусе судей), УПК РФ и Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»² (далее — Закон об ОРД), судьи, осуществляющие санкционирование отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий и рассматривающие уголовные дела в судах, имеют право на ознакомление в установленных пределах со сведениями оперативно-розыскного характера, содержащими государственную тайну. Однако сказанное относится не ко всем без исключения судьям.

Прежде всего необходимо указать на особый порядок получения судьями допуска к сведениям, содержащим государственную тайну. В отличие от других категорий должностных лиц, в соответствии с положениями ранее действовавшего постановления Правительства РФ от 6 февраля 2010 г. № 63³ и вступившего в силу постановления Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2024 г. № 132⁴, сенатору Российской Федерации, депутату Государ-

ственной Думы, депутату законодательного органа субъекта Российской Федерации, судье, а также главе муниципального образования допуск к государственной тайне оформляется без проведения проверочных мероприятий. Законность этого признана Конституционным Судом РФ и не подлежит дальнейшему опротестованию. В постановлении Конституционного Суда РФ от 27 марта 1996 г. № 8-П указывается, что ст. 21.1 Закона РФ «О государственной тайне»⁵ (далее — Закон о государственной тайне) предусматривает особый порядок допуска к государственной тайне перечисленных в ней лиц — без проведения предусмотренных в отношении него ст. 21 проверочных мероприятий, что предопределяется спецификой занимаемой этими лицами должности или осуществляемой ими профессиональной деятельностью⁶.

В то же время многолетняя правоприменительная (судебная) практика абсолютного большинства регионов России свидетельствует, что при наличии допуска к государственной тайне у всех судей санкционирование негласных ОРМ, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, осуществляется не любым судьей, а лишь уполномоченным на это. «Под уполномоченным понимается судья, который определен приказом председателя суда, а их количество зависит от объема обращений органов, ходатайствующих о проведении ОРМ. Специального допуска судьи к рассмотрению оперативно-розыскных материалов не требуется, поскольку согласно ст. 21.1 Закона РФ о гостайне судьи на период исполнения ими своих полномочий допускаются к сведениям, составляющим государственную тайну, без проведения проверочных мероприятий, предусмотренных ст. 21 того же закона» [6, с. 182].

Основываясь на изложенном, считаем, что указанный аспект обеспечения негласности в процессе обращения судей со сведениями оперативно-розыскного характера является исключительно регламентным (т. е. регулируемым совокупностью конкретных требований режима особого делопроизводства, режима секретности, пропускного режима и пр.), а не функционально-конспиративным, и разрешается в процессе строгого исполнения вышеуказанных установленных процедур как судьями, так и долж-

¹ О статусе судей в Российской Федерации : закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ.

³ Об утверждении Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне : постановление Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2010 г. № 63.

⁴ Об утверждении Правил допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне : постановление Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2024 г. № 132.

⁵ О государственной тайне : закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1.

⁶ По делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года «О государственной тайне» в связи с жалобами граждан В. М. Гурджиянца, В. Н. Синцова, В. Н. Бутрова и А. К. Никитина : постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 1996 г. № 8-П.

ностными лицами, причастными к оформлению допуска судьи к государственной тайне. Кроме того, регламентирующий деятельность судей Закон о статусе судей со ссылкой на Закон о государственной тайне определяет обязанность судей сохранять тайну и декларирует возможные виды ответственности вплоть до уголовной за разглашение сведений, содержащих государственную тайну или конфиденциальную информацию. Пункт 8 Приложения № 1 рассматриваемого закона гласит, что «должностные лица судов несут дисциплинарную ответственность (вплоть до увольнения) за несоблюдение настоящего Порядка, а также предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность за разглашение сведений, отнесенных к государственной тайне или являющихся конфиденциальными». И хотя данная норма является отсылочной и не устанавливает конкретную ответственность в виде дисциплинарного, административного, уголовного или иного наказания различной степени тяжести, тем не менее, можно говорить о ее нацеленности на обеспечение сохранения государственной тайны вообще и сведений оперативно-розыскного характера в частности.

Основной причиной ознакомления судей с результатами ОРД (в основном в виде оперативно-розыскной информации) является санкционирование ими оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, на неприкосновенность жилища и т. п. Поскольку данный аспект оперативно-розыскной деятельности декларирован в Законе об ОРД обязательной официальной процедурой, считаем возможным утверждать, что негласность при ее (процедуры) производстве обеспечивается не конспиративными методами, а исключительно регламентом — соблюдением установленных Законом об ОРД требований и ведомственных правил секретного делопроизводства и режима. Изучение нами нормативно-правовой регламентации складывающейся практики оборота соответствующих сведений, а также обращения с ними судей позволяет выделить несколько взаимосвязанных элементов, лежащих в основе обеспечения негласности этого процесса, являющегося частью оперативно-розыскной деятельности.

Во-первых, научным сообществом обоснованно считается, что Законом об ОРД, хоть и весьма скупо и обобщенно, но тем не менее установлена некая процедура рассмотрения таких материалов [7; 8;

9; 10]. В соответствии со ст. 9 «Основания и порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий» данного закона рассмотрение таких материалов должно осуществляться судьей единолично, что изначально исключает коллегиальность, ограничивает круг посвященных лиц и очевидно является основным гарантом обеспечения негласности и самого факта санкционирования, т. е. подготовки негласного ОРМ и обстоятельств его проведения (место, время, фигуранты, длительность и пр.). В то же время мнение научного сообщества об этом нельзя назвать единодушным.

Так, ссылаясь на многочисленные решения Конституционного Суда РФ о конституционности отдельных положений ст. 9 «Основания и порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий» и в том числе на широко известное специалистам постановление № 12-П от 9 июня 2011 г.⁷, профессор А. Е. Чечётин убедительно доказывает, что в процедуре санкционирования оперативно-розыскных мероприятий безусловное значение имеет сохранение в тайне информации о планируемых ОРМ в отношении конкретных лиц, в том числе о самом факте обращения органа, осуществляющего ОРД, в суд [6, с. 179]. Однако при этом им же предлагается изменить порядок судебного рассмотрения материалов о негласных ОРМ, внеся в обязательное число участников этой процедуры надзирающего прокурора [11, с. 21], что увеличивает количество посвященных в сам факт обращения и обстоятельства предполагаемого ОРМ.

Аналогичное посвящение прокурора в обстоятельства подготавливаемого ОРМ, но только в рамках санкционирования им постановления начальника территориального органа о проведении ОРМ в рамках прокурорского надзора предлагается М. С. Десятовым [12, с. 9], что, с одной стороны, повышает некие гарантии законности, с другой — нивелирует негласную составляющую подготовительного этапа. Участие прокурора в процедуре судебного санкционирования ОРМ рассматривается и в работах Д. А. Бабицева [13; 14; 15]. Однако, на наш взгляд, такое предложение нельзя признать рациональным. Полагаем, что законность оснований санкционируемого ОРМ является предметом первоочередного рассмотрения судьей и не требует дополнительного участия надзирающего прокурора.

⁷ По делу о проверке конституционности положений п. 7 ст. 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и ч. 1 ст. 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в связи с жалобой гражданина И. В. Аносова : постановление Конституционного Суда РФ № 12-П от 9 июня 2011 г.

К тому же такая проверка может быть осуществлена и «постфактум» в рамках проверки соответствующих дел оперативного учета.

По результатам собственного диссертационного исследования О. В. Изотова также предлагает различные варианты участия в процедуре санкционирования негласного ОРМ, помимо представителя оперативно-розыскного органа (далее — ОРО), еще и прокурора или следователя [16, с. 17]. В контексте нашей работы это нельзя признать прагматичным с позиции обеспечения негласности на начальных этапах подготовки и проведения ОРМ, что фактически способно обесценить не только данное ОРМ, но и всю оперативную работу в отношении фигуранта.

Считаем, что предусмотренное в настоящее время единоличное рассмотрение судьей представленных ему материалов о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, в целом является формально и содержательно рационально сформулированной нормой, обеспечивающей необходимый и достаточный компромисс законности ограничений прав и свобод граждан и правоохранных интересов субъекта ОРД при реализации всеми участниками своих функций. Поддержку этому находим в научных воззрениях профессора В. Н. Омелина. Представляется, что оптимальной следует признать существующую процедуру получения судебного решения на проведение правоограничительных ОРМ на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего ОРД. Тот факт, что окончательное решение о проведении правоограничительных ОРМ принимается независимым и беспристрастным судьей, является гарантией осуществления конституционного принципа охраны личной жизни граждан (ст. 2 Конституции РФ). В то же время данное обстоятельство не лишает уполномоченного прокурора права и обязанности осуществлять надзор за законностью проведения ОРМ, в том числе тех, на проведение которых разрешение дано судом» [17, с. 162–163].

В то же время правило о единоличности рассмотрения материалов судьей не является абсолютным. Так, согласно ч. 7 ст. 16 Закона о статусе судей осуществление в отношении судьи ОРМ, связанных с ограничением его гражданских прав либо с нарушением его неприкосновенности, до возбуждения уголовного дела допускается на основании решения судебной коллегии в составе трех судей соответствующего суда. После возбуждения уголовного дела в отношении судьи либо привлечения его в качестве обвиняемого по уголовному

делу дальнейшие ОРМ в отношении него могут производиться в общем порядке. Таким образом, в рассматриваемой ситуации количество лиц (судей вышестоящего суда), посвященных в являющиеся тайной обстоятельства санкционируемого ОРМ, необоснованно увеличено, что увеличивает и вероятность утечки информации, т. е. нарушения негласности.

Практике известны ситуации, когда санкционирование ОРМ в отношении судей (а также иных высокопоставленных чиновников) сопровождалось нарушением негласности и утечкой информации ввиду обширных и влиятельных связей, в том числе среди судейского сообщества, лица, в отношении которого планируются санкционируемые ОРМ. Особенно если таковым лицом является другой судья или высокопоставленное должностное лицо государственного, исполнительного, административного или надзорного органа. В связи с этим предусмотрена возможность обращения оперативно-розыскного органа в другой по территориальности равнозначный суд, что нашло свое воплощение в положениях Закона об ОРД после рассмотрения Конституционным Судом РФ жалобы гр. Аносова⁸ и было признано правоведами как необходимое для решения задач ОРД условие [18].

Однако мы солидарны с исследователями, считающими, что такие ситуации следует рассматривать еще и с социально-психологических позиций, помимо сугубо правовых. Когда судьей рассматриваются материалы о проведении негласных ОРМ в отношении другого судьи, прокурора или следователя, с которыми его могут связывать многолетние профессиональные и даже дружеские взаимоотношения, возникает закономерный вопрос об объективности принимаемого решения и о вероятности уведомления такого лица о намерениях оперативно-розыскного органа [19]. В подобных ситуациях инициатор ОРМ должен иметь предусмотренную законом возможность обратиться в любой иной аналогичный по уровню или вышестоящий суд независимо от территориальности, что и было реализовано законодателем в измененной редакции ч. 1 ст. 9 Закона об ОРД. В то же время считаем рассматриваемую проблему относящейся не только к судьям, как это указано в рассматриваемой норме, но и к иным высокопоставленным влиятельным должностным лицам, способным своими административно-распорядительными, властными и пр. полномочиями и имеющимися коррупционными связями повлиять на решение судьи, рассматривающего материалы о проведении ОРМ.

Наиболее верным решением этой проблемы нам представляется отказ в ч. 1 ст. 9 «Основания и по-

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ № 12-П от 9 июня 2011 г.

рядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий» Закона об ОРД от конкретизирующей фигуранта ОРМ терминологической конструкции «оперативно-розыскных мероприятий, планируемых в отношении судьи» и использование обобщающих терминов — «фигурант», «лицо, в отношении которого планируется проведение ОРМ» и т. п. В связи с тем, что в соответствии с рассматриваемой статьей решение о проведении ОРМ в отношении судьи принимается Председателем Верховного Суда Российской Федерации или его заместителем, а иной высокопоставленный фигурант не обладает статусом судьи, решение о проведении в отношении него ОРМ, ограничивающих его конституционные права, может приниматься соответствующим судьей того суда, куда обратился инициатор. Несомненно, это должно найти отражение в нормах Закона об ОРД.

Во-вторых, ч. 8 ст. 9 «Основания и порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий» обязывает руководителей судебных органов создавать условия, обеспечивающие защиту сведений, которые содержатся в представляемых судье оперативно-служебных документах. При отсутствии в законе каких-либо официальных пояснений, под созданием оговоренных условий, по нашему мнению, следует понимать весь комплекс технических, процедурных, кадровых и прочих мер, обеспечивающих защиту упомянутых сведений и при необходимости их носителей. Полагаем, что к таковым мерам относятся:

- выделение для работы со сведениями, представляющими государственную тайну, специального так называемого выделенного (категоризованного) помещения, соответствующего всем техническим, противопожарным, эксплуатационным, звукозащитным и пр. требованиям, предъявляемым к помещениям подобного рода;

- обеспечение судей, допущенных к рассмотрению материалов оперативно-розыскного характера, содержащих государственную тайну, необходимыми для этого хранилищами, печатями, журналами регистраций, внутренними описями, реестрами и пр.;

- обеспечение судей, допущенных к рассмотрению материалов оперативно-розыскного характера, содержащих государственную тайну, необходимыми для работы категоризованными техническими средствами хранения, обработки, печати, уничтожения информации (компьютерами, принтерами, shredders и т. п.);

- обеспечение пропускного и внутриобъектового режима в помещениях здания суда.

Наша позиция полностью совпадает с мнением профессора А. Е. Чечётина: «Под созданием условий следует понимать оборудование в зданиях судов режимных помещений, аттестованных на соответствие требованиям нормативной документации по безопасности информации, для рассмотрения материалов. В таких помещениях должны находиться компьютеры, защищенные от внешнего воздействия на информацию, а также сейфы для хранения журналов учета выданных разрешений и других документов, связанных с секретным делопроизводством» [6, с. 192]. Изложенное прямо указывает на полностью режимно-регламентный, нежели конспиративный характер обеспечения негласности в рассматриваемых случаях.

Исследуя далее данный аспект обеспечения негласности, хотим отметить, что анализ положений ст. 9 Закона об ОРД выявляет неясный формат представления материалов оперативно-розыскным органом судье и сроки их рассмотрения (нахождения у судьи / в суде), так как это тоже влияет на обеспечение негласности. Законодатель, регламентируя данную процедуру, указывает, что материалы могут быть «представлены» или «переданы», что допускает как непосредственную передачу документов представителем оперативного подразделения для рассмотрения в его присутствии, так и опосредованную (через специальную почту или иным способом). Аналогично можно интерпретировать мнение наших коллег, вполне правомерно и обоснованно полагающих, что «способ фактической передачи результатов ОРД (пересылка по почте, передача нарочным и другие способы) избирается органом, осуществляющим ОРД, в каждом конкретном случае с учетом требований нормативных правовых актов, регулирующих организацию делопроизводства» [20]. Сказанное логично предполагает соответствующие оформление, транспортировку, прием, передачу, регистрацию и более длительный, до нескольких рабочих дней, процесс. При этом используемый в отношении времени рассмотрения материалов термин «незамедлительно», будучи юридическим фактором, влияющим на витальные для прикладной оперативно-розыскной деятельности аспекты, не вносит ясности, так как предполагает немедленное рассмотрение судьей материалов с момента их получения, что не исключает определенной продолжительности и очередности, установленной графиком работы, загруженностью и т. п. Указанный аспект, связанный с неопределенностью многих положений Закона об ОРД, касающихся времени, ранее уже критически рассматривался профессором В. А. Гусевым [21], однако не разрешен до настоящего времени.

Кроме того, в контексте данного смыслового блока интересной и актуальной представляется

точка зрения А. П. Рыжакова, отмечающего обязанность судебных органов обеспечивать тайну информации о планируемых (санкционируемых) оперативно-розыскных мероприятиях и о самом факте обращения ОРО за санкцией, независимо от того, дано согласие судьи на это или отказано [22]. В этом случае считаем, что речь ведется не только и не столько о технических аспектах сохранения тайны, сколько о личностных: правомерный отказ судьи в предоставлении санкции на проведение негласных ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, не дает ему или иным вовлеченным лицам возможности предавать огласке сам факт обращения ОРО за санкцией и иные сведения, относящиеся к этому.

В-третьих, в соответствии с ч. 3 рассматриваемой статьи Закона об ОРД по требованию судьи ему могут представляться также иные материалы, касающиеся оснований для проведения оперативно-розыскного мероприятия, за исключением данных о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, об организации и о тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Анализ данного положения позволяет утверждать, что, несмотря на очевидную неопределенность терминологической конструкции «иные материалы, касающиеся оснований для проведения ОРМ» (которая употребляется также в положениях о прокурорском надзоре) и на то, что она может интерпретироваться очень вариативно, полагаем, что в данном случае исключением являются сведения, содержащие персональные данные указанных лиц (по аналогии с протоколом допроса свидетеля), в то время как непосредственно добытые ими сведения предоставляться могут с соблюдением соответствующих правил делопроизводства и режима секретности, в том числе — сформулированные в совместном приказе⁹.

В-четвертых, еще одним аспектом обеспечения негласности в рассматриваемой нами сфере выступают вопросы засекречивания / рассекречивания судебного постановления на проведение санкционируемого ОРМ и процедурные вопросы, связанные с оборотом (приемом, передачей, пересылкой, регистрацией, хранением, уничтожением и пр.) данного документа. Достаточно детально и скрупулезно все

перечисленное рассмотрено в научных работах наших коллег [23; 24; 25; 26; 27]. Результаты их исследований практически полностью совпадают с нашими воззрениями и позволяют утверждать, что данные вопросы не относятся к конспиративной сфере, а являются сугубо режимно-регламентными вопросами особого делопроизводства и защиты государственной тайны и разрешаются в процессе приведения в строгое согласование, соответствие и последующей реализации внутриведомственных и межведомственных организационно-распорядительных документов, регламентирующих особое делопроизводство и режим секретности в органах внутренних дел (или иных субъектов ОРД) и судебных органах.

Резюмируя вышеизложенное в части обеспечения негласности при обращении должностных лиц суда с информацией оперативно-розыскного характера считаем возможным сделать следующие выводы.

Негласность при обращении должностных лиц суда со сведениями оперативно-розыскного характера, содержащими государственную и служебную тайну, и их носителями обеспечивается не конспиративными методами, а строгим соблюдением согласованных ведомственных и межведомственных административных регламентов, регулирующих вопросы особого делопроизводства и соблюдения режима секретности при подготовке, обороте, хранении, использовании и уничтожении соответствующих документов.

Гарантом обеспечения негласности при санкционировании судом негласных ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина, выступает единоличный характер рассмотрения судом представленных документов, обязанность руководителей судебных органов обеспечить все необходимые условия для защиты государственной тайны, предусмотренный Законом об ОРД запрет на ознакомление санкционирующего судьи с персональными данными штатных негласных сотрудников, конфиденентов и лиц, внедренных в преступные группы.

Перспективными направлениями оптимизации обеспечения негласности при санкционировании ОРМ являются редакционные изменения ст. 9 Закона об ОРД, предусматривающие расширение возможностей ОРО при санкционировании ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, согласование (приведение в строгое соответствие)

⁹ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68.

соответствующих положений Закона об ОРД, Закона о статусе судей, Закона о государственной тайне, а также ведомственных и межведомственных нор-

мативных правовых актов, регламентирующих вопросы особого делопроизводства и режима секретности.

Список источников

1. Железняк Н. С. О необходимости судебного санкционирования оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых в неотложном порядке // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2016. № 3(24).
2. Кольцов Д. В., Шахматов А. В. К вопросу о возможных путях решения требований Европейского Суда по правам человека по санкционированию проведения оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент» (на примере оперативных подразделений полиции) // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. № 3.
3. Бабичев Д. А. Судебный контроль в обеспечении законности и обоснованности решений, принимаемых оперативными подразделениями органов внутренних дел // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 2.
4. Чечётин А. Е. Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий : учеб. пособие для курсантов и слушателей. Барнаул, 2023.
5. Николук В. В. О судебном санкционировании оперативно-розыскных мероприятий // Российская юстиция. 2024. № 4.
6. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. проф. А. Е. Чечётина. Барнаул, 2022.
7. Гусев В. А. Проблемы законодательного регулирования процедуры проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права и свободы личности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2011. № 1(20).
8. Баженов С. В. Оперативно-розыскные мероприятия судебного санкционирования: проблемы теории и практики // Научный портал МВД России. 2016. № 2(34).
9. Шатохин И. Д., Чечётин А. Е. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности. Барнаул, 2020.
10. Николук В. В. Судебное санкционирование проведения оперативно-розыскных мероприятий (ст. 9 закона об ОРД): правовые и организационные аспекты // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. к 30-летию принятия Конституции РФ : в 2 ч. Орел, 2023.
11. Чечётин А. Е. Оперативно-розыскной и процессуальный контроль телефонных переговоров // Оперативник (сыщик). 2004. № 1.
12. Десятов М. С. Правоприменение в оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории : монография. М., 2021.
13. Бабичев Д. А. Прокурорский надзор за законностью оперативно-розыскных решений, принимаемых подразделениями Министерства внутренних дел // Гуманитарные исследования. 2017. № 4(64).
14. Бабичев Д. А. Соотношение судебного контроля и прокурорского надзора за законностью решений в оперативно-розыскной деятельности // Правовая культура. 2020. № 2(41).
15. Бабичев Д. А. Некоторые аспекты организации прокурорского надзора за законностью решений о представлении результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 1(51).
16. Изотова О. В. Проблемы судебного контроля при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996.
17. Омелин В. Н. Дискуссионные вопросы судебного санкционирования оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан // Право и государство: теория и практика. 2022. № 8(212).
18. Иванов В. И. Судебный контроль за осуществлением оперативно-розыскных мероприятий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011.
19. Халиков А. Н. Особенности расследования получения взяток должностными лицами правоохранительных органов : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2005.
20. Баженов С. В. Порядок представления следователю результатов оперативно-розыскной деятельности // Законодательство и практика. 2015. № 1(34).

21. Гусев В. А. Время как юридическая категория в законодательстве об оперативно-розыскной деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. Т. 28. № 1(84).
22. Рыжаков А. П. Проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении судьи. М., 2013.
23. Адильшаев Э. А. Судебное санкционирование в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011.
24. Баженов С. В. Некоторые вопросы судебного санкционирования оперативно-розыскных мероприятий // Оперативник (сыщик). 2010. № 2(23).
25. Баженов С. В. Порядок представления результатов оперативно-розыскной деятельности в орган дознания, дознавателю, следователю или в суд // Законодательство и практика. 2011. № 2(27).
26. Баженов С. В., Пилюшин И. П., Павлов А. В. Представление результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 3(58).
27. Баженов С. В. Результаты оперативно-розыскных мероприятий судебного санкционирования в судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3(47).

УДК 343.9

doi: 10.24412/1999-625X-2025-196-37-43

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Использование информационных платформ и искусственного интеллекта в противодействии фейковым новостям как мера предупреждения киберэкстремизма

Никита Андреевич Ильиных

адъюнкт адъюнктуры¹,

✉ nikitailinyh491@yandex.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

В статье представлены перспективные меры для решения проблемы распространения фейковых новостей. Противодействие данной угрозе крайне важно в контексте предупреждения киберэкстремизма, поскольку деструктивное информационно-психологическое воздействие, оказываемое на общество в результате распространения фейковых новостей, может стать причиной приобретения гражданами экстремистских взглядов и убеждений. В связи с этим предлагается создать государственные информационные платформы, где систематически будут публиковаться разоблачения фейковых новостей. В целях повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по выявлению, обработке и блокировке большого количества фейковых новостей, а также для предоставления гражданам возможности самостоятельно проверять достоверность новостной информации предлагается разработать и внедрить систему автоматизированной верификации новостной информации. В основе работы данной системы предлагается использовать технологию искусственного интеллекта в области обработки естественного языка (NLP), которая позволяет осуществлять автоматический анализ содержания проверяемой информации (новостной публикации) и сопоставлять ее с данными, размещенными на официальных информационных ресурсах государственных органов и в средствах массовой информации, чтобы сделать вывод о достоверности новостной публикации.

Ключевые слова: предупреждение, фейки, новости, социальные сети, киберэкстремизм, искусственный интеллект, информационные платформы

Для цитирования: Ильиных Н. А. Использование информационных платформ и искусственного интеллекта в противодействии фейковым новостям как мера предупреждения киберэкстремизма // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1 (96). С. 37–43.

Use of Information Platforms and Artificial Intelligence in Tackling Fake News as a Measure to Prevent Cyberextremism

Nikita A. Ilyinykh

post-graduate student at the post-graduate courses¹,

✉ nikitailinyh491@yandex.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article presents prospective measures to tackle the problem of fake news dissemination. Counteracting this threat is extremely important in the context of preventing cyberextremism, since the destructive informational and psychological impact on the society as a result of spreading fake news can cause citizens to acquire extremist views and beliefs. In this regard, it is proposed to create state information platforms where fake news disclosures will be systematically published. In order to improve the efficiency of law enforcement agencies in identifying, processing and blocking a large number of fake news, and to enable the citizens to independently verify the reliability of news information, it is suggested to develop and introduce a system of automated verification of news information. This system is based on the artificial intelligence technology in the field of natural language processing (NLP), which ensures automatic analysis of the content of the information being checked (news publication) and comparing it with the data posted on official information resources of government agencies and in the media to draw a conclusion about the reliability of the news publication.

Keywords: prevention, fakes, news, social networks, cyberextremism, artificial intelligence, information platforms

Citation: Ilyinykh N. A. Use of Information Platforms and Artificial Intelligence in Tackling Fake News as a Measure to Prevent Cyberextremism. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 1(96). Pp. 37–43 (In Russ.).

В последние годы российское общество все чаще сталкивается с таким феноменом, как фейковые (от *англ.* fake — фальшивый) новости. Несмотря на то что данное явление преимущественно существует в информационно-телекоммуникационном пространстве, его негативные последствия находят отражение уже в реальном мире. Недостоверная общественно значимая информация оказывает существенное негативное психологическое воздействие как на социальное сознание в целом, так и на психическое состояние каждого отдельного гражданина, способствуя формированию экстремистских взглядов и убеждений. Как справедливо отмечает в своем исследовании Л. К. Терещенко, «информационная опасность фейков имеет несколько составляющих — от непосредственного введения в заблуждение, создания ложного представления о происходящем до воздействия на психику людей, провоцирования тревоги и паники в обществе, манипулирования сознанием, совершения на этом фоне протестных действий» [1, с. 110].

Несмотря на принимаемые сегодня меры противодействия указанной проблеме, исследователями регулярно отмечается рост количества фальшивых новостей. По заявлению директора автономной некоммерческой организации по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций «Диалог» В. Г. Табака, количество копий фейковой информации в Рунете в 2023 г. достигло 13–14 млн, что в девять раз больше аналогичного показателя в 2021 г.¹

Безусловно, распространение любой фейковой новости имеет негативный информационно-психологический эффект в обществе. Наибольшую опасность сегодня представляют именно киберэкстремистские фейки, которые часто характеризуются публичным распространением заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации. Наличие соответствующей уголовно-правовой нормы (ст. 207³ УК РФ) обуславливается высокой степенью общественной опасности таких деяний, ставших сегодня особенно актуальными в условиях проведения специальной военной операции.

Высокая опасность данных фейков справедливо отмечается и в научной среде. Например, в своей работе А. Г. Кибальник утверждает, что распространение такой информации преследует цель внедрения в массовое сознание населения идеи преступности действий ВС РФ на Украине и, как следствие, формирования экстремистских убеждений в российском обществе [2, с. 63].

Ярким примером одной из наиболее масштабных экстремистских фальсификаций является фейк о совершении российскими военными массовых убийств мирных жителей в городе Буча Киевской области. Данная дезинформация в различных форматах всего за несколько часов была распространена во всех крупных социальных сетях и мессенджерах, создав широкий общественный резонанс в мировом сообществе. Однако наиболее опасным негативным эффектом данной фабрикацией стал факт ее активного распространения среди отечественных пользователей.

Например, из материалов одного из приговоров по делу о распространении вышеуказанного фейка следует: «К. А. Слиш, желая создать у пользователей сети Интернет убеждение о соответствии действительности своей ложной информации, с целью придания ей достоверности, разместила три видеозаписи с изображением городской местности и людей в военном обмундировании с предметами в руках, схожими с огнестрельным оружием, которые ведут людей со связанными за спинами руками, а в последующем расстреливают их. Данную публикацию просмотрели 52 пользователя социальной сети «ВКонтакте», у которых в результате преступных действий К. А. Слиш могло создаться убеждение в том, что опубликованное ею заведомо ложное сообщение является достоверным и соответствующим действительности». Как следует из материалов судебного решения, к вышеуказанному числу следует прибавить еще 82 человека, которые просмотрели аналогичную публикацию К. А. Слиш, опубликованную ранее². Итак, действия лишь одного человека, убежденного в достоверности фейковой новости, могли привести к формированию экстремистских взглядов и убеждений у 134 пользователей.

Безусловно, подобные последствия напрямую затрагивают вопросы обеспечения национальной безопасности, что свидетельствует о необходимости совершенствования мер противодействия фейковым новостям в целях предупреждения киберэкстремизма.

¹ Информационное агентство ТАСС. Общество. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20165785> (дата обращения: 20.11.2024).

² Приговор Свердловского районного суда г. Иркутска Иркутской области от 22 мая 2023 г. по делу № 1-597/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/court/> (дата обращения: 20.10.2024).

В первую очередь определим основные источники распространения фейков. По мнению большинства исследователей данной проблемы, сегодня распространение фальшивых новостей происходит преимущественно в социальных сетях и мессенджерах. Согласно экспертным оценкам достаточно часто недостоверные новости встречаются в «Telegram» и «ВКонтакте»³. В своем исследовании О. И. Ляховенко отмечает существование значительного количества телеграм-каналов, в которых размещаемые материалы «носят тенденциозный характер, преобладает пересказ слухов и сплетен, умозрительные и конспирологические построения, ангажированные позиции» [3, с. 136]. О том, что сегодня функционирует большое количество новостных сообществ, распространяющих фейки, заявил и сам владелец мессенджера «Telegram» Павел Дуров⁴.

Результаты проведенного нами анализа 22 приговоров по ст. 207³ УК РФ за прошедший год свидетельствуют о следующем процентном соотношении между социальными сетями и мессенджерами относительно частоты встречаемости в них киберэкстремистских фейков.

1. Социальная сеть «ВКонтакте» — 36,3% (8);
2. Мессенджер «Telegram» — 22,7% (5);
3. Мессенджер «WhatsApp»⁵ — 13,6% (3);
4. Видеохостинг «YouTube» — 9% (2);
5. Отдельные интернет-сайты — 9% (2);
6. Социальные сети: Instagram и Facebook⁶ — 9% (2).

Ситуация здесь усугубляется тем, что большая часть граждан являются активными пользователями социальных сетей и мессенджеров, а значит, высока вероятность прочтения ими фейковых новостей. Согласно статистическим данным, которые приводят в своем исследовании Н. В. Розенберг и А. Ю. Питерова, как минимум, одной социальной сетью регулярно пользуются 83% граждан, имеющих доступ в интернет [4, с. 113].

Таким образом, вполне обоснованным будет вывод о том, что меры по противодействию фейковым новостям должны преимущественно предприниматься именно в киберпространстве с учетом специфики функционирования информационно-телекоммуникационных технологий.

Поскольку детализация любых предупредительных мер возможна только в случае их согласованности с мерами более общего характера (направления-

ми), обратимся к мнениям исследователей, которые выделяют наиболее перспективные направления противодействия распространению в киберпространстве как экстремистского контента в целом, так и фейковых новостей в частности. Определение направлений позволило нам установить вектор для разработки более детализированных мер по противодействию фейковым новостям.

Одним из ключевых и эффективных направлений сегодня выделяют организацию просветительской работы среди населения [5, с. 188]. В контексте противодействия фейковым новостям перспективными также являются направления предупреждения, описанные в исследовании И. Ю. Захватава и В. В. Баранова, среди которых:

- 1) активное использование социально полезного контента для противодействия экстремистской идеологии;
- 2) разработка контраргументов, противостоящих экстремистским идеологиям и нарративам;
- 3) применение алгоритмов машинного обучения для идентификации экстремистских материалов в информационно-телекоммуникационном пространстве [6, с. 74].

Указанные направления позволяют нам конкретизировать меры по противодействию фейковым новостям, речь о которых пойдет далее.

В целях совершенствования просветительской работы среди населения нами предлагается создание специализированных государственных информационных платформ, на которых бы систематически публиковались разоблачения фальшивых новостей. Данные платформы должны быть представлены в формате интернет-сайтов, а также сообществ (групп, каналов и т. д.) на базе популярных среди граждан социальных сетей, мессенджеров и видеохостингов.

Необходимо отметить, что сегодня в некоторых социальных сетях и мессенджерах уже существуют проекты, которые публикуют разоблачения фейков (например, новостные сообщества «Война с фейками» и «АнтиФейк.Основа» в мессенджере «Telegram» или медиа-проект «АнтиФейк» Первого канала). Тем не менее их деятельность не носит системного характера и является инициативой отдельных граждан или организаций. К тому же некоторые подобные проекты представляют собой анонимные новостные сообщества в социальных сетях и мессенджерах (сообщества, группы, каналы и т. д., в которых невозможно установить их владельца), что не дает основа-

³ Онлайн-издание D-russia.ru. Кибербезопасность. URL: <https://d-russia.ru/fejki-kto-i-gde-ih-rasprostranjaet-i-cto-s-jetim-delat.html> (дата обращения: 20.10.2024).

⁴ Дуров пригрозил блокировать телеграм-каналы за фейки о ситуации на Украине // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/824977> (дата обращения: 20.11.2024).

⁵ Принадлежит компании Meta, деятельность которой признана в России экстремистской и запрещена.

⁶ Принадлежат компании Meta, деятельность которой признана в России экстремистской и запрещена.

ний полностью доверять публикуемой в них информации.

В связи с этим необходимо, чтобы на упоминаемых нами информационных платформах просветительская работа по разоблачению фейковых новостей велась от лица государственных органов. Тем самым государство здесь должно выступать в качестве гаранта качества и достоверности публикуемых материалов, что крайне важно в контексте противодействия фейковым новостям. С данным утверждением согласилось также большинство (84,8%) опрошенных жителей Омской области, указав на их более высокий уровень доверия именно к той информации, которая публикуется от лица государственных органов. Поэтому считаем целесообразным создание соответствующих информационных платформ с обязательной отметкой, позволяющей идентифицировать их как официальный государственный источник.

Крайне важно, чтобы публикуемые на предлагаемых нами информационных платформах материалы обладали внешней и содержательной привлекательностью для пользователя. При организации работы информационных платформ по разоблачению фейковых новостей важно обеспечить создание не только достоверного, но и внешне интересного для пользователей просветительского и иного социально полезного контента. В указанных целях следует привлекать к данной работе соответствующих специалистов в сфере журналистики, графического дизайна, видеомонтажа и т. д. В результате можно повысить вовлеченность пользователей в просмотр разоблачающих материалов, что в свою очередь позволит своевременно доводить до большей части населения опровержения фейковых новостей, нивелируя тем самым их негативный эффект, оказываемый на общество.

Полагаем, что в контексте предупреждения распространения недостоверных новостных публикаций и противодействия их негативному эффекту на общество, кроме просветительской работы и распространения социально полезного контента среди населения, перспективной мерой также будет создание системы автоматизированной верификации новостных публикаций в информационно-телекоммуникационном пространстве (далее — САВНИ). Данная система позволит оперативно и лишь при незначительном участии человека определять достоверность любой новости в киберпро-

странстве. С учетом современного уровня развития информационно-телекоммуникационных технологий представляется вполне возможным разработать соответствующее программное обеспечение (далее — ПО)⁷.

Основной задачей САВНИ будет являться прием от пользователя новостной публикации в любом формате (текст, фото, видео, аудио), ее обработка и последующая проверка на достоверность путем соотнесения с информацией, опубликованной на официальных информационных порталах органов государственной власти или СМИ. В основе работы САВНИ следует использовать технологии искусственного интеллекта (далее — ИИ), что в свою очередь в полной мере согласуется с положениями пп. 12 п. 57 Стратегии национальной безопасности о том, что для обеспечения информационной безопасности необходимо совершенствовать средства и методы обеспечения информационной безопасности на основе применения передовых технологий, включая технологии искусственного интеллекта⁸.

Учитывая, что новостные публикации из различных источников редко дословно дублируют соответствующую новость, опубликованную на информационном портале какого-либо государственного органа или СМИ, то представляется невозможным ограничиться простым полнотекстовым сопоставлением двух источников. Необходимо, чтобы САВНИ была способна выделить из исходных текстов основную мысль и соотнести ее с имеющейся информацией на порталах государственных органов и СМИ. В указанных целях следует использовать технологии ИИ, которые могут осуществлять семантический (смысловой) анализ текста.

Сегодня для решения данных задач активно используются алгоритмы обработки естественного языка под общим названием NLP (*от англ. natural language processing* — обработка естественного языка), являющиеся технологией машинного обучения, которая предназначена для обработки, анализа и понимания человеческого языка [7, р. 161]. Об эффективности данной технологии, и ее пригодности для решения поставленной задачи свидетельствует тот факт, что указанные алгоритмы сегодня уже активно внедряются для решения задач законотворческой деятельности⁹. В научной среде также обсуждаются возможности применения NLP в правоохранительной деятельности. Например, в своем исследовании

⁷ Программное обеспечение встроенных систем. Общие требования к разработке и документированию : государственный стандарт РФ ГОСТ Р 51904-2002 от 25 июня 2002 г. № 247-ст. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400.

⁹ Ведомости. Страна. URL: <https://www.vedomosti.ru/strana/ural/news/2024/03/05/1023817-vlasti-hmao-sozdadut> (дата обращения: 20.10.2024).

С. В. Немира рассматривает перспективы ее использования в оценке достоверности заключений эксперта по уголовным делам [8, с. 250]. Однако наиболее интересным в рамках настоящего исследования является подход к применению NLP, описанный в научной работе С. С. Зенина, Д. Л. Кутейникова, И. М. Япрынцева и О. А. Ижаева, который заключается в том, что вышеуказанную технологию можно применять для анализа смыслового содержания текста и сравнивать его со смыслом любого другого текста [9, с. 78]. Таким образом, технологию NLP можно эффективно применять для анализа содержания новостной публикации и его сопоставления с данными, содержащимися на официальных информационных порталах государственных органов и СМИ. В результате использования данной технологии, САВНИ сможет предоставлять пользователю результат, содержащий оценку новостной публикации как потенциально достоверной или ложной.

По нашему мнению, САВНИ может предоставлять именно оценочные выводы, без утверждения об абсолютной истинности результатов автоматизированного анализа. Сегодня исследователи отмечают, что практически любые технологии ИИ могут допускать ошибки. Например, при рассмотрении вопроса о возможности использования нейросетей в судебной экспертизе, А. И. Хмыз отмечает, что ИИ способен оперативно обрабатывать непосильный человеку постоянно увеличивающийся объем информации, однако результаты его применения следует подвергать оценке эксперта [10, с. 226]. Тем не менее, задача по анализу и сопоставлению новостной информации представляется гораздо менее сложной для ИИ, поскольку здесь, как правило, отсутствует труднообрабатываемая для алгоритмов, специфическая терминология, присущая экспертной деятельности. Таким образом, вероятность допущения ошибки в результате верификации новостной информации значительно ниже, но нельзя полностью исключать такую возможность. Будет целесообразным предоставлять пользователю результаты работы САВНИ в виде оценочных суждений, без утверждения абсолютной истинности проведенного ИИ анализа.

Учитывая специфику технологии NLP, ее применение возможно только в отношении информации в текстовом виде. Однако в киберпространстве новостные публикации могут быть облечены также в видео- или аудиоформат. Поэтому прежде всего такой формат следует предварительно обработать и преобразовать в текстовый вид, который уже можно обработать при помощи вышеописанного алгоритма с использованием NLP.

Для решения поставленной задачи также целесообразно использовать технологии ИИ, которые позволяют автоматически преобразовывать

аудиозаписи в текстовый формат. Данные технологии сегодня часто называют ASR (*от* англ. *automatic speech recognition* — автоматическое распознавание речи) [11, с. 245]. Их применение позволяет распознавать и извлекать текст из аудиозаписи. Если новость представлена в формате видеозаписи, то САВНИ первоначально извлекает ее аудиодорожку, которая в последующем преобразовывается в текст алгоритмами ASR. В результате можно автоматически обрабатывать новостную информацию аудио- и видеоформата, чтобы привести ее к единообразному виду — текстовому, для последующего ее сравнения с информацией на официальных новостных порталах органов государственной власти и СМИ.

В целях повышения эффективности работы САВНИ для определения достоверности новостей следует также подвергать автоматизированному анализу изображения, которыми нередко сопровождаются новостные публикации. Ввиду того что для создания фейковых новостей часто используются давно опубликованные и не имеющие отношения к описываемому событию изображения, целесообразно определять, когда и в каком контексте впервые изображение было опубликовано. На сегодняшний день уже существуют соответствующие технологии на базе популярных поисковых систем (Yandex, Google, Bing и др.), позволяющие осуществлять обратный поиск изображений в интернете (пользователь отправляет изображение, а в ответе получает информацию о дате, месте публикации, а также контексте, в котором оно было опубликовано). Использование данных технологий в САВНИ способствует существенному повышению эффективности работы всей системы.

В результате при объединении всех вышеописанных элементов образуется система автоматизированной верификации новостной информации, которая способна анализировать содержание новостных публикаций, представленных в любом формате (текст, аудио, видео, фото) и сверять их с информацией из официальных новостных порталов органов государственной власти и СМИ.

Далее важно определить направления применения САВНИ в контексте противодействия фейковым новостям. Выделим два наиболее перспективных направления использования САВНИ.

1. Автоматизированная верификация фейковых новостей в информационно-телекоммуникационном пространстве в целях повышения эффективности работы правоохранительных органов по выявлению, обработке и блокировке противоправного контента.

2. Использование системы любым пользователем в целях автоматизированной проверки досто-

верности любой новостной публикации в информационно-телекоммуникационном пространстве.

Говоря о целесообразности применения САВНИ непосредственно в правоохранительной деятельности, отметим, что в ходе проведенного нами опроса 87,5% сотрудников центров по противодействию экстремизму МВД России отметили, что сегодня в их деятельности актуальной является проблема, связанная с недостатком времени, сил и средств на выявление и обработку содержащегося в интернете экстремистского контента. Подавляющее большинство опрошенных сотрудников указали, что внедрение программного обеспечения, обеспечивающего автоматизацию анализа большого количества информации в интернете, способно значительно повысить эффективность их деятельности.

Таким образом, считаем, что применение САВНИ в деятельности правоохранительных органов будет иметь существенный положительный эффект в части, касающейся оперативного выявления, обработки и блокировки фейковых новостей в киберпространстве, что в свою очередь позволит своевременно пресекать их негативное информационно-психологическое воздействие на общество.

Несмотря на то что правоохранительные органы должны играть ключевую роль в защите граждан от различных преступных посягательств, в криминологии значительное внимание уделяется также виктимологической профилактике как одному из важных направлений предупреждения преступлений. Безусловно, человека, который просмотрел фейковую новость и воспринял ее как достоверную, нельзя назвать жертвой в классическом понимании этого термина. Однако можно с уверенностью утверждать, что при просмотре фальшивых новостей человек подвергается негативному информационно-психологическому воздействию, что может стать причиной приобретения им экстремистских взглядов и убеждений. В свою очередь любая фейковая новость не будет иметь никакого эффекта, если человек будет уверен в ее недостоверности. Поэтому крайне важно предоставить гражданам как можно больше инструментов для быстрой и удобной проверки достоверности новостных публикаций.

Сегодня в случае обнаружения пользователем новостной публикации, в достоверности которой он сомневается, ему необходимо самостоятельно ее перепроверять на различных информационных ресурсах. Результаты проведенного нами социологического опроса жителей Омской области свидетельствуют о том, что респонденты, а также люди из их близкого окружения далеко не всегда перепроверяют новостную информацию, публикуемую в социальных сетях и мессенджерах. Так, на вопрос «Как часто Вы перепроверяете информацию, опублико-

ванную в мессенджерах, социальных сетях, интернет-сайтах, иных источниках?» 28,2% опрошенных ответили, что относятся к проверке безразлично. На просьбу оценить, как часто люди из близкого окружения респондентов перепроверяют информацию, 36,7% отметили безразличное отношение их близких к проверке достоверности публикуемой информации.

Полагаем, что предоставление гражданам доступа к функционалу САВНИ позволит им быстро осуществить предварительную оценку степени достоверности новостных публикаций. Возможность в кратчайшие сроки и в автоматизированном режиме оценить достоверность той или иной новостной публикации может избавить граждан от достаточно трудоемкого процесса самостоятельного поиска информации из различных источников, что в свою очередь снизит долю людей, которые вовсе не перепроверяют новостную информацию, и позволит нивелировать негативный эффект от фейков.

Реализовать работу САВНИ для ее самостоятельного использования наиболее целесообразно на базе описанных нами информационных платформ, посвященных разоблачению фейковых новостей. В целях удобства использования гражданами программное обеспечение можно реализовать в формате ботов (*от англ. bot (robot) — робот*). Основным преимуществом данной реализации является то, что боты могут функционировать непосредственно в социальных сетях, мессенджерах, отдельных интернет-сайтах, без необходимости установки программного обеспечения непосредственно на устройство пользователя, делая САВНИ доступным для любого гражданина, имеющего выход в интернет.

В результате рассмотренные в рамках настоящего исследования меры противодействия фейковым новостям как способы предупреждения киберэкстремизма можно представить следующим образом.

1. В целях повышения уровня информационно-психологической устойчивости граждан от негативного воздействия фейковых новостей представляется целесообразным создание специализированных государственных информационных платформ, на базе которых должна систематически публиковаться разоблачающая информация в привлекательном для пользователей виде. Данные платформы должны функционировать в популярных среди граждан социальных сетях, мессенджерах и видеохостингах с обязательной отметкой, позволяющей гарантированно идентифицировать их как официальные государственные.

2. Предложена концепция программного обеспечения, представляющего собой систему автоматизированной верификации новостной информации. В основу работы САВНИ положена технология

искусственного интеллекта в области обработки естественного языка (NLP), которая выполняет задачу по анализу содержания проверяемой информации и сопоставляет ее с данными, размещенными на официальных информационных порталах государственных органов и в СМИ. Указанную систему в целях противодействия фейковым новостям предлагается использовать по следующим направлениям:

а) пресечение распространения фейковых новостей в информационно-телекоммуникационном

пространстве путем внедрения САВНИ в деятельность правоохранительных органов для повышения эффективности их работы по выявлению, обработке и блокировке противоправного контента;

б) предоставление возможности гражданам самостоятельно, быстро и в удобной форме осуществлять предварительную оценку степени достоверности интересующих их новостных публикаций в информационно-телекоммуникационном пространстве.

Список источников

1. Терещенко Л. К. Фейки и треш-стримы как угроза информационной безопасности // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 11.
2. Кибальник А. Г. Уголовная ответственность за распространение фейков об использовании Вооруженных Сил РФ. Как применять новую норму УК // Уголовный процесс. 2022. № 5.
3. Ляховенко О. И. Телеграм-каналы в системе экспертной и политической коммуникации в современной России // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. Т. 4, № 1.
4. Розенберг Н. В. Использование социальных сетей в деятельности коммерческих компаний (социологический анализ) // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11, № 3.
5. Тарчоков Б. А. Противодействие распространению экстремизма в сети Интернет // Образование и право. 2022. № 1.
6. Баранов В. В., Захватов И. Ю. Перспективные направления противодействия экстремизму в сети Интернет органами внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4.
7. Aditya Jain, Gandhar Kulkarni, Vraj Shah. Natural Language Processing. International Journal of Computer Sciences and Engineering. 2018. Vol. 6, Issue.
8. Немира С. В. Искусственный интеллект в оценке достоверности заключения эксперта по уголовным делам: постановка проблемы // Государственная служба и кадры. 2023. № 5.
9. Зенин С. С., Кутейников Д. Л., Япрынцев И. М., Ижаев О. А. Технология обработки естественного языка (NLP) в законодательном процессе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 20, № 3.
10. Хмыз А. И. Использование возможностей искусственного интеллекта в судебной экспертизе // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5.
11. Валуйцева И. И., Филатов И. Е. Разработка программы ASR для распознавания вариантов русского языка // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2021. № 3.

УДК 340

doi: 10.24412/1999-625X-2025-196-44-49

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Трансформация права как регулятора общественных отношений

Елена Равильевна Абызова

кандидат юридических наук, доцент, судья¹,

✉ Barnaul2525@mail.ee

¹ Арбитражный суд города Москвы (Москва, Россия)

Актуальность темы обусловлена необходимостью научного осмысления, теоретической и практической значимостью вопросов, связанных с трансформацией права как регулятора общественных отношений в современных условиях. Целью работы является установление общих закономерностей трансформации традиционного права в персонализированное на основе интеграции методов познания с использованием современных информационных технологий. Автором выделены специфические особенности права как регулятора общественных отношений, показаны возможности влияния современных информационных технологий на трансформацию права, исследован механизм правового регулирования общественных отношений с точки зрения индивидуализации правового регулирования и персонализации права. В работе предложены новые подходы к пониманию современных информационных технологий в части использования их в качестве регуляторов общественных отношений наряду с правовыми нормами.

Ключевые слова: право, регулятор, общественные отношения, трансформация, информационные технологии, персонализация, программный код

Для цитирования: Абызова Е. Р. Трансформация права как регулятора общественных отношений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96). С. 44–49.

Transformation of Law as a Regulator of Social Relations

Elena R. Abyzova

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Judge¹

✉ Barnaul2525@mail.ee

¹ Moscow Arbitration Court (Moscow, Russia)

The relevance of the topic is determined by the necessity of scientific understanding, by theoretical and practical significance of issues related to the transformation of law as a regulator of social relations in modern conditions. The purpose of the work is to establish general rules of transformation of traditional law into personalized law on the basis of integration of cognitive methods with the use of modern information technologies. The author identifies specific features of law as a regulator of social relations, demonstrates variants of influence of modern information technologies on the transformation of law, explores the mechanism of legal regulation of social relations from the point of view of individualization of legal regulation and personalization of law. The paper contains some new approaches to the understanding of modern information technologies in terms of their use as regulators of social relations along with legal norms.

Keywords: law, regulator, social relations, transformation, information technologies, personalization, source code

Citation: Abyzova E. R. Transformation of Law as a Regulator of Social Relations. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 1(96). Pp. 44–49 (In Russ.).

Любое общество в своем историческом развитии характеризуется системой социальных регуляторов, воздействующих на состояние правопорядка и общественных отношений, сложившихся в опре-

деленный период. Возникновение права в истории общества произошло по одним и тем же причинам и условиям, что и государства, почти одновременно и параллельно. Разумеется, в разные эпохи у разных народов правообразование имело свои специфические черты.

Принятый в обществе социальный порядок строится и поддерживается благодаря сложившимся либо специально установленным эталонам, стандартам, правилам поведения, т. е. в виде норм, действующих постоянно и непрерывно во времени, в пространстве, в отношении неопределенного круга лиц и неограниченного количества случаев [1].

Считается общепризнанным, что право разрабатывается научным профессиональным сообществом в форме юридических категорий, определений и понятий. Анализируя природу права, можно представить его одновременно в качестве как юридического института, так и юридического концепта, при котором и бытие и образ права сосуществуют и взаимодополняют друг друга.

С точки зрения Ю. А. Веденеева, юридическая составляющая правового института проявляется через социальные казусы, конфликты и классификации, в так называемой юриспруденции повседневности. Именно поэтому следует считать, что юридическое качество социальной реальности дано, а не задано [2, с. 9]. По образному выражению Э. Дюркгейма, право, будучи своеобразным ядром социальной жизни, оказывает сильное воздействие на другие составляющие общественного развития и дифференциацию современного общества [3].

Б. А. Кистяковский еще в конце прошлого века, отмечая противоречивость теорий в науке о праве, приводит точки зрения ученых того периода относительно определения права, ссылаясь на: а) С. А. Муромцева, понимавшего под правом порядок человеческих взаимоотношений; б) Г. Ф. Шершеневича, представлявшего право в качестве нормы, определяющей отношение человека к человеку; в) И. Л. Честнова, предлагавшего понимать под правом единство и различия правоотношения, в котором существует субъективное право и объективная норма права и др. [4, с. 318]. На сегодняшний день ситуация принципиально не изменилась, лишь к существующим определениям права добавились другие.

Различные группы ученых-теоретиков трактуют право в узком и широком, в объективном и субъективном, в позитивном и естественном смыслах. Сторонниками узконормативного подхода являются М. И. Байтин, Н. И. Матузов, Р. О. Халфина и др., стоящие на позициях общеобязательности правовых норм и государственно-принудительного характера их исполнения.

На широком понимании права настаивают Д. А. Керимов, Г. В. Мальцев, В. С. Нерсисянц и др., считающие право не тождественным законодательству, включающие в его структуру правовые принципы, правовые нормы, правосознание, правоотношения и др. По их мнению, «узконормативщики» не в полной мере оценивают как процессы формирования права, так и реально действующий правовой порядок, с чем мы абсолютно согласны.

Авторы одного из учебников по теории государства и права справедливо утверждают, что познание сущности права зависит от уровня развития науки. Наука развивается с помощью приращения знания, поэтому каждая последующая концепция правопонимания опирается на предыдущие, учитывая их преимущества и недостатки, привнося что-то новое и на этой основе предлагая свое видение проблемы [5, с. 133]. В этом смысле известный ученый в области отечественной философии права О. Ю. Рыбаков в понимание права включает: а) правовое мировоззрение, правовое сознание, правовую культуру; б) научную правовую доктрину; в) правообразование, правотворчество и реализацию права [6, с. 64].

Дискуссии о понятии права носят отнюдь не схоластический характер. Многообразие типов правопонимания — не свидетельство того, что все они неверны и лишь одна позиция может быть признана истинной. Не вдаваясь в углубленный анализ различных концепций правопонимания, можно утверждать, что сущность понятия права неисчерпаема. Каждая из концепций раскрывает какую-либо сторону этого социального регулятора либо пытается объединить эти стороны в одном определении, создавая интегративный образ права. Одни находят сущность права в совокупности норм, другие — в системе общественных отношений, третьи — в общественном или индивидуальном сознании, четвертые относят к праву всю совокупность правовых явлений.

В современной российской правовой теории в значительной мере преобладает интегративный подход, в котором предпринимают попытки объединить уже существующие подходы и привнести нечто новое, основанное на современных социально-политических реалиях и теоретическом опыте исследования права. В данном случае речь идет об интегративном правопонимании, ориентированном на выработку такого понятия права, которое представляло бы собой синтез различных типов правопонимания [6, с. 135].

Другими словами, право, будучи неотъемлемым элементом-регулятором любой социально значимой практики, должно рассматриваться как многоуровневый и системно организованный регулятор, а интегративная теория — учитывать все аспекты его

проявления в практике. Интеграция правовой системы, предполагающая прежде всего сплоченность ее функционального единства, позволяет структурировать правовую систему в единую общность ее элементов.

В этой части заслуживает внимания предложение Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина относительно необходимости существенной модернизации прежнего нормативно-правового регулирования различных сфер социальной жизни с разработкой Информационного кодекса*. При этом система государственного контроля, по его мнению, должна быть автоматизированной и оцифрованной, использование же новейших цифровых технологий управления должно быть обеспечено адекватно подготовленным кадровым резервом.

Будучи внутренне согласованным и упорядоченным организмом, право не может быть сконструировано произвольно, поскольку обусловлено закономерностями общественной жизни, регулируемой социальной сферой. Именно поэтому представления о системной природе отечественного права являются одной из опор не только всей правовой доктрины, но и существующего правового порядка.

Следовательно, право является реально сбалансированным регулятором социально-экономических отношений, единственным и универсальным правилом поведения, общеобязательным для всех членов общества, другие же социальные нормы действуют ограниченно, лишь в сфере своего регулирования.

Представляет интерес суждение О. Ю. Рыбакова относительно возникновения права в качестве ответа на вызов человеку и человечеству о необходимости устранения неопределенности, которую он предлагает рассматривать через противоположное ему понятие — правовой определенности [6, с. 6, 63]. Аналогичное мнение высказывал Н. А. Власенко: «Правовая неопределенность и определенность могут рассматриваться как парные категории теории права. В данном случае речь идет о качественной и количественной их наполняемости» [7, с. 34]. При этом, как полагает ученый, возможны два средства достижения правовой определенности: нормативное и правоприменительное. В одном случае неопределенность может быть снята в результате внесения необходимых изменений в соответствующие фрагменты текста закона, связанные с устранением неясности поведения в силу дефектности правовой нормы. В другом — достижение определенности возможно с помощью актов применения права, что допускается в случае реализации абстрактных норм, конкретизация которых осуществляется по-

средством издания акта применения права уполномоченным на то лицом. Следовательно, любая неопределенная норма может стать определенной при помощи специальных социальных регуляторов.

В изменившихся условиях открывается новый потенциал права, трансформируется его роль в регулировании и развитии общественных отношений. В рамках парадигмы постмодернизма «право объявляется открытой, динамичной, постоянно обновляющейся системой, а его понятия — постоянно трансформирующимися, наполняемыми новым содержанием», [8, с. 15], что приведет в будущем к изменению не только системы права, но и системы законодательства.

Подобные изменения действовавших ранее форм права обусловлены внедрением в правовую среду передовых информационно-цифровых технологий, что создаст предпосылки для появления новых регуляторов общественных отношений. В этом случае возникнет необходимость придания юридической силы программному обеспечению цифровых технологий, непосредственно влияющих на общественные отношения.

В последнее десятилетие, по мнению ведущих российских ученых, в сфере правового регулирования возникли отношения, которые раньше не наблюдались. Связано это с появлением специфических субъектов — так называемых «цифровых личностей», статус которых обусловлен юридически значимой идентификацией личности в виртуальном пространстве. Известные отечественные ученые Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор объясняют это возникновением новой ситуации в сфере реализации прав человека в цифровом пространстве и появлением реальной возможности использования информационных баз данных при реализации государственных функций в виртуальном пространстве и их переводом в цифровую форму [9, с. 85].

Сегодня технологии обработки больших данных позволяют создать и внедрить принципиально новые способы правового регулирования, подстраивая правовые нормы к индивидуальным особенностям личности. Это связано с тем, что данные, собранные об индивиде, позволяют анализировать, обрабатывать и объединять их, связывая с особенностями структуры личности, что позволит персонализировать правовые нормы.

Важным положением, касающимся индивидуального правового регулирования, следует признать возможность упорядочивать общественные отношения путем конкретизации границ поведения их участников и регулирования его ненормативными средствами, из чего, на наш взгляд, просматривается

* Зорькин В. Задача государства — признавать и защищать цифровые права граждан. URL: <https://rg.ru/2018/05/29> (дата обращения: 29.10.2024).

его социальная ценность, заключающаяся в первоочередном обеспечении гармонизации интересов отдельной личности и общества. Поскольку поведение людей разнообразно, динамично, часто непредсказуемо, то в ситуациях, не оказывающих заметного влияния на общественную жизнь, человек должен иметь возможность положиться на себя. Значит индивидуальное регулирование должно быть таким, чтобы субъект в своей деятельности при решении правовых вопросов обладал правом свободного усмотрения в пределах, установленных законом.

И. А. Минникес неотъемлемым признаком индивидуального регулирования назвал учет конкретной ситуации [10, с. 180]. Поскольку сегодня процесс цифровизации пронизывает многие сферы общественной жизни, совершенно по-новому поднимается проблема пределов нормативного и индивидуального правового регулирования. В этом случае важно соблюдение обязательного условия: человек должен обладать своим внутренним законом, правилом, ставящими его выше повседневных желаний, потребностей, пристрастий, к которым он вынужден будет постоянно приспосабливаться.

Персонализация права проявляется через персонализацию (индивидуализацию) применения (реализации) закона, хотя оно не может быть одинаковым для всех субъектов, поскольку зависит от их правового статуса и от сферы регулируемых общественных отношений. Учитывая сложности организационного, правового, да и финансового характера разработки и внедрения персонализированного права, первоначально следует начать его внедрение в те сферы правоотношений, где это связано с наименьшими рисками для прав человека.

Поддержку данной идеи выразила Н. Ф. Порываева, предложившая начать разработку концепции персонализированного права на основе слияния нормативного и казуального правового регулирования [11, с. 93]. Возможность такого слияния, на наш взгляд, следует считать актуальной прежде всего для индивидуального правового регулирования, которому процесс персонификации (индивидуализации) субъектов правовых отношений органично соответствует.

Следует согласиться с утверждением Т. З. Мисоштишова, что персонализированное право, предполагающее разработку и реализацию индивидуализированных правовых норм посредством алгоритмической обработки больших данных, может быть оправданной на первых порах в тех сферах правоотношений, где риск нарушения фундаментальных норм и вторжения в пространство общественной дискуссии минимальны [12].

Многие исследователи видят панацею от возможных негативных последствий цифровизации

в обеспечении открытости алгоритмов общественного и экспертного контроля за решениями искусственного интеллекта. Однако психологическая и организационная ловушка заключается в том, что обеспечение открытости алгоритмов способно привести к большим соблазнам манипулирования и при этом ухода от ответственности. Значит, завышенные ожидания в отношении персонализированного права пока что неуместны. Необходимо обсуждать и оценивать как возможные приобретения, так и реальные опасности и даже потери.

Не возражая основным идеям персонализации права, следует учитывать и возникновение реальной опасности: во-первых, фундаментальным правам человека (принципу равенства, праву на свободу мнений и на неприкосновенность частной жизни); во-вторых, для законодательной власти, поскольку ее функции могут постепенно перейти к ИТ-специалистам, разрабатывающим и контролирующим алгоритмы. Поэтому важно сконцентрироваться на качестве принимаемых законопроектов, на их релевантности интересам различных социальных групп и общества в целом.

Законодатели, политики и ученые уже сегодня высказывают тревогу относительно логики принятия алгоритмом тех или иных решений, особенно для таких областей, как безопасность, здравоохранение и право. В связи с чем можно понять беспокойство немецкого ученого Ф. Бендера, считающего, что персонализация, основанная на предпочтениях, в экстремальном ее понимании может приобрести оторванный от реальности и даже дискриминационный характер [13].

Для снижения рисков возникновения неблагоприятных последствий персонализации Ю. А. Тихомиров предлагает разработать таблицу правовых регуляторов, в том числе индивидуально-правового характера. Подобного рода таблица поможет, по его мнению, более точно определить пределы индивидуального правового регулирования [14, с. 5]. В этом случае нормы морали применимы только в отношении конкретных субъектов и при наличии прецедентов по конкретным делам, что дополнительно потребует разработки этических основ использования этих технологий, определяющих цели, условия, гласность применения указанных технологий, а также ответственность за причиненный ею вред. Отсутствие надлежащего контроля за ними может привести к всевозможным манипуляциям, способным нарушить чьи-либо индивидуальные и групповые права и интересы.

Следовательно, чтобы приведенные новации реально заработали, необходимо выработать требования их реализации. Во-первых, субъект должен быть наделен правом самостоятельного принятия

решения на основе собственной воли, интересов и потребностей. Во-вторых, принимаемое решение должно быть облечено в форму правил поведения. В-третьих, свободное усмотрение не должно противоречить закону и нарушать законные интересы других лиц. В-четвертых, оно должно касаться только ситуаций не предусмотренных, но допускаемых законодателем и разрешаемых субъектами самостоятельно.

Еще в XX в., наряду с правом, в качестве возможных регуляторов общественных отношений стали называть цифровые технологии, в основе которых предполагался программный код. Сегодня эта идея активно продвигается применительно к негосударственному регулированию отношений в цифровом пространстве. Вместе с тем следует учитывать, что для признания программного кода в качестве регулятора общественных отношений требуется наличие определенных условий, обеспечивающих: а) возможность реализации взаимных прав и обязанностей участников информационных правоотношений; б) установление для них границ должного и возможного, естественным образом заложенных в любом программном коде; в) наличие правил программного кода, отсутствующие в иных источниках права и не противоречащие правовым нормам.

По мнению С. Е. Чаннова, «любой алгоритм, переведенный в язык программного кода, имеет несомненное сходство с правовыми нормами в том плане, что он также формально определен и направлен на выполнение каких-либо правил» [15, с. 21]. При этом ученый не говорит о замене права программным кодом, он предлагает последний признать нормативным правовым правилом, способ-

ным в условиях современных цифровых технологий выступать в качестве социального регулятора. Теоретически такая возможность существует, когда программный код будет дополнять пробелы правового регулирования либо в случае приобретения силы (статуса) права, т. е. при замене им традиционных правовых норм.

Примером использования программного кода для регулирования общественных отношений могут служить смарт-контракты — юридически обязательные договоры, составленные в форме компьютерного кода и подкрепленные соответствующими правовыми средствами защиты. Несколько позже в части конкурента правовой системе была предложена концепция технических норм, призванная более эффективно урегулировать взаимоотношения в сфере современных коммуникационных технологий.

В рамках такого подхода технологический метод регулирования, существующий в дополнение к правовому, представляется подменой права технологиями в чистом виде. С. Е. Чаннов даже утверждает, что программный код не просто конкурирует с правом, но и может быть приравнен к нему в случаях, когда применение его санкционировано государством. В данном случае речь идет уже не о замене права программным кодом, а о признании его правилом нормативно-правового характера [15, с. 24].

Таким образом, изучение права под этим углом зрения нацеливает на выявление и расшифровку программы (программ) его воспроизводства. Предшествующий опыт научного постижения права, знания о закономерностях его возникновения, развития и функционирования создают для этого необходимые возможности.

Список источников

1. Емельянов Б. М., Правкин С. А. Теория государства и права : курс лекций. М., 2009.
2. Веденеев Ю. А. Антропология права: между социокультурными традициями и нововведениями // *Lex Russica* (Русский закон). 2016. № 9(118).
3. *Durkheim E. Professional Ethics and Civic Morals*. London: Routledge, 1992.
4. Кистяковский Б. А. Методологическая природа науки о праве // *Русская философия права: философия веры и нравственности: антология*. СПб., 1997.
5. *Теория государства и права : учебник* / отв. ред. О. С. Капинус ; науч. ред. И. В. Гончаров, А. А. Опалева. М., 2022.
6. Рыбаков О. Ю. Неопределенность права как результат деятельности человека // *Неопределенность права. Философское осмысление и юридическое значение : монография* / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. М., 2022.
7. Власенко Н. А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // *Журнал российского права*. 2013. № 2.
8. Лазарев В. В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // *Журнал российского права*. 2016. № 8.
9. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // *Журнал российского права*. 2018. № 1.

10. Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование: теоретико-правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009.
11. Порываева Н. Ф. Алгоритмы и право // Теория и практика общественного развития. 2021. № 5(159).
12. Мисостишхов Т. З. Персонализированное право и фундаментальные права // Цифровое право. 2020. Т. 1, № 4.
13. Bender P. M. Limits of Personalization of default rules — Towards a normative theory. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3544029 (дата обращения: 23.10.2024).
14. Тихомиров Ю. А. Креативные регуляторы в правовом и виртуальном пространстве // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3.
15. Чаннов С. Е. Цифровые технологии как социальный регулятор // Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии : кол. монография / под ред. И. В. Воронцовой. Казань, 2020.

УДК 34.01

doi: 10.24412/1999-625X-2025-196-50-54

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Правовой обычай в исторической памяти социума

Вероника Дмитриевна Огорелкова

адъюнкт адъюнктуры¹,

✉ vera.terskikh@bk.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Правовые обычаи выступают важным средством передачи информации о социальном опыте и знаниях, накопленных обществом. Интерес к правовому обычаю связан с его многоаспектностью, ему присущи одновременно признаки и права, и морали. Значимость правовых обычаев заключается не только в том, что они несут информацию о прошлом, но также и в том, что они передают опыт, который может быть актуален для современного общества. Историческая память в свою очередь помогает адаптировать этот опыт. Автор аргументированно поясняет, что историческая память и правовые обычаи имеют тесную взаимосвязь, последние выступают в качестве формы сохранения исторической памяти.

Ключевые слова: правовой обычай, историческая память, сохранение исторической памяти, обычное право, культурно-исторические ценности, традиционные ценности, правовая преемственность

Для цитирования: Огорелкова В. Д. Правовой обычай в исторической памяти социума // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96). С. 50–54.

Legal Custom in the Historical Memory of the Society

Veronika D. Ogorelkova

post-graduate student at the post-graduate courses¹,

✉ vera.terskikh@bk.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Legal customs act as an important means of transmitting information about social experience and knowledge accumulated by society. Interest in legal custom is connected with its multidimensional character; it has both legal and moral characteristics. The significance of legal customs lies not only in the fact that they carry information about the past, but also in the fact that they transmit experience that may be relevant to modern society. Historical memory in its turn helps to adapt this experience. The author argues that historical memory and legal customs have a close relationship, the latter serving as a form of preservation of historical memory.

Keywords: legal custom, historical memory, preservation of historical memory, common law, cultural historical values, traditional values, legal continuity

Citation: Ogorelkova V. D. Legal Custom in the Historical Memory of the Society. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 1(96). Pp. 50–54 (In Russ.).

Вопросы, связанные с определением понятия исторической памяти, форм ее отражения, сохранения и приумножения, находятся в поле научных дискуссий гуманитаристики уже длительное время [1]. Не утрачивают они своей актуальности и сегодня. Пристальное внимание к исторической памяти обусловлено не только общественно-политическими процессами, но и сугубо нравственными потребностями социума, рассматривающего ее в качестве основного гаранта сохранения национальной идентичности. Современные реалии демонстрируют, что отход от традиционных социокультурных ценностей под воздействием всеобщей глобализации приводит к ослаблению национальной суверенности российского общества. Практика игнорирования правовых традиций сопровождается утратой глубинных ка-

честв механизма правового регулирования и нарушением преемственности в развитии национального права.

Следуя общепризнанному пониманию исторической памяти, определим ее как отраженное в сознании общества и отдельных индивидов прошлое, хранящееся в материальных и нематериальных формах, т. е. в памятниках архитектуры и искусства, традициях и обычаях, научных текстах, — во всем том, что не только напоминает о прошлой жизни, но и является частью современной. Историческая память включает несколько элементов: знание истории, осмысление исторического опыта и вытекающих из него уроков [2]. Поэтому историческая память как социальное явление находится в тесной связи с исторической ментальностью (рационально-иррациональным вос-

приятием мира) и исторической преемственностью, позволяющей будущим поколениям использовать ту часть опыта прошлого, которая обеспечивает стабильность в развитии общества. Особенности исторической ментальности выражены вовне как в индивидуальном, так и в коллективном поведении, которое регулируется различными социальными средствами, прежде всего нормами права и морали. В числе наиболее значимых средств, аккумулирующих правовое и нравственное начало, мы бы в первую очередь указали правовой обычай.

Современная юридическая наука в силу меняющихся взглядов на роль права и его различных форм в процессе демократизации общественной жизни активно вовлекает в предметное поле правовой обычай. В недавнем прошлом эта тема не была популярной по идеологическим соображениям. Однако понимание того, что правовой обычай есть часть исторического прошлого, а значит, и форма исторической памяти, повышает не только общественный, но и научный интерес к вопросу о соотношении и взаимосвязи этих социальных явлений. Подобная точка зрения неоднократно высказывалась в научной среде. Так, по мнению Т. В. Шатковской, «российским юристам следует пересмотреть свое отношение к обычному праву... при грамотном научном подходе практическое применение обычного права имеет широкие перспективы» [3, с. 4]. В этом же ключе рассуждает и В. Б. Безгин: «Изучение вопросов обычного права было актуальным в конце XIX в., в начале XX в., актуально оно и сейчас, возрастающая актуальность объясняется тем, что каждый раз, когда российское общество проходит непростые периоды в своем развитии, оно, пытаясь объяснить себе закономерность происходящего, обращает свой взор на реалии прошлого, в которых наиболее полно сконцентрировано наше отношение к исторической действительности» [4, с. 4].

Присоединимся к данной позиции. Действительно, Российское государство и общество переживают смену исторических эпох. Наука, находясь в эпицентре этих преобразований, стремится расширить границы поиска новых решений, позволяющих адекватно реагировать на происходящее. В связи с этим меняется стратегия научного поиска, позволяющая переоценить события прошлого. Накопленные ранее знания о правовых средствах, отношение к которым у общества, казалось бы, сформировано, требуют переосмысления. Это значит, что появилась возможность определения иной роли обычного права как правового регулятора в социальном пространстве и обозначения его места в культурном развитии общества.

Что есть правовой обычай? Этот вопрос широко обсуждался еще дореволюционной юридиче-

ской наукой. Правовую природу обычая изучали А. М. Ф. фон Рейц [5], И. Ф. Г. фон Эверс [6], Н. П. Загоскин [7], Ф. И. Леонтович [8], С. В. Пахман [9], П. С. Ефименко [10], М. М. Ковалевский [11] и многие другие исследователи. Значение этих изысканий трудно переоценить, так как они были направлены на выявление национальных особенностей российского права. Научный интерес был обусловлен разными причинами, одной из которых являлось то, что в XIX в. в образованном обществе внимание к прошлому стало своеобразным элементом «гражданской добродетели»: «не знать особенностей народных — есть то же, что быть иностранцем» в собственном государстве [12, с. 8].

Определяя содержание понятия правового обычая, И. Г. Оршанский указывал в качестве основного признака «творчество народа», которое «стоит совершенно особняком от официальной, государственной жизни страны с ее законодательством» [13, с. 158–159]. Несколько ранее И. Ф. Г. фон Эверс отмечал, что «большая часть сих правил естественно вытекает из самого свойства общественной жизни» [6, с. 30]. Ф. В. Тарановский писал, что «разного рода личные привычки, равно общественно вредные действия, как бы они ни были распространены в общественной среде, не порождают обычного права, так как они не сопровождаются сознанием их общественной необходимости» [14, с. 179].

Таким образом, отечественными правоведами дореволюционного периода были определены главные свойства правовых обычаев. Зарождаясь в обществе и впитав его ценностные идеалы, они со временем становятся общеобязательными правилами поведения и задают социально значимые ориентиры для всего общества. Указанные признаки свидетельствуют о неразрывной связи правовых обычаев с повседневностью социума. Тем самым правовые обычаи отражают коллективные представления народа о справедливости и правопорядке.

Современные правоведы определяют правовой обычай в качестве «фактически сложившихся в течение длительного времени правил регулирования поведения людей (общественных отношений), которые официально признаны (санкционированы государством) в качестве общеобязательных норм права» [15, с. 112]. Такой подход позволяет указать еще один признак правового обычая — историчность. Если рассмотреть поэтапную эволюцию правового обычая в схеме «традиция (правовая традиция) — обычай — правовой обычай — обычное право», то можно увидеть, что на соответствующем этапе развития общества, не утрачивая своего нравственного начала, некоторая часть социально значимых традиций, а затем и обычаев приобретают общепризнанность и вовлекаются в общий механизм правового регу-

лирования. Таким образом, правовые обычаи, формируясь в недрах народной жизни, играя роль социального регулятора, со временем трансформируются в историческую память последующих поколений социума, которая в той или иной степени находит отражение в современных юридических формах, прежде всего в законе. Может показаться, что условия человеческой жизни за одно-два поколения (особенно за последние сто лет) претерпевают изменения настолько сильные, что практически все традиционные аспекты поведения приобретают серьезные изменения, однако при более тщательном изучении это оказывается не так. «Общность эпох на самом деле настолько существенна, что познавательные связи между ними обоюдны», — признают современники [16, с. 112]. Поддержим это мнение и приведем несколько примеров.

Прежде всего правовой обычай оказал влияние на гражданско-правовые отношения. Например, статья 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляет, что «распорядиться имуществом на случай смерти можно путем совершения завещания». Институт наследования по завещанию был закреплен еще Русской Правдой. Статья 92 Пространной редакции гласит: «Если кто, умирая, разделит свое имущество детям, то пусть так и будет; если же (он) умрет без завещания, то (имущество идет) всем детям, а на помин души самого (умершего) дать выдел» [17, с. 128], т. е. правовой обычай уже в XIII в. устанавливал обе формы наследования — по завещанию и по закону, которые существуют и по сей день.

Примером, с которым сталкивается практически каждый человек, может служить обычай при рождении ребенка присваивать ему отчество отца. Употребление отчества на Руси изначально было частью родового имени как подтверждение связей человека с отцом. По отчеству также можно было определить, знатного происхождения человек или нет. Сейчас отчество утратило свое первоначальное значение, но осталось в качестве обычая «называть ребенка». Многие люди воспринимают это правило как данность, знают о нем по умолчанию. Вместе с тем законодатель придал этому обычаю юридический смысл и закрепил в п. 2 ст. 58 Семейного кодекса Российской Федерации, что «имя ребенку дается по соглашению родителей, отчество присваивается по имени отца, если иное не предусмотрено законами субъектов Российской Федерации или не основано на национальном обычае...». Тем самым историческая память облекается в правовую форму. Следовательно, правовые обычаи — это не пережиток прошлого, это

то, что не исчезает из повседневной жизни и сейчас, находит опосредованное отражение в иных отраслевых законах.

Так, институт необходимой обороны, закрепленный в ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривает возможность причинения вреда лицу, посягающему на права обороняющегося или других лиц. Это положение было закреплено в статье 38 Краткой редакции Русской Правды: «Если убьют вора на своем дворе или в доме или у хлеба, то так тому и быть ...» [17, с. 111]. т. е. уже к XI в. сложился правовой обычай необходимой обороны в порядке защиты как личных (жизнь, здоровье), так и имущественных прав.

А если мы обратимся к регламентации обязанностей судьи, то увидим, что в ст. 8 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» содержится положение о том, что судья обязан приносить присягу, т. е. поклясться в том, что он будет беспристрастным и справедливым¹. Статья 3 Псковской Судной Грамоты закрепляла аналогичную норму: «Посадник при возведении на свою должность должен присягнуть в том, что судить ему справедливо, по присяге ...»². Таким образом, принцип процессуального права «Судить непредвзято и справедливо» вытекает из правового обычая, закрепленного в юридическом памятнике XIV в. Этот ряд примеров можно продолжать, многие положения современного законодательства в сфере гражданского, уголовного, уголовно-процессуального, трудового и иных отраслей права берут начало в правовом обычае, а следовательно, в народной жизни и исторической памяти.

Стоит отметить, что судьба правовых обычаев и исторической памяти во многом определяется отношением к ним государства. Что касается современной политики, то события последних лет свидетельствуют о повышении интереса к истории страны и традиционным ценностям. Например, 8 мая 2024 г. был принят Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения», где акцентируется внимание на том, что «Россия — это великая страна с многовековой историей, государство-цивилизация, сплотившее русский и многие другие народы на пространстве Евразии в единую культурно-историческую общность и внесшее огромный вклад в общемировое развитие. В основе самосознания российского общества лежат формирувавшиеся и развивавшиеся на протяжении всей истории России традиционные духовно-нравствен-

¹ О статусе судей в Российской Федерации : закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Псковская судная грамота. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/psg> (дата обращения: 28.07.2024).

ные ценности и культурно-исторические ценности, сохранение и защита которых являются общеобязательным условием гармоничного развития страны и ее многонационального народа, неотъемлемой составляющей суверенитета Российской Федерации»³. В Указе отражены угрозы национальной идентичности, в качестве одной из которых документ называет «попытки деформации исторической памяти и искажения исторической правды, основой исторического просвещения выступают научно-историческое знание и образование»⁴. Проблема, указанная выше, еще больше обостряется в условиях расширения источников информации о прошлом. Основным принципом государственной политики в области исторического просвещения закрепляется «опора на научные знания и фундаментальные научные исследования, традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности»⁵. Таким образом, данный Указ Президента России акцентирует внимание на важности научных исследований, направленных на изучение истории страны, культурных и исторических особенностей ее развития, традиционных ценностей, в числе которых, несомненно, должен фигурировать правовой обычай.

Несколько ранее, в 2020 г., в Конституцию РФ была внесена специальная ст. 67.1, закрепляющая механизм сохранения национальных ценностей и исторической памяти: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» (ч. 2), «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» (ч. 3). Данная статья вызвала противоположные отклики в научном сообществе, вопрос о возможности юридикации исторической памяти оказался довольно сложным. Позиция противников данной

статьи строится вокруг предположения о том, что история и право существуют независимо друг от друга, история и исторические факты не нуждаются в правовой защите [18].

Сторонники вышеизложенной статьи, на наш взгляд, к осмыслению данного вопроса подходят более системно. Не углубляясь в приводимые доводы, перейдем к характеристике их видения решения вопроса: «Синтез научного знания и исторической памяти лежит в основе юридической практики и содержит потенциал эффективной реализации субъективного права на обладание объективно выверенным знанием о прошлом и создания гарантий в получении такого знания» [19, с. 16]. История и историческая память в том числе не могут существовать параллельно праву, не соприкасаясь с ним, эти социальные явления находятся в постоянном взаимодействии. Стоит отметить, что в науке взаимосвязь истории и права широко обсуждается [20].

Можно заключить, что между правовыми обычаями и исторической памятью существует неразрывная связь. Эти два социальных явления находятся в едином жизненном пространстве, во взаимодействии друг с другом и взаимовлиянии друг на друга. Историческая память обеспечивает преемственность в социально значимом для общества поведении людей, правовой обычай способствует преемственности в законотворчестве. Помимо этого, обычное право укрепляет единство народа, так как «насыщено коллективными ритуалами, объединяющими их участников и эмоционально, и духовно, и организационно» [3, с. 76]. Глубоко усвоенные, ушедшие в подсознание традиционные представления о правде и справедливости становятся незамеченной частью правосознания современных россиян [3, с. 5]. Мы считаем, что правовые обычаи — это культурное достояние нашего народа, а также одна из форм сохранения исторической памяти, укрепления национальной суверенности и самобытности российского общества.

Список источников

1. Васютин Ю. С., Панова Е. С. Историческая память: институционализация в общественном сознании и в государственной политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11, № 3.
2. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4.
3. Шатковская Т. В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX — начала XX века: историко-правовой аспект : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2009.
4. Безгин В. Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX — начала XX века : монография. Тамбов, 2012.

³ Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения : указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

5. Рейц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М., 1836.
6. Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835.
7. Загоскин Н. П. История права русского народа. Лекции и исследования по истории русского права. Казань, 1899.
8. Леонтович Ф. И. История русского права. Вып. 1. Одесса, 1892.
9. Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки : в 2 т. СПб., 1877.
10. Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. Вып. 1 : Обычное право. М., 1884.
11. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон : в 2 т. М., 1886. Т. 1.
12. Кошман Л. В. Культурное наследие как фактор исторической памяти // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2011. № 5.
13. Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879.
14. Тарановский Ф. В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917.
15. Иерархия и координация источников права: теоретические и сравнительные аспекты / под ред. А. А. Васильева. Барнаул, 2023.
16. Блок М. Апология истории / пер. с фр. Е. Лысенко. М., 2020.
17. Памятники российского права : учеб.-науч. пособие : в 35 т. / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М., 2013. Т. 1.
18. Ковальчук А. Об «исторической правде» в поправках к Конституции РФ. URL: https://zakon.ru/blog/2020/6/14/ob_istoricheskoy_prave_v_porpravkah_k_konstitucii_rf (дата обращения: 30.08.2024).
19. Кожевина М. А. Реализация статьи 67.1 Конституции Российской Федерации в контексте научного историко-правового опыта // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 3.
20. Юридические формы переживания истории: практики и пределы : кол. монография / под ред. С. В. Бочкарева. СПб., 2020.

УДК 340.12

doi: 10.24412/1999-625X-2025-196-55-59

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Правовые цели в механизме правового регулирования, их характеристики и свойства

Константин Артемович Гаврюшкин

старший преподаватель кафедры физической подготовки¹,

✉ kiren1996@mail.ru

¹ Восточно-Сибирский институт МВД России (Иркутск, Россия)

В статье дается общее понимание категории «правовые цели» в теоретико-правовой действительности в целом, а также в механизме правового регулирования. Автором предпринята попытка определить роль и значение правовых целей в контексте общесоциальных целей, рассмотреть и раскрыть их характеристики и свойства, их взаимосвязь с социально-правовыми ценностями в условиях современных политико-правовых тенденций развития права.

Автором дана оценка значимости категории «правовые цели» на фоне происходящей в России правотворческой деятельности с учетом существующих угроз и влияния внешнеполитических факторов, возникающих в процессе трансформации современного мира. В результате исследования определена значимость и место правовых целей в механизме правового регулирования, а также предложена характеристика правовых целей, отличающая их от социальных и ложных целей.

Ключевые слова: механизм правового регулирования, правовые цели, правотворчество, целеполагание, правовая политика

Для цитирования: Гаврюшкин К. А. Правовые цели в механизме правового регулирования, их характеристики и свойства // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96). С. 55–59.

Legal Objectives in the Mechanism of Legal Regulation, their Characteristics and Properties

Konstantin A. Gavryushkin

senior lecturer at the chair of Physical Training¹,

✉ kiren1996@mail.ru

¹ East Siberian Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Irkutsk, Russia)

The article gives a general understanding of the category “legal objectives” in the theoretical-legal reality as a whole, as well as in the mechanism of legal regulation. The author attempts to determine the role and significance of legal objectives in the context of general social objectives, to consider and reveal their characteristics and properties, their relationship with socio-legal values in the conditions of modern political and legal trends of law development.

The author estimates the significance of the category of “legal objectives” against the background of lawmaking activities taking place in Russia, with regard to the existing threats and the influence of foreign policy factors arising in the process of transformation of the modern world. As a result of the study the significance and place of legal objectives in the mechanism of legal regulation is determined, and the author gives a description of legal objectives, distinguishing them from social and false objectives.

Keywords: mechanism of legal regulation, legal objectives, lawmaking, goal-setting, legal policy

Citation: Gavryushkin K. A. Legal Objectives in the Mechanism of Legal Regulation, their Characteristics and Properties. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 1(96). Pp. 55–59 (In Russ.).

Категория «цель» применительно к правовой и социально-гуманитарной сфере научного знания имеет междисциплинарное значение, при этом активно исследуется и используется в научной литературе учеными как в юриспруденции, так и в философии, истории, психологии, культурологии, политологии, а также в других областях знания. Сферами использования данной категории являются также социологическая и антропологическая, где данная

категория может быть выражена в виде цели отдельного индивидуума или системы общественных целей.

Реализуя свои индивидуальные цели, личность принимает участие в социальных отношениях, где осуществляется взаимодействие с другими личностями на основе единства их целей, т. е. происходит межличностная коммуникация, направленная на выполнение конкретных задач по достижению по-

ставленной цели. В результате такого взаимодействия формируется общая, групповая цель, представляющая сумму согласованных между собой в той или иной степени индивидуальных целей членов общества.

Таким образом, категория социальных целей выступает первоначальной, базовой категорией социального характера, включающей цели личного, группового и общественного развития. На их достижение направлена реализация конкретизированных целей, которая должна быть выстроена в соответствии с ценностной иерархией. Социальные цели, основанные на человеческих ценностях, образуют иерархичную последовательность, основанную на значимости той или иной ценности. Отметим, что общественные ценности играют важную роль в процессе целеполагания и правотворческой деятельности в целом.

В государственно-организованном обществе одним из средств, используемых для достижения целей развития, является правовая норма. Это обстоятельство обуславливает переход от цели как социального аспекта жизнедеятельности общества к целям как правовой категории. Категория «правовые цели» в свою очередь является неотъемлемой частью правообразовательной деятельности, которая есть элемент механизма правового регулирования. Так, механизм правового регулирования как совокупность правовых средств, при помощи которых осуществляется целенаправленное воздействие на общественные отношения, является средством реализации правовых целей. Социальная цель, следовательно, приобретает качество социально-правовой цели в тот момент, когда она попадает в сферу правового регулирования, где для ее наиболее эффективного достижения используются юридические средства [1].

Определение и выстраивание целостной системы целей из стихийного процесса, характерного для догосударственной саморегулируемой организации общества, превращается в процесс политический и образует важнейший элемент правовой политики. При этом общая направленность правовой политики государства зависит от стоящих перед ним целей и задач, которые в свою очередь базируются на ценностных установках и определяются установленной в конкретном государстве идеологией, интересами граждан и политическими взглядами. Стоит отметить, что в процессе систематизации правовых целей необходимо учитывать их приоритетное разграничение на: государственные, общественные, групповые (корпоративные) и личные цели. Необходимо

также учесть тот факт, что, несмотря на их разграничение, неизбежны факты возникновения противоборства мнений о значимости целей по отношению друг к другу.

Рассматривая цели государства с точки зрения идеалистического подхода, определим, что цели должны полностью соответствовать объективно существующим, истинным целям общественного и личного развития. Однако на сегодня в мире нет государства, где бы эти два вектора целей были в полной мере гармонизированы, поскольку часто цели государства направлены на решение наиболее глобальных проблемных вопросов, которые касаются всего общества, а не отдельных лиц.

В Российской Федерации для такой гармонизации в последние годы активно используется категория «национальные цели развития», в рамках которой, как представляется, можно достаточно эффективно решать задачу оптимизации и компромисса разнонаправленных целей, достижения согласованности личных, государственных, корпоративных и общесоциальных целей и интересов. В частности, в 2020 г. Указом Президента РФ были определены следующие цели на перспективу до 2030 г.: сохранение населения, здоровья и благополучия людей; создание возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация*. Эти цели предполагается достичь посредством системы взаимосвязанных юридических, экономических, социальных, властно-организационных, информационных и иных мероприятий и средств.

Исходное назначение правовых целей как элемента правового регулирования направлено на решение в первую очередь социальных вопросов и общественных проблем населения. Они имеют специфическую юридическую природу и ориентированы, помимо прочего, на реализацию и защиту ценностей. А. В. Азархин верно указывает: «Цель всегда должна рассматриваться в масштабе социально-правовых ценностей, и при необходимости — корректироваться ими. Если бы цель не представляла собой ценности, то целеполагание в законотворчестве носило бы бессистемный и бессмысленный характер» [2, с. 52]. Особенностью правовых целей является то, что от их достижения зависит реализация и защита не только социальных, но и общих правовых ценностей, таких как права и свободы, правопорядок, законность, конституция, культура и т. д.

Следует отметить, что право как исторически сложившееся социальное явление, само по себе

* О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 (утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

представляет ценность, что неоднократно обсуждалось и доказывалось авторитетными представителями теории права, философии права, социологии права и юридической аксиологии [3; 4, с. 6; 5, с. 78; 6; 7]. Исходя из этого в научной литературе имеют место обращения к наиболее широкому понятию «цель права», которое сравнивают с понятием «цель в праве». Данное понятие предполагает наличие некой обобщенной, универсальной, единой цели регулирования всего комплекса общественных отношений в государстве, что воплощает ценность права как социального явления. Достижение такой глобальной цели права предполагается посредством конкретизации, формулирования и достижения локальных микроцелей отдельных элементов системы права (отраслей, институтов и даже отдельных норм). Для их обозначения авторы данной теории используют такое понятие, как «правовые цели». Из совокупности частных правовых целей формируется общая цель в праве. Эти два понятия не следует абсолютизировать, их выделение и относительное обособление друг от друга представляется как технический прием, направленный на лексическое обеспечение исследовательской задачи, — определения иерархических связей в юридическом целеполагании. Одним из разработчиков изложенной концепции является А. И. Экимов [8].

С учетом определяющего значения правовых целей, основанных на человеческих ценностях, важной практической задачей для правообразования, правотворчества и в целом для правового регулирования является процесс целеполагания, включающий два аспекта. Первый — правильное определение правовых целей предполагаемой будущей правовой нормы. Представляется логичным достижение данного требования на стадии выдвижения концепции будущего закона. Ко второму аспекту отнесем конкретизацию целей закона в его тексте. При этом в отдельных случаях с помощью средств юридической техники законодатель отображает цели закона непосредственно в тексте правовой нормы, что способствует наибольшей эффективности действия такого закона на практике. Однако в действительности чаще всего текст закона таких целеустановительных норм не содержит. Но данный факт не свидетельствует о фактическом отсутствии цели закона. В. М. Сырых совершенно обоснованно утверждает: «Цели — неотъемлемый компонент любого закона, иного нормативного правового акта, независимо от того, названы они в специальном предписании или нет... Цель является основой, цементирующей каждый закон и иной нормативный правовой акт, в том числе и такое важнейшее свойство предписаний, как их нормативность» [5, с. 256]. Нередко отсутствие в норме права ее целей приводит к неправильному

юридическому толкованию закона и вследствие этого — к нелогичному его применению. Отметим, что в некоторых случаях цели правовой нормы определяются в тексте другого закона, который ссылается на данную норму, где основы целеполагания так или иначе отражены. Но, к сожалению, такая взаимосвязь законов в России далека от совершенства и подвергается обоснованной критике именно из-за отсутствия должного целеполагания и необходимых смысловых связей с актами законодательства [9].

Важно отметить, что установление в тексте закона его целей позволяет: избежать искажения в применении правовой нормы; достичь целенаправленного применения закона в рамках правового поля; определить и выработать критерии оценки показателей эффективности закона на всех этапах его реализации. Одним из таких критериев является степень достижения конкретных целей правовой нормой. Наряду с деятельностью по формулированию целей в нормативном правовом тексте правоприменителю необходимо выстраивать процесс реализации правовых норм структурированно, в соответствии с логикой и приоритетностью достижения правовых целей. Этот процесс является неотъемлемой частью осуществления правовой политики и оказывает влияние на организацию общественной жизни во всем государстве.

Для правильной организации правотворческой деятельности с точки зрения целеполагания ее субъектам необходимо обладать знаниями, умениями и навыками в области правовой аксиологии и правовой телеологии, которые позволяют решать описанные выше логические и юридико-технические задачи. Такие компетенции также необходимы правоприменителю для безошибочного осуществления своей деятельности, должного понимания воли законодателя и принятия правильных решений, например, в условиях конкуренции ценностей и интересов субъектов правоприменительных отношений в случаях, когда законодателем предусмотрена возможность правоприменительного усмотрения.

Считаем, что при оперировании правовой нормой необходимо определять характеристики нормы права, позволяющие отграничивать правовые цели от: иных социальных целей (не попадающих в сферу правового регулирования); смежных явлений (правовых принципов, задач правового регулирования, правовых идей и т. п.); от ложных целей. Как представляется, к таким характеристикам и признакам следует отнести нижеследующие.

Значимость и первичность целей. В процессе целеполагания субъектам правотворчества необходимо обладать умениями и навыками определять цели с учетом степени их значимости и при этом отграничивать их от текущих задач. Цели должны

обладать первичностью по отношению к задачам и средствам их достижения. Эти свойства целей лежат в основе расстановки правовых приоритетов, которые Л. А. Морозова определяет как «юридические установления, правоположения, правовые позиции, предопределяющие в силу их важности первоочередность реализации в процессе решения конкретных задач и достижения общественно значимых целей» [10, с. 486].

Системность и иерархичность правовых целей. Цель как особая правовая категория определенной системы не имеет, в отличие от системы законодательства. Однако цели можно выстроить в иерархичной последовательности в зависимости от степени их значимости, масштаба, соподчиненности, относимости к уровню системы права (цель права, правовые цели отдельных элементов системы права). Так, в процессе правотворческой деятельности на этапе целеполагания перед законодателем стоит задача установления целей будущей правовой нормы с учетом очередности их достижения. Данный процесс направлен на достижение системности правовых целей, которая будет характеризоваться внутренним единством и иерархичностью. Рассматривая сложный уровень разграничения целей в комплексном регулировании, Е. В. Сидорова говорит о том, что «в зависимости от сферы распространения цели права могут быть разделены на общеправовые, межотраслевые и отраслевые (в том числе цели комплексных отраслей). В свою очередь каждая отрасль права имеет свою систему основных целей, обеспечивающих связь основных целей системы права с ее структурными элементами» [11, с. 214].

Динамичность целей. Регулируемые правом общественные отношения изменяются и развиваются наравне с происходящими в мире глобализационными процессами. Их позитивное поступательное развитие является целью правового регулирования и всего права. Несмотря на то что правовые цели государства характеризуются значительной стабильностью и продолжительностью существования, им также присущ динамичный характер. Некоторые цели достигаются, в связи с чем теряют свою актуальную значимость. Появляются новые законы, обладающие новыми, дополненными в соответствии с действующей правовой реальностью правовыми целями и задачами. Такая динамичность обусловлена прежде всего фактом их переформулирования, а также изменениями в соотношении значимости по отношению друг к другу с точки зрения правовых приоритетов. Последние представляют категорию социально гибкую, нестатичную, предполагающую возможность их взаимной замены и ситуационной корректировки. Примером служит ситуация правовой действительности, сформировавшаяся в связи

с внезапно сместившимися акцентами в результате пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, а также из-за действий ряда государств в отношении Российской Федерации, введения санкций в отношении граждан России. Произошедшая актуализация социально-правовых целей, связанная с необходимостью поддержки российского предпринимательства, обеспечения импортозамещения и экономической безопасности России, вывела их на первое место и сделала приоритетными по отношению к тем социально-правовым целям, которые достигаются посредством контрольно-надзорной юридической деятельности и ее правового регулирования. Законодателем был объявлен мораторий на проверки и иные контрольные мероприятия, использован еще ряд правовых и властно-организационных средств, направленных на снижение давления на бизнес, и тем самым — на поддержку попавшего в сложную ситуацию российского предпринимательства. При этом цели контрольно-надзорной деятельности никто не отменял, а произошло временное смещение телеологических акцентов.

Ясность и точность в формулировании целей. Данные свойства относятся скорее не к самим целям, а к юридико-техническим способам и средствам их отображения в тексте правовой нормы. По нашему мнению, данный фактор является значимым с точки зрения трактовки самой правовой нормы и ее содержания, так как от этого зависит качество правопонимания у граждан и законность оперирования такой нормой в практической деятельности.

Организирующий характер и нормативность целей. Основанные на интересах граждан и традиционных человеческих ценностях правовые цели напрямую влияют как на структуру и организацию правового регулирования, так и на его механизм. Правовые цели лежат в основе норм права, определяют их содержание, а также выступают в качестве связующего звена между процессом правотворчества и процессом реализации правовых норм. Так, для недопущения ошибок в процессе реализации правовой нормы правоприменителю необходимо ориентироваться на установленные в ней правовые цели, при необходимости прибегая к соответствующим средствам выявления, определения и конкретизации воли законодателя, а именно телеологическому толкованию.

Реальность и достижимость целей. Считаем, что для наиболее эффективного осуществления своей деятельности законодателю необходимо иметь четкую и определенную цель, на достижение которой будет направлена будущая норма права. При этом законодателю стоит проводить анализ возможности достижения поставленных целей в практической деятельности. Наряду с этим правовая цель должна быть ре-

альна и не иметь сомнений в логичности ее законодательного закрепления. Элемент реальности правовых целей обусловлен их достижимостью в юридической практике и выражается в положительной динамике изменения общественных отношений.

Истинность целей. Под истинностью следует понимать такое свойство, которое согласно словарю С. И. Ожегова определяется как «точный, установленный научно» [12, с. 329]. На основании этого предполагаем, что для достижения истинности правовой цели она должна быть научно обоснована и изучена, в том числе теоретиками права. На первоначальном этапе правовая цель является истинной только в субъективной реальности, а именно в желаемом будущем, где предположительно она будет достигнута. Однако достоверную истинность цели возможно определить, только применив правовую норму на практике.

Раскрыв характеристику правовых целей, отметим, что основным отличительным свойством, влияющим на отграничение правовых целей от социальных целей, от смежных правовых явлений и от ложных целей служит наличие вышеперечисленных свойств и факторов, которые должны содержаться в истинной правовой цели нормативного правового акта, что позволит избежать искажения в толковании правовой нормы.

Таким образом, по результатам проведенного исследования категории «цель» применительно к правовой сфере жизни общества мы пришли к выводу, что правовыми целями в механизме правового регулирования являются ожидаемые и желаемые положительные преобразования и развитие социальной действительности, проектируемая итоговая модель, прообраз правового состояния или процесса, результирующее состояние объекта правового воздействия (общества в целом, его экономической, политической, правовой и социальной систем и их частей, социальных групп, личности и общественных отношений), которое по замыслу законодателя (и других субъектов процесса правообразования и правотворчества) должно наступить в результате действия конкретных законов и их отдельных норм, а также всего законодательства в целом. Чтобы эффективно выполнять свое предназначение в организации правовой жизни общества, правовые цели должны обладать рассмотренными характеристиками и свойствами: значимостью и первичностью, системностью и иерархичностью, динамичностью, ясностью и точностью, организующим характером и нормативностью, реальностью, достижимостью, истинностью и научной обоснованностью.

Список источников

1. Авдеева О. А. Правовые основы формирования российской государственности // Конституция: воплощение ценностей верховенства права, гражданского общества и современного государства : мат-лы все-рос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2023.
2. Азархин А. В. Целеполагание в современном законодательстве: к вопросу об эффективности правовой политики России // Юридическая техника. 2012. № 6.
3. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971.
4. Неновски Н. Право и ценности / пер. с болгарского; под ред. В. Д. Зорькина. М., 1987.
5. Сырых В. М. Логические основания общей теории права : в 3 т. Т. 2: Логика правового исследования. М., 2004.
6. Баранов В. М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов, 1989.
7. Мартышин О. В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10.
8. Экимов А. И. Категория цели в науке права // Философские проблемы государства и права (ленинские идеи и вопросы методологии в юридической науке) / под ред. Д. А. Керимова и Л. С. Явича. Л., 1970.
9. Черданцев А. Ф. Социальная ценность социалистического права // Советское государство и право. 1978. № 7.
10. Морозова Л. А. Роль правовых приоритетов в формировании стратегии законодательства в России // Юридическая техника. 2015. № 9.
11. Сидорова Е. В. Комплексное правовое регулирование. М., 2016.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Около 53000 слов / под ред. Л. И. Скворцова. М., 2005.

УДК 342.9

doi: 10.24412/1999-625X-2025-196-60-67

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Правовое обеспечение деятельности органов внутренних дел Кыргызской Республики по предупреждению массовых беспорядков

Фархад Зирофович Саидов

кандидат юридических наук, слушатель факультета подготовки руководителей (начальников) территориальных органов внутренних дел¹,

✉ saidovfz31@mail.ru

¹ Академия управления МВД России (Москва, Россия)

Правовые и организационные основы обеспечения деятельности органов внутренних дел Кыргызской Республики по предупреждению массовых беспорядков являются актуальной проблемой для современного кыргызского общества. Исторический путь развития Кыргызстана в период независимости сопровождался революциями и межэтническими столкновениями, которые переходили в массовые беспорядки. Нами был изучен зарубежный опыт правового обеспечения деятельности органов внутренних дел, сформулированы предложения по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Кыргызской Республики в данном направлении и внесению изменений и дополнений в нормативные правовые акты Кыргызской Республики, в частности предлагается дополнить Закон Кыргызской Республики «О мирных собраниях» нормой об ответственности организатора массового мероприятия за неисполнение своих обязанностей. В Законе Кыргызской Республики «О средствах массовой информации» и Кодексе Кыргызской Республики о правонарушениях целесообразно предусмотреть административную ответственность за публикацию недостоверной информации. Также рекомендуется создать единую электронную базу организаторов массовых мероприятий при МВД Кыргызской Республики.

Ключевые слова: органы внутренних дел, массовые беспорядки, массовые мероприятия, правовое обеспечение, права и свободы человека и гражданина, органы государственной власти, местное самоуправление

Для цитирования: Саидов Ф. З. Правовое обеспечение деятельности органов внутренних дел Кыргызской Республики по предупреждению массовых беспорядков // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96). С. 60–67.

Legal Maintenance of the Activities of the Internal Affairs' Bodies of the Kyrgyz Republic in Preventing Mass Riots

Farkhad Z. Saidov

Candidate of Science (il Law), trainee of the Faculty of Training Chief Officers of territorial Internal Affairs' Bodies¹,

✉ saidovfz31@mail.ru

¹ the Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

Legal and organizational foundations of ensuring the activities of the Internal Affairs' bodies of the Kyrgyz Republic to prevent mass riots constitute an urgent problem for modern Kyrgyz society. The historical development of Kyrgyzstan during the period of independence was accompanied by revolutions and inter-ethnic clashes, which turned into mass riots. We have studied the foreign experience of legal support of the activities of Internal Affairs' bodies, formulated proposals to improve the activities of Internal Affairs' bodies of the Kyrgyz Republic in this area and to make amendments and additions to the normative legal acts of the Kyrgyz Republic, in particular, it is proposed to supplement the Law of the Kyrgyz Republic "On Peaceful Assemblies" with a norm on the responsibility of the organizer of a mass event for failure to perform his duties. The Law of the Kyrgyz Republic "On Mass Media" and the Code of Offences of the Kyrgyz Republic should provide for administrative liability for the publication of inaccurate information. It is also recommended to create a unified electronic database of organizers of mass events under the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic.

Keywords: Internal Affairs' bodies, mass riots, mass events, legal maintenance, rights and freedoms of man and citizen, government authorities, local government

Citation: Saidov F. Z. Legal Maintenance of the Activities of the Internal Affairs' Bodies of the Kyrgyz Republic in Preventing Mass Riots. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 1(96). Pp. 60–67 (In Russ.).

Кыргызская Республика (далее — КР) за 30 лет независимости пережила революции и межэтнические столкновения, которые сопровождались массовыми беспорядками. Это было обусловлено напряженной социально-экономической обстановкой на территории КР и неготовностью органов публичной власти к решению накопившихся проблем. Массовые беспорядки, произошедшие в КР, позволили выявить ряд недостатков организации деятельности органов внутренних дел, а именно: слабое знание нормативно-правовых актов; низкий уровень профессиональной подготовки сотрудников в применении тактики пресечения внутренних волнений и массовых беспорядков; отсутствие взаимодействия органов внутренних дел с органами государственной власти и местного самоуправления, в том числе с общественными объединениями, которые призваны наряду с органами внутренних дел обеспечивать общественный порядок и безопасность.

Вопрос организации эффективной деятельности системы правоохранительных органов КР является приоритетным для современного кыргызского общества, так как, начиная с 1991 г., в жизни общества произошли значительные перемены. Независимые государства, в том числе КР, объявили и закрепили в своих конституциях приверженность принципам международного права. Произошедшие перемены в жизни граждан и государства в настоящее время требуют совершенствования правовых основ деятельности органов внутренних дел КР по предупреждению массовых беспорядков в целях защиты прав и свобод человека и гражданина и обеспечения верховенства закона в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Конституцией КР определено, что каждый человек имеет право на свободу мирных собраний, митингов, шествий и демонстраций¹. Однако в настоящее время нередки случаи, когда мирные собрания, митинги, шествия и пикетирования превращаются в массовые беспорядки. Кроме того, массовые беспорядки, произошедшие на территории КР в 2002, 2005, 2010 и 2020 гг., продемонстрировали тенденцию развития как по форме, так и по содержанию негативных последствий.

Отличительными чертами массовых беспорядков, произошедших на территории КР, являются: жестокость действий участников беспорядка, пренебрежение нормами морали, причинение значительного материального ущерба частной, государствен-

ной и муниципальной собственности; политизация действий; материально-техническая оснащенность и профессионализация действий участников.

Далее предлагаем более детально рассмотреть причины и условия массовых беспорядков, которые произошли в КР. В 2002 г. основанием массовых беспорядков явились недостаточная информированность граждан о демаркации и делимитации границ, в частности, спорных территорий с Китайской Народной Республикой² (далее — КНР). Оппозиционная сторона была против пересмотра границы с КНР, тем более, сторонники передачи спорных земель КНР отметили, что нет срочности поспешно принимать решения с нарушением внутренней процедуры согласования с компетентными органами публичной власти и непосредственно с гражданами КР. Вопрос о пограничных территориях резко обострил ситуацию в КР, что вызвало социальную напряженность в обществе. В ходе столкновения с сотрудниками милиции погибли шесть человек и 79 были тяжело ранены.

Причиной массовых беспорядков 2005 г. стала неудовлетворенность граждан социально-экономической политикой государства, в результате чего произошла тюльпановая революция, приведшая к смене руководства государства. Были тяжело ранены 140 человек и двое погибли.

Массовые беспорядки 2010 г. в истории кыргызского общества являются самыми кровопролитными, так как столкновения произошли между мирными гражданами кыргызской и узбекской национальности [1, с. 23]. Погибли 84 человека и 1651 получили тяжелые ранения.

Акции протеста 2020 г. против предварительных результатов выборов в Жогорку Кенеш (парламент) КР привели к смене руководства государства.

Таким образом, произошедшие массовые беспорядки на территории КР в зависимости от причин возникновения можно классифицировать на: социально-экономические; межнациональные; возникшие в ходе проведения массовых мероприятий и политические. По нашему мнению, изучение причин массовых беспорядков требует исследования с привлечением специалистов в области социологии, политологии, психологии и юриспруденции. Однако ученые-правоведы неоднократно отмечали, что основной причиной массовых беспорядков является недостаточная профилактическая работа среди населения (увеличение карательных мер в ущерб про-

¹ Конституция Кыргызской Республики : принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 г. // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 10.09.2024).

² По соглашениям 1996 и 1999 гг., граница должна быть отодвинута в глубь территории КР на 20 км, а ее длина сократиться на 12 км. В данном случае речь идет о граничащих с КНР Хан-Тенири, Джаны-Жер и Узунку-Куш, которые в прошлом находились под юрисдикцией Российской империи с 1876 г. и в дальнейшем — СССР.

филактическим мероприятиям, нарушение законности и ослабление мер борьбы с преступностью) [2; 3; 4; 5; 6].

Анализ причин массовых беспорядков в КР показывает, что их можно было предотвратить при своевременном осуществлении комплекса профилактических мероприятий.

Таким образом, сложившаяся ситуация в современном кыргызском обществе требует от правоохранительных органов, в частности от ОВД КР, принятия адекватных мер обеспечения общественного порядка и общественной безопасности.

Эффективность управленческой деятельности ОВД КР во многом зависит от нормативных правовых актов, призванных регулировать правоотношения в данной сфере. В теории и методологии современного государственного управления важным элементом обеспечения принципа верховенства закона является реализация норм права [7, с. 4–6]. В силу специфики деятельности ОВД по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности в государстве нормы права должны быть совершенны и механизм реализации этих норм должен обеспечить сотрудникам ОВД четкое выполнение задач как в обычное время, так и в особых условиях [8, с. 134].

Правоприменительный опыт деятельности ОВД КР показывает, что совершенство норм права позволяет и дисциплинировать сотрудников ОВД. Необходимо признать, что организующая и регулирующая роль права имеет первостепенное значение, так как принятие и реализация правильных оперативных решений позволяет своевременно пресекать массовые беспорядки [5, с. 28–37].

В настоящее время ОВД выступают основным субъектом обеспечения общественного порядка и безопасности. Общество правомерно требует от Жогорку Кенеша (парламента) КР совершенствования правовых основ деятельности ОВД КР в области обеспечения общественного порядка и общественной безопасности. Как правило, мы понимаем, что ОВД КР выступают не только основным исполнителем, но и инициаторами ряда организационных (оперативно-профилактических) мероприятий, содержанием которых является создание благоприятных условий проведения массовых публичных мероприятий.

Представляет интерес зарубежный опыт правового обеспечения деятельности ОВД по предупреждению массовых беспорядков. В качестве основных

целесообразно рассмотреть правовую базу Австрии, Великобритании, Германии, США, Франции, Швеции и стран Содружества Независимых Государств (Республики Белоруссии, Республики Узбекистан, Республики Казахстан и Российской Федерации).

В Австрии предусмотрена уголовная ответственность за создание социальной опасности и распространение слухов о массовых беспорядках, которые вызывают беспокойство среди граждан, а также за призывы к неподчинению законным требованиям представителей органов публичной власти. Граждане Австрии, уличенные в участии в массовых беспорядках, наказываются лишением свободы сроком от 10 до 15 лет либо пожизненно³.

Стоит обратить внимание и на то, что МВД Австрии предложило ввести штраф в отношении агрессивных граждан, которые грубо ведут себя (нецензурная брань, плевки, приставание и оскорбление) в отношении сотрудника полиции. Однако в настоящее время данное предложение находится на стадии рассмотрения Правительством Австрии.

В Великобритании под массовыми беспорядками понимаются действия 12 и более лиц, угрожающих применить насилие в отношении других лиц или уничтожить общественную либо частную собственность. Граждане, уличенные в участии в массовых беспорядках, наказываются тюремным сроком до 10 лет. Кроме того, существует практика наложения временного моратория на проведение массовых мероприятий органами местного самоуправления в целях обеспечения общественного порядка и безопасности⁴. Определенный интерес вызывает ответственность организатора массового мероприятия. Законом предусмотрено, что организатор обязан соблюдать требования, которые были заявлены в уведомлении (дату, время, маршрут и количество участников мероприятия). В случае несоблюдения вышеописанных установок он будет нести ответственность: штраф или лишение свободы сроком до трех месяцев.

В Германии установлена уголовная ответственность за маскировку лица в толпе и за невыполнение законных требований сотрудника полиции, обеспечивающего общественный порядок и безопасность на обслуживаемой территории [9, с. 135].

Закон ФРГ «О собраниях и демонстрациях»⁵ предусматривает наказание за призывы к массовым беспорядкам и провоцирование беспорядков, а также за намерение осуществить такое деяние. Организатор массового мероприятия во взаимодействии

³ Уголовный кодекс Австрии от 23 января 1974 г. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000737755/ (дата обращения: 10.09.2024).

⁴ Акт об охране общественного порядка от 1 апреля 1986 г. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.09.2024).

⁵ О собраниях и демонстрациях : закон ФРГ от 24 июля 1953 г. URL: <http://continent.onlain.com.ru> (дата обращения: 10.09.2024).

с сотрудниками полиции обеспечивает общественный порядок и безопасность. За воспрепятствование законной деятельности сотрудника полиции организатор мероприятия несет уголовную ответственность (штраф или лишение свободы сроком до трех лет). С 1950 г. в ФРГ существует специальное подразделение, основной функцией которого является подавление массовых беспорядков. Его структурные подразделения имеются в каждом субъекте. В обычном режиме они подчинены министру внутренних дел субъекта, но в случае массовых беспорядков автоматически передаются в распоряжение федерального министра внутренних дел ФРГ. Парламент ФРГ недавно принял законопроект: за неподчинение требованиям сотрудника полиции и применение насилия в отношении сотрудника правонарушитель может быть лишен свободы на срок до пяти лет.

Уголовный кодекс США установил, что субъектом массовых беспорядков является группа людей, совершающих противоправные действия, нарушающих общественный порядок и безопасность. Квалифицирующим отягчающим обстоятельством выступает факт или умысел участника массовых беспорядков применить огнестрельное оружие в отношении представителя органов публичной власти, обеспечивающего общественный порядок и безопасность⁶. Стоит обратить внимание и на то, что за сопротивление сотрудникам полиции при аресте нарушителю могут назначить наказание в виде шести месяцев лишения свободы. В случае попытки побега нарушитель может получить наказание до полутора лет лишения свободы.

Вопрос о проведении массового мероприятия находится в компетенции органов местного самоуправления, существует также практика введения временных мораториев, все случаи отказа на проведение массовых мероприятий мотивированы тем, что общественный порядок и безопасность граждан превыше всего.

Сотрудник полиции в США при исполнении служебных обязанностей обладает неприкосновенностью, например, нельзя оскорблять полицейского. За неуважение к сотруднику полиции предусмотрена уголовная ответственность. В правоприменительной деятельности судебной системы США (штат Оклахома) имеется судебный прецедент, когда гражданин был осужден пожизненно за то, что плюнул в полицейского⁷. Кроме того, американский полицейский имеет возможность обеспечить собственную безопасность и применить табельное оружие в любой

ситуации, которую он считает опасной для здоровья и жизни.

Во Франции мирные собрания, митинги, шествия и пикетирования, проводимые без уведомления органов местного самоуправления либо с предоставлением неполной и неточной информации о целях мероприятия, наказываются лишением свободы сроком на шесть месяцев. Полиция Франции имеет право требовать, чтобы участники мероприятия разошлись, а также предупредить о применении физических мер воздействия. Префект полиции вправе запретить проведение мероприятия, если, по его мнению, оно несет угрозу опасности для общества и государства. Стоит обратить внимание и на то, что в УК Франции имеется норма, что любое скопление людей, способное нарушить общественный порядок, может быть принудительно разогнано после двух требований полиции разойтись. Умышленное игнорирование влечет штраф или тюремное заключение сроком один год.

В связи с продолжительной серией массовых беспорядков и большим количеством жертв среди сотрудников полиции Сенат (парламент) Франции недавно принял «антихулиганский закон»⁸. Закон направлен в первую очередь на защиту сотрудников правоохранительных органов от агрессивных участников мероприятия. Кроме того, органы местного самоуправления вправе запрещать отдельным категориям граждан (агрессивным, буйным и злым нарушителям общественного порядка, которые были уличены в предыдущих беспорядках) принимать участие в манифестациях, а префекты полиции получили право штрафовать граждан за нарушения норм общественного порядка (ранее такими полномочиями обладали суды общей юрисдикции).

Несмотря на существующие строгие законы, полиция всегда нуждается в защите. Только по официальным данным, с момента начала протестов во Франции около 1000 полицейских получили тяжелые ранения. Интересы полиции во Франции защищают профсоюзы, наиболее известным из них является профсоюз «Альянс». Члены профсоюза требуют от министерства обеспечения гарантий безопасности сотрудникам и увеличения численности штата полиции в проблемных пригородных зонах для пресечения групповых вооруженных нападений.

В Швеции сотрудники правоохранительных органов вправе потребовать, чтобы граждане решали возникшие споры между участниками массового мероприятия и органами публичной власти в рам-

⁶ Уголовный кодекс США 1962 г. URL: <https://constitutions.ru/?p=5849> (дата обращения: 10.09.2024).

⁷ Американец за плевок на полицейского получил пожизненный срок. URL: <https://ru.m.wikinews.org> (дата обращения: 10.09.2024).

⁸ Во Франции проголосовали за «антихулиганский» закон на фоне протестов желтых жилетов. URL: <https://www.interfax.ru> (дата обращения: 10.09.2024).

ках правового поля, а в случае неподчинения законным требованиям правоохранительных органов подстрекатели и организаторы беспорядков будут привлечены к уголовной ответственности в виде лишения свободы сроком до четырех лет. Участники мероприятия также будут привлечены к ответственности (лишение свободы сроком до двух лет). Кроме того, законом предусмотрена ответственность за распространение ложных сведений, которые не соответствуют действительности и создают угрозу публичному спокойствию, порядку и безопасности⁹. Интересным представляется существование единой базы, «черного списка» организаторов массового мероприятия, которая хранится в полиции.

Проведенные социологические опросы в Берлине, Вене, Лондоне, Париже показывают, что респонденты не против расширения полномочий сотрудников полиции в целях охраны общественного порядка и безопасности, если это даже противоречит основным принципам демократии. Кроме того, граждане полагают, что действия сотрудника полиции в отношении участников массовых беспорядков должны быть жестокими к участникам массовых беспорядков, если это обеспечит общественный порядок и безопасность граждан и полицейских¹⁰.

Особый интерес представляет законодательство Российской Федерации. Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»¹¹ подробно регламентирует порядок проведения мероприятия с указанием прав и обязанностей организаторов и участников, а также полномочий органов публичной власти по недопущению противоправных деяний.

Публичное мероприятие согласно данному Федеральному закону должно иметь организатора, взявшего на себя обязательство проведения массового мероприятия. На организатора возложены обязанности: соблюдать условия проведения мероприятия, которые были отражены в уведомлении; требовать прекращения нарушения закона от участников и соблюдать общественный порядок; приостанавливать или прекращать публичное мероприятие в случае совершения противоправных действий (бездействий); принять меры по недопущению превышения количества участников меро-

приятия, указанного в уведомлении, если это превышение создает угрозу общественному порядку и безопасности; обеспечивать сохранность имущества (частного, муниципального и государственного) и зеленых насаждений на месте проведения мероприятия. Организатор мероприятия за неисполнение обязанностей несет гражданско-правовую ответственность.

Федеральным собранием РФ были приняты Федеральный закон «О внесении изменений в статью 15³ Федерального закона „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“ и Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 27-ФЗ „О внесении изменений в Кодекс РФ об административных правонарушениях“». По нашему мнению, новые законодательные нормы позволяют правоохранительным органам своевременно реагировать и проводить превентивные меры. Кроме того, опубликованная в сети недостоверная информация может быть незамедлительно заблокирована Роскомнадзором. При этом федеральный уполномоченный орган обязательно направляет уведомление редакции об удалении недостоверной информации с сайта и только в случае непринятия мер Роскомнадзор принимает решение о блокировании сайта.

Роскомнадзор на постоянной основе публикует перечни информационных ресурсов, распространяющих недостоверную информацию¹². Этот список был сформирован на основании решений Генеральной прокуратуры РФ.

Весьма интересным представляется порядок деятельности правоохранительных органов в данном направлении: Генеральная прокуратура РФ совместно с Союзом журналистов России¹³ проводит мониторинг информационных ресурсов, в случае выявления сайта, который два и более раза опубликовал недостоверную информацию, он автоматически включается в этот список.

Опыт деятельности правоохранительных органов РФ показывает, что принятые нормы успешно реализуются в практической деятельности и в целом позволяют урегулировать общественные отношения в данном направлении. Примером реализации вышеописанных норм являются дела о фейковых новостях: когда за сообщения в социальных сетях о несанкционированном ми-

⁹ Уголовный кодекс Швеции 1962 г. URL: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/ugolovnyj_kodeks_shvecii (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁰ Массовые беспорядки и полиция: вопрос безопасности. URL: <https://rapsinews.ru> (дата обращения: 10.09.2024).

¹¹ О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Официальный сайт Роскомнадзора. URL: <https://24.rkn.gov.ru/> (дата обращения: 10.09.2024).

¹³ Крупнейшее творческое неполитическое общероссийское общественное объединение для защиты интересов журналистов России.

тинге и шествии оштрафовали правозащитников; за распространение недостоверной информации в социальных группах (WhatsApp¹⁴ и Telegram) о заражении цианидом почвы оштрафовали двух граждан.

Первым крупным средством массовой информации, привлеченным к административной ответственности за распространение недостоверной информации на территории РФ, стало сетевое издание Издательский дом «Момент истины». Основанием для привлечения к ответственности стал видеоролик на канале YouTube о подготовке майдана в России.

Таким образом, важно отметить, что нормы о фейковых новостях в РФ работают, несмотря на сложность привлечения к ответственности всех граждан, распространяющих недостоверную информацию в социальных сетях [10, с. 85–92]. По нашему мнению, в последующем технология выявления злостных распространителей ложной информации будет совершенствоваться с учетом технической оснащенности правоохранительных органов.

Сотрудники полиции ОВД РФ в целях обеспечения общественного порядка наделены довольно широким кругом государственно-властных полномочий¹⁵ и мерами административного принуждения: требовать от участников массового беспорядка прекратить совершение преступления и правонарушения; применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие; доставлять, проверять (документы, удостоверяющие личность) и подвергать административному задержанию участников массовых беспорядков; изымать вещественные доказательства и документы; осуществлять привод.

Территориальные ОВД РФ в рамках двухсторонних соглашений на постоянной основе совместно с органами исполнительной власти, местными органами власти, администрацией предприятия (организаций и учреждений), лидерами профсоюзов и партий, проводят комплекс организационных мероприятий предупредительного характера [11, с. 46]. Кроме того, стоит отметить, что нормативно-правовая база системы МВД России в первую очередь направлена, во-первых, на совершенствование профессионального мастерства сотрудников ОВД; во-вторых, на изучение тактических приемов предупреждения и пресечения массовых беспорядков; в-третьих, на формирование психологической¹⁶ готовности сотрудников полиции своевременно реа-

шать задачи, возникающие в процессе выполнения функциональных обязанностей.

В Республике Беларусь за распространение недостоверной информации в социальных сетях предусмотрена административная, а в отдельных случаях уголовная ответственность. При этом стоит отметить, что установление уголовной ответственности за распространение недостоверной информации в большинстве случаев носит превентивный характер.

В Республике Казахстан предусмотрена административная ответственность за публикацию недостоверной информации.

По нашему мнению, новые законодательные нормы позволяют правоохранительным органам Беларуси и Казахстана своевременно реагировать и принимать превентивные меры, что эффективнее, чем пресекать массовые беспорядки и ликвидировать их последствия.

Интересным представляется опыт деятельности Республики Узбекистан по предупреждению массовых беспорядков, где в Кодексе об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность за распространение ложной информации, которая угрожает общественному порядку и общественной безопасности. А в случае рецидива правонарушения наступает уголовная ответственность.

Таким образом, зарубежный опыт предупреждения массовых беспорядков отличается набором жестких требований к регламенту массовых мероприятий и детальным описанием полномочий сотрудников полиции [12, с. 21–25].

Проведенное исследование правового обеспечения деятельности правоохранительных органов по предупреждению массовых беспорядков в зарубежных странах позволило сделать вывод о необходимости учета их опыта. В связи с этим Закон Кыргызской Республики «О мирных собраниях»¹⁷ целесообразно дополнить нормой, в которой указать, что организатор мероприятия обязан:

- 1) соблюдать условия проведения мероприятия, которые были отражены в уведомлении;
- 2) требовать прекращения нарушения закона от участников мероприятия и соблюдать общественный порядок;
- 3) приостанавливать или прекращать публичное мероприятие в случае совершения противоправных действий (бездействий);
- 4) принимать меры по недопущению превышения количества участников мероприятия, указанно-

¹⁴ Принадлежит компании Meta, деятельность которой признана в России экстремистской и запрещена.

¹⁵ О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ.

¹⁶ Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900.

¹⁷ О мирных собраниях : закон КР от 23 мая 2012 г. № 64.

го в уведомлении, если это превышение создает угрозу общественному порядку и безопасности;

5) обеспечивать сохранность имущества (частного, муниципального и государственного) и зеленых насаждений на месте проведения мероприятия.

Организатор мероприятия в случае неисполнения своих обязанностей несет гражданско-правовую ответственность.

В Законе Кыргызской Республики «О средствах массовой информации»¹⁸ и Кодексе о правонарушениях¹⁹ предусмотреть административную ответственность за публикацию недостоверной информации.

За неповиновение законным требованиям сотрудника правоохранительного органа, обеспечивающего общественный порядок и безопасность во время массовых беспорядков, следует предусмотреть уголовную ответственность. По нашему мнению, установление уголовной ответственности имело бы превентивный характер.

Считаем целесообразным также создать единую электронную базу организаторов массового мероприятия при МВД КР.

Кроме того, необходимо проводить совместные мероприятия с институтами гражданского общества по правовому просвещению сотрудников правоохранительных органов [13, с. 276–280]. Данное направление является важной частью повышения профессионализма сотрудника. Необходимо совершенствовать профессиональное мастерство сотрудников, изучать тактические приемы предупреждения и пресечения массовых беспорядков и формировать психологическую подготовленность сотрудников ОВД к решению задач, возникающих в процессе выполнения функциональных обязанностей [14, с. 96–103]. На постоянной основе следует проводить совместные учения с органами местного самоуправления и институтами гражданского общества для обеспечения готовности к действиям по пресечению массовых беспорядков [15, с. 117–119].

Список источников

1. Мырзакматов М. В поисках истины. Ошская трагедия: документы, факты, интервью, обращения и заявления. Бишкек, 2011.
2. Азимов У. Х., Саякова Д. Ш. Соблюдение прав на свободу мирных собраний в Кыргызской Республике. Бишкек, 2015.
3. Вдовиченко К. Г. Понятие массовых беспорядков // Современные проблемы уголовной политики : мат-лы V междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар, 2014.
4. Григорьев В. Н. Расследование массовых беспорядков в условиях чрезвычайного положения. М., 1992.
5. Майдыков А. Ф. Проблемы совершенствования управления органами внутренних дел в особых условиях // Проблемы повышения готовности органов внутренних дел в охране общественного порядка и безопасности в особых условиях : сб. статей. М., 1990.
6. Скоморохов О. Н. Информационное обеспечение деятельности подразделений, противодействующих экстремизму // Проблемы противодействия экстремизму : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 2009.
7. Чиркин В. Е. О понятии «ветвь государственной власти» // Право и политика. 2003. № 4.
8. Джакишев А. У. Деятельность милиции Кыргызстана: проблемы охраны общественного порядка и борьбы с преступностью : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.
9. Кадыркулов И. Р. Организация деятельности органов и подразделений МВД Кыргызской Республики по предупреждению и пресечению массовых беспорядков : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
10. Мищенко С. А., Осташевский А. В., Крайних И. Г. Фейковые новости в российских интернет-СМИ: правовое регулирование // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Т 12, № 2.
11. Майдыков А. Ф., Демин П. И., Махаков Б. Д. Деятельность органов внутренних дел по противодействию правонарушениям социально-политического характера // Национальные интересы: приоритет и безопасность. 2012. Т. 8, № 43(184).
12. Саидов Ф. З., Зайырбекова А. А. Развитие и совершенствование правового регулирования деятельности органов внутренних дел Кыргызской Республики по предупреждению массовых беспорядков // Академическая мысль. 2024. № 2(27).

¹⁸ О средствах массовой информации : закон КР от 2 июля 1992 г. № 939-XII. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁹ Кодекс Кыргызской Республики об административных правонарушениях от 28 октября 2021 г. № 128. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 10.09.2024).

13. Кадырова Ч. А., Зайырбекова А. А. Профилактика профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел Кыргызской Республики // Российская девиантологическая панорама: теория и практика : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / сост. А. А. Жаворонкова, О. С. Кравченко. СПб., 2023.

14. Зайырбекова А. А. Эмоциональный интеллект в деятельности сотрудников органов внутренних дел Кыргызской Республики // Прикладная психология и педагогика. 2023. Т. 8, № 1.

15. Зайырбекова А. А., Саидов Ф. З. Взаимодействие органов внутренних дел Кыргызской Республики с институтами гражданского общества по предупреждению внутренних волнений и массовых беспорядков : мат-лы XXVII междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы борьбы с преступностью: Вопросы теории и практики». Красноярск, 2024.

УДК 343.1 : 343.2

doi: 10.24412/1999-625X-2025-196-68-71

5.1.4 Уголовно-правовые науки

О применении статьи 80¹ УК РФ на различных этапах производства по уголовному делу и при исполнении приговора

Алексей Дмитриевич Прошляков

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы¹, ✉ dm-prosh@mail.ru

Любовь Андреевна Пупышева

доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела²,

✉ lyuba-shabalina@yandex.ru

¹ Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Челябинск, Россия),

² Омская академия МВД России (Омск, Россия)

В статье анализируется развитие правового регулирования освобождения от наказания в связи с изменением обстановки. Обращается внимание на рассогласованность положений материального уголовного права и уголовно-процессуальных процедур, предназначенных для их реализации. Используя примеры из судебной практики, авторы иллюстрируют разночтения, имеющие место в реальном правоприменении при определении вида обвинительного приговора при установлении оснований для освобождения от наказания в порядке ст. 80¹ УК РФ на различных этапах производства по уголовному делу и при исполнении приговора.

Ключевые слова: освобождение от наказания, изменение обстановки, обвинительный приговор, производство по уголовному делу, исполнение приговора

Для цитирования: Прошляков А. Д., Пупышева Л. А. О применении статьи 80¹ УК РФ на различных этапах производства по уголовному делу и при исполнении приговора // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96). С. 68–71.

Application of Article 80¹ of the Criminal Code of the Russian Federation at different Stages of Criminal Proceedings and during Execution of the Sentence

Alexey D. Proshlyakov

Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Expertise¹, ✉ dm-prosh@mail.ru

Lyubov A. Pupyshva

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, chief of the Research Department², ✉ lyuba-shabalina@yandex.ru

¹ South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russia),

² the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article analyzes the development of legal regulation of exemption from punishment due to the changing conditions. The focus is made on the inconsistency of the provisions of substantive criminal law and criminal procedural mechanism designed for their implementation. Using examples from court practice, the authors illustrate the discrepancies occurring in real law enforcement in determining the type of conviction when establishing grounds for exemption from punishment in accordance with Article 80¹ of the Criminal Code of the Russian Federation at different stages of criminal proceedings and during the execution of the sentence.

Keywords: exemption from punishment, changing the conditions, judgment of conviction, criminal proceedings, execution of the sentence

Citation: Proshlyakov A. D., Pupyshva L. A. Application of Article 80¹ of the Criminal Code of the Russian Federation at different Stages of Criminal Proceedings and during Execution of the Sentence. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 1(96). Pp. 68–71 (In Russ.).

Вопросы правового регулирования оснований для освобождения от уголовной ответственности и от наказания являются наиболее проблемными как для законодателя, так и для правоприменителя, на что совершенно обоснованно обращается внимание в уголовно-правовой доктрине [1; 2; 3]. Особую сложность вызывают освобождение от наказания в связи с изменением обстановки [4]. Часть 1 ст. 50 УК РСФСР 1960 г. устанавливала, что лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления, может быть освобождено от уголовной ответственности, если будет признано, что ко времени расследования или рассмотрения дела в суде вследствие изменения обстановки совершенное им деяние потеряло характер общественно опасного или это лицо перестало быть общественно опасным. В соответствии со ст. 6 УПК РСФСР 1960 г. суд, прокурор, а также следователь и орган дознания с согласия прокурора вправе были прекратить уголовное дело в указанной ситуации.

Это означало, что если деяние или лицо потеряли общественную опасность вследствие изменения обстановки, то уголовное дело могло быть прекращено и в стадии предварительного расследования, и при производстве в суде, причем формально это не зависит ни от тяжести содеянного, ни от характеристик лица, это деяние совершившего.

Ситуация стала меняться с принятием УК РФ, который позволяет освободить от уголовной ответственности лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им деяние перестали быть общественно опасными (ст. 77 УК РФ).

Статья 26 УПК РФ «Прекращение уголовного дела в связи с изменением обстановки» в первоначальном варианте текста закона не содержала ссылок на ст. 77 УК РФ, но еще до вступления в силу УПК РФ ее часть 1 была изменена Федеральным законом от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ и изложена в такой редакции: «Суд, прокурор, а также следователь и дознаватель с согласия прокурора вправе прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 77 Уголовного кодекса Российской Федерации, если будет установлено, что в связи с изменением обстановки данное лицо или совершенное им деяние перестали быть общественно опасными»¹.

Тем самым законодатель, установив существенные ограничения в основаниях освобождения от уголовной ответственности вследствие изменения обстановки, все же сохранил возможность применения ст. 77 УК РФ в стадии предварительного расследования. Но такая возможность была предоставлена органам предварительного следствия и дознания на сравнительно небольшой период.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ² из УПК РФ исключена ст. 26. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ³, исключив из УК РФ ст. 77, ввел в текст уголовного закона новую норму — ст. 80¹ «Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки»: лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им преступление перестали быть общественно опасными.

Эти изменения полностью устранили применение нормы об изменении обстановки в досудебном производстве по уголовным делам и при назначении судебного заседания. Стоит, правда, заметить, что утрата лицом или деянием общественной опасности вследствие изменения обстановки послужила своеобразной «матрицей» для многочисленных новых специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, закрепленных в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, которые вполне успешно «работают» и в стадии предварительного расследования (к примеру, примечание 3 к ст. 157 УК РФ, примечание 2 к ст. 145¹ УК РФ и др.) и ранее рассматривались как частные случаи изменения обстановки.

Самостоятельную правоприменительную проблему образует вопрос об определении вида обвинительного приговора, постановляемого в случае выявления судом оснований для освобождения от наказания в связи с изменением обстановки. Другими словами, закономерно возникает вопрос о том, какой вид обвинительного приговора должен вынести суд: с освобождением от отбывания наказания или без назначения наказания. Отметим, что на обозначенную проблему, в том числе на отсутствие единства в правоприменительной практике, обращается внимание на страницах юридической печати [5].

Долгое время в теории и на практике считалось, что использованная в ст. 80¹ УК РФ формулировка

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» : федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ.

³ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ.

«лицо... освобождается от наказания» дает основания полагать, что суд постановляет обвинительный приговор с освобождением от отбывания наказания (п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ). Вместе с тем Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 постановления от 7 июня 2022 г. № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» разъяснил, что в этом случае все же выносится приговор без назначения наказания (п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ).

Однако в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» сформулирована такая правовая позиция: решение суда об изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести позволяет суду при наличии оснований, предусмотренных ст. ст. 75, 76, 78, 80¹, 84, 92, 94 УК РФ, освободить осужденного от отбывания назначенного наказания. В этих случаях суд постановляет приговор, резолютивная часть которого должна, в частности, содержать решение о признании подсудимого виновным в совершении преступления, о назначении ему наказания, об изменении категории преступления на менее тяжкую с указанием измененной категории преступления, а также об освобождении от отбывания назначенного наказания (п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ). Лицо, освобожденное от отбывания наказания по указанным основаниям, считается несудимым (ч. 2 ст. 86 УК РФ).

Таким образом, системное понимание обозначенных Пленумом Верховного Суда РФ позиций позволяет заключить, что если в ходе судебного разбирательства уголовного дела будут установлены основания для освобождения от наказания вследствие изменения обстановки, судом могут быть вынесены два вида обвинительных приговоров:

— без назначения наказания, если ст. 80¹ УК РФ применяется по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести;

— с освобождением от отбывания наказания, если суд на основании ч. 6 ст. 15 УК РФ изменил категорию содеянного с тяжкого преступления на преступление средней тяжести и затем применил ст. 80¹ УК РФ.

Следует обратить внимание на наличие разных подходов судов апелляционной инстанции при пересмотре решений по уголовному делу, если нижестоящим судом были применены законоположения об освобождении от наказания в связи с изменением обстановки. При рассмотрении уголовного дела в суде второй инстанции возможны разные варианты применения ст. 80¹ УК РФ.

Первый. Суд первой инстанции при принятии окончательного решения ошибочно не нашел оснований для применения ст. 80¹ УК РФ. В этом случае приговор должен быть изменен, а осужденный — освобожден от отбывания наказания (п. 1 ч. 1 ст. 389²⁶ УПК РФ). Но это исправление судебной ошибки. **Вторая** возможная ситуация, когда изменение обстановки наступило уже после постановления приговора, значительно сложнее. Нужно ли в этом случае изменять приговор? Думается, что нет, но отреагировать на произошедшие перемены необходимо. Можно предложить суду второй инстанции в этой ситуации, не изменяя приговор, самому прямо и непосредственно применить ст. 80¹ УК РФ, указав на это отдельной строкой в резолютивной части апелляционного решения.

Нет никаких препятствий для применения ст. 80¹ УК РФ и при рассмотрении дела в суде кассационной инстанции (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 октября 2023 г. № 41-УД23-21-К4).

В то же время современная судебная практика исходит из того, что ст. 80¹ УК РФ нельзя применять при исполнении приговора.

Постановлением Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 2 августа 2023 г. осужденному М. отказано в удовлетворении ходатайства об освобождении от наказания в связи с изменением обстановки.

Апелляционным постановлением Челябинского областного суда от 11 октября 2023 г. решение суда первой инстанции отменено, производство по материалу прекращено. В обоснование принятого решения судом апелляционной инстанции указано следующее. Согласно ст. 80¹ УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им преступление перестали быть общественно опасными.

Между тем ст. 397 УПК РФ не предусмотрена возможность рассмотрения ходатайств об освобождении от наказания на основании ст. 80¹ УК РФ в порядке, установленном для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора.

Таким образом, у суда первой инстанции не имелось оснований для рассмотрения ходатайства М. об освобождении от наказания на основании ст. 80¹ УК РФ в порядке разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора⁴.

Мотивируя свое решение, Челябинский областной суд сослался и на правовую позицию Конституционного Суда РФ, высказанную в определении от 27 мая 2010 г. № 680-О-О «Об отказе в принятии к рас-

⁴ Обобщение судебной практики Челябинского областного суда за четвертый квартал 2023 г. : утв. президиумом Челябинского областного суда 5 апреля 2024 г.

смотрению жалобы гражданина Б. А. В. на нарушение его конституционных прав статьями 396, 397 и 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 172 и 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьей 82 Уголовного кодекса Российской Федерации». Согласно которой в ст. ст. 396, 398 и 399 УПК РФ и ст. 172 и 175 УИК РФ положения, не допускающие применения ст. 80¹ УК РФ на стадии исполнения приговора, не могут расцениваться как ограничивающие его право на смягчение наказания, которое может быть реализовано при применении ст. ст. 79, 80 и 81 УК РФ.

УК РФ и УПК РФ с учетом применяемых норм уголовно-исполнительного законодательства в их взаимосвязи установлена возможность применения нормы ст. 80¹ УК РФ лишь при постановлении обвинительного приговора с освобождением от наказания (п. 5 ч. 1 ст. 299, п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ) либо при обжаловании такого приговора в судах вышестоящих инстанций.

Не будем столь категоричны.

Во-первых, законодатель поместил ст. 80¹ УК РФ в главу 12 Кодекса, большинство норм которой применяются только (ст. ст. 79, 80, 80², 83 УК РФ) или преимущественно (ст. ст. 81, 82 УК РФ) в стадии исполнения приговора. Да и в какой стадии уголовного судопроизводства и судом какой инстанции применять ст. 80¹ УК РФ, в самом уголовном законе не сказано.

Во-вторых, ст. 80¹ УК РФ вполне может «работать» при обратной силе нового уголовного закона, если та или иная ситуация прямо и однозначно не подпадает под действие п. 13 ст. 397 УПК РФ. Это, например, устранение преступности основного, первичного деяния, при формальном сохранении таковой для вторичных преступлений (ст. 175 УК РФ) либо при устранении преступности деяния новым уголовным законом, вступление в силу которого отложено на значительное время.

Практика показывает, что ст. 80¹ УК РФ — норма гибкая, она позволяет быстро, оперативно, не до-

жидаясь изменений и дополнений закона, отреагировать на масштабные и несомненные изменения социально-экономической или политической ситуации. Так, ст. 80¹ УК РФ оказалась востребованной в связи с проведением СВО и вхождением в состав Российской Федерации новых регионов. Это прежде всего коснулось преступлений, предусмотренных ст. ст. 200¹ и 200² УК РФ (до исключения из УК РФ), — контрабанда, так как получилось, что ее предмет перемещался уже по территории Российской Федерации, а не через таможенную границу⁵.

Но стоит ли при этом тянуть время до рассмотрения дела судом? Может быть, целесообразно разделить ст. 80¹ УК РФ на две нормы уголовного закона? Если лицо потеряло общественную опасность вследствие изменения обстановки, то вопрос должен решаться в суде. Если же опасность явно и очевидно утратило само деяние, то характеристики лица не столь важны, и дело можно прекратить еще в стадии предварительного расследования. Это, кстати, позволит устранить и некий существующий пока парадокс, когда суд, признав, что деяние утратило общественную опасность вследствие изменения обстановки, не назначил наказание или освободил от него лицо, впервые совершившее преступление, и одновременно постановил обвинительный приговор с назначением наказания в отношении соучастника, не подпадающего под эту категорию. Но подобные предложения во многом дискуссионны и требуют глубокого теоретического осмысления.

Подводя итог, отметим, что несмотря на определенную востребованность, нормы уголовного закона, устанавливающие основания для освобождения от наказания в связи с изменением обстановки, не лишены недостатков. Дефекты правового регулирования, в том числе несогласованность положений материального и процессуального законов, становятся предпосылками для отсутствия единства правоприменительной практики, преодолеть которое в настоящий момент не удалось даже под влиянием правовых позиций Пленума Верховного Суда РФ.

Список источников

1. Андрианов В. К. Закономерности развития и функционирования института освобождения от уголовного наказания // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 6.
2. Карпов К. Н. Уголовно-правовое значение итоговых процессуальных решений об освобождении от уголовной ответственности и наказания // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 1.
3. Звечаровский И. Э. О практике освобождения от уголовной ответственности и наказания // Уголовное право. 2023. № 5.
4. Горшенин А. А. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки // Уголовное судопроизводство. 2023. № 4.
5. Попова И. П. Изменение обстановки как оценочная категория при постановлении приговора // Российский судья. 2023. № 12.

⁵ Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16 мая 2024 г. по делу № 77-1125/2024 и кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 5 октября 2023 г. № 77-3367/2023.

УДК 343

doi: 10.24412/1999-625X-2025-196-72-76

5.1.4. Уголовно-правовые науки

О правоохранительной деятельности федеральных органов исполнительной власти через призму норм Конституции Российской Федерации

Сергей Владимирович Супрун

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса¹,

✉ s.suprun65@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

В статье исследуются понятие и место правоохранительных органов в системе органов государственной власти через анализ положений, содержащихся в ст. 10 Конституции РФ, разделяющей государственную власть на законодательную, судебную, исполнительную; п. «л» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, отделяющем правоохранительные органы от органов судебной власти, нотариата и адвокатуры.

На основе проведенного исследования автор делает выводы, что: а) правоохранительные органы наделены полномочиями применения мер государственного принуждения, относятся к федеральным органам исполнительной власти, осуществляют государственную деятельность по охране правопорядка, защите личности, юридических лиц, общества и государства от нарушений права; б) органы прокуратуры, Следственного комитета РФ, адвокатуры и нотариата не имеют статуса федерального органа исполнительной власти и не относятся к правоохранительным органам; в) федеральные органы исполнительной власти, не наделенные полномочиями применения мер государственного принуждения, не осуществляют правоохранительную деятельность и не являются правоохранительными органами.

Ключевые слова: государственная власть, федеральные органы исполнительной власти, правоохранительные органы, правоохранительная деятельность, охрана и защита права от нарушений

Для цитирования: Супрун С. В. О правоохранительной деятельности федеральных органов исполнительной власти через призму норм Конституции Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96). С. 72–76.

On Law Enforcement Activities of Federal Executive Bodies in the context of the Norms of the Constitution of the Russian Federation

Sergey V. Suprun

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Criminal Procedure¹,

✉ s.suprun65@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article examines the concept and place of law enforcement agencies in the system of public authorities through the analysis of the provisions contained in Article 10 of the Constitution of the Russian Federation, which divides state power into legislative, judicial, executive; cl. 'l' part 1 of Article 72 of the Constitution of the Russian Federation, which separates law enforcement agencies from the judiciary, notaries and advocacy.

On the basis of the conducted research, the author concludes that: a) law enforcement agencies are vested with the authority to apply measures of state coercion, belong to the federal bodies of executive power, carry out state activities to protect law and order, protect individuals, legal entities, society and the state from violations of law; b) the bodies of the Prosecutor's Office, the Investigative Committee of the Russian Federation, the Bar and the Notaries do not have the status of a federal body of executive power and do not belong to law enforcement agencies; c) federal executive bodies which are not endowed with powers to apply measures of state coercion do not carry out law enforcement activities and are not law enforcement agencies.

Keywords: state power, federal executive bodies, law enforcement agencies, law enforcement activity, protection and defence of law from violations

Citation: Suprun S. V. On Law Enforcement Activities of Federal Executive Bodies in the context of the Norms of the Constitution of the Russian Federation. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 1(96). Pp. 72–76 (In Russ.).

В статье 2 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина провозглашаются высшей социальной ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина возлагается на государство, которое через деятельность созданных им специализированных государственных органов исполнительной власти создает необходимые условия для их реализации, а в случае нарушения обеспечивает защиту прав и свобод человека и гражданина. В теории права деятельность специализированных государственных органов исполнительной власти, наделенных властными полномочиями в сфере охраны и защиты прав, называется правоохранительной деятельностью.

Понятие «правоохранительная деятельность» не имеет нормативной основы, и его содержание не раскрывается на законодательном уровне. В учебной [1, с. 18–20; 2, с. 12, 13] и научной [3, с. 152–160; 4, с. 344–345] литературе приводится достаточно большое количество определений, раскрывающих сущность и содержание данного понятия.

В теоретическом смысле правоохранительная деятельность — это деятельность всех государственных и негосударственных органов [5, с. 222–224; 6, с. 299–305; 7] по охране установленного государством правопорядка, защите прав личности, юридических лиц, общества и государства от общественно опасных деяний.

В сфере оказания юридических услуг физическим и юридическим лицам правоохранительная деятельность осуществляется в основном государственными (нотариат)¹ и негосударственными (нотариат², адвокатура³) органами [2, с. 102–115].

Л. К. Савюк под правоохранительной деятельностью понимает властноорганизующую деятельность компетентных органов и лиц, направленную на охрану прав и свобод граждан, обеспечение законности и правопорядка в обществе [8]. В изложенном выше определении не выделяются конституционный элемент защиты прав и свобод человека и гражданина и отраслевой элемент защиты прав и законных интересов юридических лиц, общества и государства от нарушений права.

К. Ф. Гуценко под правоохранительной деятельностью предлагает понимать одно из направлений государственной деятельности, осуществляемой «с целью охраны права специально уполномоченными органами путем применения

юридических мер воздействия в строгом соответствии с законом и при неукоснительном соблюдении установленного им порядка» [9]. В данном определении также не выделяется элемент защиты личности, юридических лиц, общества и государства от нарушений права. Вместе с тем автор в определении косвенно указывает, что если право будет нарушено запрещенным законом деянием, то государственные органы должны принять необходимые юридические меры воздействия для их восстановления.

На практике в понятие «правоохранительная деятельность» вкладывается различное содержание. Для «одних специалистов-практиков данная деятельность — это то, что делается компетентными государственными органами в сфере борьбы с преступлениями и иными правонарушениями (ставится знак равенства между понятием правоохранительной деятельности и понятием борьбы с преступностью, правонарушениями). Для других — это обеспечение общественного порядка в общественных местах, на улицах, контроль за правильным проведением массовых мероприятий и т. д.» [10].

Основными задачами правоохранительной деятельности являются:

- 1) охрана прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов организаций, общества и государства;
- 2) разрешение судом споров о праве (юридических конфликтов) при осуществлении правосудия;
- 3) обеспечение общественного порядка, безопасности общества и государства от правонарушений;
- 4) предупреждение и пресечение правонарушений, применение мер государственного принуждения к лицам, их совершившим [11, с. 19].

Исходя из содержания указанных выше задач назначением правоохранительной деятельности является охрана установленного законом правопорядка и защита права от нарушений.

Социальная идея государственной защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина находит свое отражение в ч. 1 ст. 45 Конституции РФ, согласно которой защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется каждому, кто в ней нуждается.

Конституционные права и свободы человека и гражданина в деятельности органов государственной власти «определяют смысл, содержание и приме-

¹ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : утв. постановлением Верховного Суда РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ч. 2 ст. 1).

нение законов» (ст. 18 Конституции РФ). В контексте триединства государственной власти, разделенной на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10 Конституции РФ), правоохранительная деятельность осуществляется федеральными органами исполнительной власти Российской Федерации [12]. Данный тезис подтверждается следующими аргументами.

1. В пункте «л» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ на род как источник государственной власти отделяет *правоохранительные* органы от органов *законодательной и судебной* власти. В этом же пункте «л» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ отделяются *правоохранительные* органы от *органов адвокатуры* и от *органов нотариата*. В системе федеральных органов государственной власти *органы адвокатуры и нотариата*, органы *законодательной и судебной* власти не уполномочены осуществлять правоохранительную деятельность.

2. Система федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации утверждена Указом Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»⁴. Структура органов исполнительной власти утверждена Указом Президента РФ от 11 мая 2024 г. № 326⁵ (далее — указ Президента РФ № 326).

Согласно данному указу в структуру федеральных органов исполнительной власти входят министерства, службы и агентства, составляющие три раздела:

Раздел I. «Федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, федеральные службы и федеральные агентства, подведомственные этим федеральным министерствам».

Раздел II. «Федеральные министерства, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральные службы и федеральные агентства, подведомственные этим федеральным министерствам».

Раздел III. «Федеральные службы и федеральные агентства, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации».

Из числа федеральных органов исполнительной власти, созданных Президентом Российской Федерации для решения социально значимых задач, можно

выделить федеральные органы исполнительной власти, наделенные полномочиями применения мер государственного принуждения, подчиняющиеся Президенту РФ.

В разделе I «Федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, федеральные службы и федеральные агентства, подведомственные этим федеральным министерствам» упоминаются:

- 1) Министерство внутренних дел Российской Федерации;
- 2) Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий;
- 3) Федеральная служба исполнения наказаний;
- 4) Федеральная служба судебных приставов;
- 5) Федеральная служба безопасности Российской Федерации;
- 6) Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации;
- 7) Федеральная служба охраны Российской Федерации.

Перечисленные выше *федеральные органы исполнительной власти* имеют правовой статус министерства или федеральной службы, наделены полномочиями применения мер государственного принуждения, осуществляют государственную деятельность в сфере *охраны* правопорядка, *защиты* конституционных и отраслевых прав личности, юридических лиц, общества и государства от нарушений права.

Конституционная идея о месте правоохранительных органов среди государственных органов исполнительной власти Российской Федерации частично нашла отражение в ст. 8 Федерального закона от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации»⁶.

В части 1 ст. 8 ФЗ данного Закона говорится, что «генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью *органов внутренних дел, органов Федеральной службы безопасности, органов Таможенной службы и других правоохранительных органов* (курсив наш. — С. С.)», перечень которых содержится в ст. 1 Положения о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью⁷.

⁴ О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти : указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314.

⁵ О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти : указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 ; О структуре федеральных органов исполнительной власти : указ Президента РФ от 11 мая 2024 г. № 326.

⁶ О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1.

⁷ О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью : указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 1996 г. № 567.

⁸ О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 ; О Следственном комитете Российской Федерации : федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ.

Сами органы *прокуратуры* и выделенные из нее следственные органы, на основе которых был создан Следственный комитет Российской Федерации, в соответствии с действующим федеральным законодательством, регламентирующим их правовое положение⁸, не имеют правового статуса федерального органа исполнительной власти. Органы прокуратуры и Следственного комитета Российской Федерации не включены Указом Президента РФ № 326 в структуру федеральных органов исполнительной власти и в системе государственной власти, разделенной в ст. 10 Конституции РФ на законодательную, судебную и исполнительную, не являются правоохранительными органами, что представляется спорным, так как иных ветвей государственной власти Конституцией не предусмотрено.

Таким образом, *правоохранительные органы* (сформулируем рабочее определение) — это наделенные властными полномочиями федеральные органы *исполнительной власти*, действующие от имени и по поручению государства в целях *охраны* установленного государством правопорядка, *защиты* прав и свобод человека и гражданина; прав и законных интересов юридических лиц, общества и государства от правонарушений и общественно опасных деяний.

Федеральные органы *исполнительной власти* Российской Федерации осуществляют правоохранительную деятельность по следующим социальным направлениям:

- 1) административная деятельность;
- 2) оперативно-розыскная деятельность;
- 3) деятельность по расследованию преступлений;
- 4) деятельность по исполнению судебных решений;
- 5) деятельность по охране общественного порядка;
- 6) деятельность по охране Президента РФ, Председателя Правительства РФ, иных должностных лиц государства;
- 7) деятельность по обеспечению общественной и государственной безопасности.

Перечень социально значимых направлений правоохранительной деятельности федеральных органов исполнительной власти является примерным и может быть продолжен.

На этом тезисе считаем целесообразным завершить начатое нами исследование и подвести его некоторые итоги.

Правоохранительные органы в системе государственной власти (ст. 10 Конституции РФ) отделены от органов законодательной и судебной власти, нотариата, адвокатуры (п. «л» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ) и входят в состав *федеральных органов исполнительной власти*.

Федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства раздела I Структуры фе-

деральных органов исполнительной власти, утвержденной Указом Президента РФ № 326, деятельностью которых руководит Президент Российской Федерации, осуществляют деятельность в сфере охраны правопорядка, защиты личности, юридических лиц, общества и государства от нарушений права, наделены полномочиями применения мер государственного принуждения, относятся к правоохранительным органам.

Федеральные органы исполнительной власти, перечисленные в разделах II и III Структуры федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых относится к ведению Правительства Российской Федерации, не осуществляют деятельность в сфере обеспечения законности и правопорядка, связанную с применением мер государственного принуждения, поэтому не являются правоохранительными органами.

К федеральным органам исполнительной власти не относятся органы суда, прокуратуры и Следственного комитета РФ, наделенные полномочиями применения мер государственного принуждения, а также органы адвокатуры и нотариата, не имеющие таких полномочий. В соответствии с действующим законодательством, регламентирующим их правовое положение, они не являются федеральными органами исполнительной власти и в системе органов государственной власти не имеют правоохранительного статуса.

Правоохранительные органы исполнительной власти Российской Федерации:

— создаются Президентом РФ для обеспечения правопорядка на территории Российской Федерации;

— действуют от имени и по поручению государства на основе и в соответствии с законом;

— осуществляют деятельность в сфере охраны и защиты прав и законных интересов личности, общества и государства от противоправных посягательств;

— наделены полномочиями применения мер государственного принуждения при осуществлении правоохранительной деятельности.

Основными признаками правоохранительной деятельности являются:

— осуществление государственной деятельности федеральными органами исполнительной власти от имени и по поручению государства в строгом соответствии с законом;

— осуществление государственной деятельности федеральными органами исполнительной власти, наделенными полномочиями применения мер государственного принуждения;

— осуществление государственной деятельности федеральными органами исполнительной власти в целях *охраны* правопорядка и *защиты* права от нарушений;

— обеспечение государственной деятельности федеральных органов исполнительной власти правосудием и квалифицированной юридической помощью при разрешении споров, возникающих из нарушений права.

Правоохранительная деятельность — это урегулированная нормами права деятельность

федеральных органов исполнительной власти, наделенных властными полномочиями по охране правопорядка и защите права от нарушений, сопровождаемая квалифицированной юридической помощью и обеспеченная правосудием при разрешении споров, возникающих из нарушений права⁹.

Список источников

1. Газетдинов Н. И. Правоохранительные органы Российской Федерации : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Казань, 2012.
2. *Правоохранительные органы* : учеб. пособие / под ред. А. М. Баранова. Омск, 2006.
3. Сибгатуллин Ф. С. Понятие правоохранительной деятельности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 9 (75), № 3.
4. Мельникова Н. А. К вопросу о понятии правоохранительной деятельности // Актуальные проблемы управления и экономики: история и современность : мат-лы науч. конф. Вологда, 2006.
5. Химичева О. В. К вопросу о субъектах правоохранительной деятельности в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4.
6. Тарасов А. М. К вопросу о понятии правоохранительной деятельности и о правоохранительных органах // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4(44).
7. Волкова К. С. Понятия «правоохранительная деятельность» и «правоохранительный орган», их соотношение, основные черты и задачи. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiya-pravoohranitelnaya-i-pravoohranitelnyy-organ-ih-osnovnye-cherty-i> (дата обращения: 24.10.2024).
8. Савюк Л. К. Правоохранительные органы : учебник. М., 2007.
9. Гуценко К. Ф. Правоохранительные органы : учебник. 5-е. изд. М., 2022.
10. Тарасов А. М. Правоохранительная деятельность: ее понятие, сущность, правовые аспекты контроля. М., 2003.
11. Шамардин А. А. Правоохранительные органы (Судоустройство) : учебник для вузов. М., 2021.
12. Гусев А. В. Понятие и система правоохранительных органов исполнительной власти России: вопросы теории и практики // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 6.

⁹ О судах общей юрисдикции в Российской Федерации : федеральный конституционный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (ч. 1 ст. 4).

УДК 342.52

doi: 10.24412/1999-625X-2025-196-77-82

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Участие прокурора в подготовке законопроектов, разрабатываемых органами государственной власти

Галина Юрьевна Синякова

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов и участия прокурора в административном, арбитражном и гражданском процессе¹, ✉ galinasin74@icloud.com

Ильяс Дамирович Гайнов

кандидат юридических наук, профессор кафедры прокурорского надзора за исполнением законов и участия прокурора в административном, арбитражном и гражданском процессе¹, ✉ gainov@yandex.ru

Сергей Яковлевич Казанцев

кандидат юридических наук, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики², ✉ menedgment-kfu@mail.ru

¹ Казанский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (Казань, Россия),

² Казанский юридический институт МВД России (Казань, Россия)

В статье исследуются теоретические и практические проблемы участия прокурора в подготовке законопроектов, разрабатываемых органами государственной власти; механизм реализации правотворческой деятельности прокурора в части инициативной разработки проектов законов и иных нормативных правовых актов. Исходя из анализа действующего законодательства, организационно-распорядительных актов Генерального прокурора Российской Федерации и практики прокурорской деятельности обоснован вывод о необходимости законодательного закрепления на федеральном уровне права правотворческой инициативы прокурора.

Ключевые слова: правотворческая деятельность, прокурор, законодательная инициатива, законопроект, органы государственной власти

Для цитирования: Синякова Г. Ю., Гайнов И. Д., Казанцев С. Я. Участие прокурора в подготовке законопроектов, разрабатываемых органами государственной власти // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96). С. 77–82.

Prosecutor's Participation in Preparing Draft Laws developed by Governmental Bodies

Galina Yu. Sinyakova

Candidate of Science (in Law), chief of the chair of Prosecutor's Supervision over Enforcement of Laws and Prosecutor's Participation in Administrative, Arbitration and Civil Proceedings¹, ✉ galinasin74@icloud.com

Ilyas D. Gaynov

Candidate of Science (in Law), Professor at the chair of Prosecutor's Supervision over Enforcement of Laws and Prosecutor's Participation in Administrative, Arbitration and Civil Proceedings¹, ✉ gainov@yandex.ru

Sergey Ya. Kazantsev

Candidate of Science (in Law), Doctor of Science (in Pedagogy), Professor, Professor at the chair of Criminalistics², ✉ menedgment-kfu@mail.ru

¹ Kazan Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation (Kazan, Russia),

² Kazan Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Kazan, Russia)

Under consideration are theoretical and practical problems of participation of the prosecutor in preparing draft laws developed by governmental bodies; the mechanism of implementation of law-making activity of the prosecutor in terms of initiative development of draft laws and other normative legal acts. Based on the analysis of current legislation, organizational and administrative acts of the General Prosecutor of the Russian Federation and practice of prosecutor's activity, the conclusion about the need for legislative consolidation at the federal level of the right of legislative initiative of the prosecutor is substantiated.

Keywords: law-making activity, prosecutor, legislative initiative, draft law, governmental bodies

Citation: Sinyakova G. Yu., Gaynov I. D., Kazantsev S. Ya. Prosecutor's Participation in Preparing Draft Laws developed by Governmental Bodies. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No.14(96). Pp. 77–82 (In Russ.).

Задача обеспечения единства правового пространства в современной России имеет важное значение. Ключевая роль в ее решении отведена органам прокуратуры. Основным законом страны на прокуратуру возложено обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности. С этой целью органы прокуратуры осуществляют надзор за соответствием Конституции Российской Федерации и иному федеральному законодательству всех правовых актов.

В связи с происходящими в стране преобразованиями в социально-экономической сфере, политическими реформами, направленными в первую очередь на укрепление российской государственности, на протяжении нескольких последних лет отмечается стабильный рост числа принимаемых в Российской Федерации нормативных правовых актов, а соответственно, и числа их проектов, изученных прокурорами [1]. Органы прокуратуры нацелены на недопущение принятия не соответствующих закону нормативных правовых актов и устранение пробелов правового регулирования, что реализуется в рамках правотворческой деятельности.

Вопросы правотворческой деятельности прокурора постоянно находятся под пристальным вниманием правоприменителей, становятся предметом многочисленных научных исследований. Научный и практический интерес объясняется прежде всего сложившейся практикой участия прокурора в правотворческой деятельности, одной из проблемных сторон которой является вопрос о нормотворческой инициативе прокуроров соответствующих уровней [2]. Исследуя рассматриваемое направление прокурорской деятельности, некоторые авторы, обосновывая необходимость более глубокого его осмысления, констатируют недостаточность правовой регламентации и методического сопровождения [3]. Указанное свидетельствует об актуальности рассматриваемой темы.

Правотворческая деятельность прокурора предусмотрена Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации»¹ (далее — Закон о прокуратуре) и выражена только в одной форме. Согласно ст. 9 указанного закона, если прокурор при реализации своих полномочий установит необходимость совершенствования правовых актов, у него возникает право внесе-

ния в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, предложений об изменении, отмене, дополнении или о принятии законов и иных нормативных правовых актов.

По вопросам правотворческой деятельности органов прокуратуры Генеральным прокурором Российской Федерации 17 сентября 2007 г. был принят приказ № 144². Его необходимость определялась повышением требований к качеству принимаемых законов и иных нормативных правовых актов, расширением ранее сложившихся форм сотрудничества прокуратуры с соответствующими органами государственной власти, органами местного самоуправления в рассматриваемой сфере. В дальнейшем в связи с возникшей потребностью в совершенствовании правового регулирования общественных отношений, необходимостью повышения эффективности правотворческой деятельности органов прокуратуры Генеральным прокурором Российской Федерации принят новый приказ от 31 августа 2023 г. № 584³.

Названными приказами определены основные направления правотворческой деятельности прокуратуры, среди которых отдельно сформировалась инициативная разработка проектов законов и иных нормативных правовых актов, непосредственно связанных с компетенцией органов прокуратуры. Указанное условие не всегда учитывается при оценке содержания рассматриваемой деятельности органов прокуратуры, что, на наш взгляд, приводит к неверным выводам. Так, С. В. Перов резюмирует, что «более активное участие прокуратуры в законопроектной деятельности, выраженное в инициативной разработке органами прокуратуры законопроектов, может негативно отразиться на надзорной деятельности прокуратуры, которая является основной для прокуратуры». Одним из доводов, положенных в обоснование такого вывода, является то, что для законопроектной работы необходимы специалисты высокого уровня квалификации в тех сферах и областях общественных отношений, которые входят в предмет регулирования разрабатываемого законопроекта [4].

В некоторых случаях прокурор вынужден вникать и в иные вопросы. В связи с этим некоторые авторы обращают внимание, что особую актуальность деятельность прокуроров, связанная с правотворче-

¹ О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления (вместе с «Положением об организации правотворческой деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации») : приказ Генпрокуратуры России от 17 сентября 2007 г. № 144.

³ О правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и об улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления (вместе с «Положением об организации правотворческой деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации») : приказ Генпрокуратуры России от 31 августа 2023 г. № 584.

ской деятельностью приобретает в сельских поселениях, где в штате органов местного самоуправления часто нет юристов, а также квалифицированных муниципальных служащих, способных полностью соблюсти все требования закона в процессе создания нормативных правовых актов [5]. В такой ситуации зачастую только прокурор способен оказать реальное влияние на соблюдение законодательства при формировании муниципальной правовой базы [1].

Исторический опыт показывает, что право законодательной инициативы входило в сферу деятельности прокуратуры. В частности, речь идет о ст. 113 Конституции СССР 1977 г. В настоящее время Конституцией и законами Российской Федерации не предусмотрено право законодательной инициативы Генерального прокурора, что с теоретической точки зрения иногда оценивалось отрицательно. Так, М. Ю. Николаев и В. В. Ефимова отметили: «Несмотря на тот факт, что прокуратура — обязательный участник формирования нормативно-правовой базы России, статья 104 Конституции РФ не наделяет ее правом законодательной инициативы, именно поэтому представляется возможным и необходимым предоставление ей подобного права» [6].

Принятый 21 декабря 2021 г. Федеральный закон № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее — Закон об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации) закрепил право законодательной инициативы за прокурорами субъектов Российской Федерации. При этом нужно учитывать, что право законодательной инициативы прокурора субъекта Российской Федерации, предоставленное в силу Федерального закона, является абсолютным, без каких-либо ограничений.

Следует констатировать, что до принятия Закона об общих принципах объем права законодательной инициативы, закрепленный за прокурорами субъектов Российской Федерации, не был единообразным.

Например, Законом Калининградской области от 18 января 1996 г. № 30 «О вступлении в действие Устава (Основного Закона) Калининградской области»⁴ право законодательной инициативы прокурору было предоставлено еще в 1998 г. При этом

данное право не давало возможности прокурору области вносить предложения о поправках и пересмотре положений уставных законов Калининградской области. К ним, например, относятся: Устав области, «О Законодательном Собрании Калининградской области»⁵, «О Губернаторе»⁶, «О Правительстве»⁷, «Об Уполномоченном по правам человека»⁸ и др.

Прокурорам городского и районного уровней право законодательной инициативы предоставлено муниципальными нормативными правовыми актами. При этом у органов местного самоуправления отсутствует единство в содержании понятия «правотворческая инициатива». Отсутствует и закрепленное на законодательном уровне понятие «правотворческая инициатива». В научных исследованиях понятия «правотворческая инициатива» и «законодательная инициатива» часто употребляются в качестве синонимов. Среди них можно назвать диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук И. А. Залужной [7]. Вместе с тем, по нашему мнению, деятельность прокурора в рассматриваемой сфере исследована не в полной мере и обсуждается только в контексте участия прокурора в правотворческой деятельности.

Указанное обстоятельство обусловило отсутствие единства и среди теоретических подходов определения понятия «права законодательной инициативы». Одни авторы дают общее определение, согласно которому право законодательной инициативы — это право определенных нормативными правовыми актами субъектов внести предложение об издании закона и соответствующий законопроект в законодательный орган [8]. Другие авторы конкретизируют указанное понятие применительно к деятельности прокурора. В частности, по мнению А. А. Жидких, участие прокуратуры в реализации правотворческой функции представляет собой выявление и устранение пробелов и противоречий в правовом регулировании общественных отношений, препятствующих осуществлению прав и свобод человека и гражданина и исполнению законов. При этом участие в правотворчестве органов прокуратуры включает в том числе «правоподготовительную деятельность», в содержание которой входит внесение прокурорами в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, соответству-

⁴ О вступлении в действие Устава (Основного Закона) Калининградской области : закон Калининградской области от 18 января 1996 г. № 30. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁵ О Законодательном Собрании Калининградской области : уставный закон Калининградской области от 4 мая 2010 г. № 439. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁶ О Губернаторе Калининградской области : уставный закон Калининградской области от 29 сентября 2005 г. № 651. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁷ О Правительстве Калининградской области : уставный закон Калининградской области от 12 ноября 2011 г. № 42. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁸ Об Уполномоченном по правам человека в Калининградской области : уставный закон Калининградской области от 2 июля 2010 г. № 480. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ющего и нижестоящего уровней, вышестоящему прокурору предложений об изменении, о дополнении, об отмене, о принятии законов и других нормативных правовых актов, инициативную подготовку их проектов, участие в нормопроектной работе иных государственных органов и органов местного самоуправления [9]. Сходной позиции придерживается Д. Р. Паштов, по его мнению, участие прокуратуры в законотворческой деятельности является одной из основных организационных форм участия прокуроров в законотворческой деятельности, которая реализуется посредством внесения в соответствующие законодательные (представительные) органы проектов законов с использованием прокурорами предоставленного им права законодательной инициативы, а также внесения в законодательные (представительные) и исполнительные органы государственной власти, другие органы, обладающие правом законодательной инициативы соответствующего уровня, предложений об изменении, о дополнении, об отмене, или о принятии законов субъектов Российской Федерации [10].

Ключевая роль в реализации права законодательной инициативы принадлежит субъекту рассматриваемого права. В связи с этим С. А. Авакьян отметил, что под правом законодательной инициативы понимается право внесения законопроекта в парламент государства или в его палату. Непосредственно предложения, вносимые в порядке законодательной инициативы, могут означать лишь появление законотворческого процесса. Далее требуется разработать текст законопроекта, официально представить его в Думу, и лишь после этого начнутся дальнейшие процедуры. Причем реализация права законодательной инициативы будет ассоциироваться не с конкретным депутатом, который высказал предложение о разработке законопроекта, а с тем субъектом права законодательной инициативы, который реализовал это предложение и представил соответствующий текст в Думу. Внесение законопроекта, т. е. непосредственно текста является юридически значимым фактом для начала законодательного процесса [11].

По нашему мнению, указанное содержание понятия в полном объеме применимо и к понятию «правотворческая инициатива», поскольку от понятия «законодательная инициатива» его отличает только уровень, на котором оно реализуется. О праве законодательной инициативы можно вести речь в случае внесения проектов нормативных правовых актов (законов) в органы, уполномоченные осуществлять законодательное регулирование. Право правотворческой инициативы присуще муниципальному уровню, где законы не принимаются, но осуществляется нормативно-правовое регулирование вопросов местного значения.

О том, что внесение предложений не охватывается понятием правотворческой инициативы, следует из организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры⁹, поскольку в отчете прокурора об участии в правотворческой деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления отдельно учитываются проекты, подготовленные с использованием права нормотворческой инициативы, предоставленного прокуратуре, и предложения о необходимости принятия новых нормативных правовых актов или приведения нормативных правовых актов в соответствие с изменениями федерального законодательства. Таким образом, можно сделать вывод, что право законодательной инициативы может быть реализовано не только путем внесения проекта нормативного правового акта, но и посредством направления предложения об издании нормативного правового акта в орган, обладающий нормотворческой функцией.

Более того, реализация права законодательной (правотворческой) инициативы требует соблюдения определенного порядка, установленного нормативными правовыми актами соответствующего уровня. Это в первую очередь требования, предъявляемые к процедуре внесения проекта, к прилагаемым к проекту документам. Например, в соответствии с Регламентом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации¹⁰, при внесении законопроекта в Государственную Думу субъектом (субъектами) права законодательной инициативы должны быть представлены ряд документов¹¹.

⁹ Об утверждении и о введении в действие статистического отчета «О работе прокурора по участию в правотворческой деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления»: приказ Генпрокуратуры России от 28 декабря 2023 г. № 911 (далее — приказ Генпрокуратуры России № 911).

¹⁰ Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: утвержден постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД.

¹¹ Пояснительная записка к законопроекту, содержащая предмет законодательного регулирования и изложение концепции предлагаемого законопроекта, а также мотивированное обоснование необходимости принятия или одобрения законопроекта; текст законопроекта с указанием на титульном листе субъекта (субъектов) права законодательной инициативы, внесшего (внесших) законопроект; перечень законов Российской Федерации и законов РСФСР, федеральных конституционных законов, федеральных законов и иных нормативных правовых актов РСФСР и Российской Федерации, подлежащих признанию утратившими силу, приостановлению, изменению или принятию в связи с принятием данного федерального конституционного закона, федерального закона; финансово-экономическое обоснование (в случае внесения законопроекта, реализация которого потребует материальных затрат) и другие документы, исчерпывающий перечень которых определен Регламентом.

Реализация права законодательной (правотворческой) инициативы предполагает особый порядок рассмотрения внесенного проекта, который распространяется на всех субъектов, наделенных правом законодательной (правотворческой) инициативы.

Прежде чем вносить проект нормативного правового акта, прокурор города, района должен убедиться, что право правотворческой инициативы предоставлено и оформлено надлежащим образом, а также определить объем предоставленного права.

Например, в ст. 46 Устава Новоузенского муниципального района Саратовской области¹² предусмотрено, что проект Устава Новоузенского муниципального района, проект решения собрания Новоузенского муниципального района о внесении изменений и дополнений в Устав могут вноситься председателем и депутатами собрания района, Главой района, инициативными группами граждан в порядке правотворческой инициативы.

Проекты иных муниципальных правовых актов могут также вноситься председателем Контрольно-счетной комиссии района и представительными органами поселений района.

Пунктом 4 указанной статьи прокурор района при установлении в ходе осуществления своих полномочий необходимости совершенствования действующих нормативных правовых актов вправе вносить в органы местного самоуправления или должностному лицу органа местного самоуправления, к компетенции которого относится принятие соответствующего акта, предложения об изменении, дополнении, отмене или принятии нормативных правовых актов.

Данное положение свидетельствует о том, что в данном случае прокурору право правотворческой инициативы не предоставлено. Он имеет право вносить лишь предложения об изменении, дополнении, отмене или принятии нормативных правовых актов. Такое право прокурору предоставлено ст. 9 Закона о прокуратуре, имеющей прямое действие и не требующей подтверждения в нормативных правовых актах ни субъектов Российской Федерации, ни муниципальных образований. В рассматриваемой ситуации порядок внесения проектов нормативных правовых актов, реализуемый в рамках права правотворческой инициативы, не будет распространяться на внесение прокурором предложения.

На объем права правотворческой инициативы прокурора района указывают положения Устава Сорочинского городского округа Оренбургской области¹³. В соответствии со ст. 43 указанного нормативного правового акта должностным лицам органов прокуратуры предоставлено право вносить проекты муниципальных правовых актов городского округа. При этом предусмотрено, что предложения о внесении изменений и дополнений в Устав могут вноситься главой муниципального образования, депутатами городского Совета депутатов, общественными организациями и объединениями, гражданами. Это означает, что прокурор района может вносить в представительный орган местного самоуправления муниципального образования проекты нормативных правовых актов, за исключением изменений и дополнений в Устав муниципального образования.

В муниципальных образованиях, где прокуроры не наделены правом правотворческой инициативы, либо правотворческая инициатива оформлена ненадлежащим образом, они имели возможность вносить модельные акты. Внесение модельных нормативных правовых актов не сопровождается требованиями, предъявляемыми к проектам, подготовленным в порядке реализации права правотворческой инициативы (например, перечень документов). Однако приказом Генеральной прокуратуры России № 911 из отчета прокурора об участии в правотворческой деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления исключен учет внесенных прокурором модельных актов, что предопределяет решение вопроса об использовании прокурором данной формы правотворческой деятельности.

Практика правотворческой деятельности прокуроров свидетельствует о том, что прокурорами вносятся проекты, которые не только оперативно приводят муниципальную и региональную нормативную правовую базу в соответствие с изменениями федерального законодательства, но и реально влияют на качество и содержание правового поля, направлены на защиту прав и свобод граждан.

Так, прокурором Саратовской области внесен проект закона области «О региональном государственном контроле в области технического состояния и эксплуатации аттракционов», который ввиду отсутствия соответствующего регулирования на федеральном уровне явился основой для организации государственного надзора в обозначенной сфере¹⁴.

¹² Устав Новоузенского муниципального района Саратовской области : утвержден решением Собрания Новоузенского муниципального района от 3 ноября 2016 г. № 818.

¹³ Устав Сорочинского городского округа Оренбургской области : принят решением Сорочинского городского Совета Оренбургской области от 30 марта 2015 г. № 383.

¹⁴ URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_64/mass-media/news?item=75452472 (дата обращения: 19.02.2024).

Прокурор Еврейской автономной области внес в региональный парламент проект закона, защищающий права мобилизованных граждан¹⁵. Прокурор Архангельской области внес на рассмотрение собрания Архангельской области проект закона о патриотическом воспитании¹⁶. Прокурор Калининградской области внес в областную Думу проект закона о полном запрете продажи конфет и жевательных резинок с содержанием никотина на территории области¹⁷. Всего прокурорами за 2023 г. внесено 27 833 проектов нормативных правовых актов, а соответствующими органами публичной власти принято 23 818 проектов нормативных правовых актов. Модельных актов внесено 2039, а приня-

то 67 715 муниципальных нормативных правовых актов¹⁸.

Обеспечение единства правового пространства — одна из основных задач для многих органов государственной власти, в том числе и для органов прокуратуры. Решение этой задачи во многом зависит от реализации прокурорами своих правотворческих полномочий [12].

В связи с изложенным полагаем, что закрепление права правотворческой инициативы прокурора города и района, в том числе и его объем, в целях обеспечения единообразного его использования необходимо осуществить в рамках нормативного правового акта федерального уровня.

Список источников

1. Смирнов А. В., Басалаев В. Е. Реализация государственно-служебных полномочий прокуроров по участию в правотворческой деятельности органов государственной власти и местного самоуправления // Законность. 2021. № 1(1035).
2. Джиоев С. Х. Некоторые направления совершенствования законодательной регламентации правотворческой деятельности прокуроров // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 8(60).
3. Потапова Л. В. К вопросу о правотворческой деятельности прокуратуры Российской Федерации // Юридическая наука. 2024. № 2.
4. Перов С. В. Перспективы развития законопроектной деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 3(91).
5. Яровой Б. Н. Проблемы правотворчества муниципальных образований : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007.
6. Николаев М. Ю., Ефимова В. В. Теоретические и практические проблемы правового регулирования деятельности прокуратуры Российской Федерации в правотворческой деятельности // Научный альманах. 2022. № 1-2(87).
7. Залужная И. А. Деятельность прокурора по реализации права законодательной инициативы в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
8. Основные направления прокурорской деятельности : учеб. пособие / Е. А. Бурмистрова, Г. В. Дытченко, Н. П. Дудин и др. ; науч. ред. Н. П. Дудин. СПб., 2011.
9. Жидких А. А. Правовые и организационные основы участия прокуратуры в реализации правотворческой функции : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.
10. Паштов Д. Р. Участие прокуратуры в законотворческой деятельности законодательных (представительных) и исполнительных органов субъектов Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
11. Авакьян С. А. Конституционный лексикон : государственно-правовой терминологический словарь. М., 2015.
12. Толстых В. Л. Участие прокурора в правотворческой деятельности органов местного самоуправления // Законность. 2017. № 3(989).

¹⁵ URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_79/mass-media/news?item=35794608 (дата обращения: 19.02.2024).

¹⁶ URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_29/mass-media/news?item=91815934 (дата обращения: 19.02.2024).

¹⁷ URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_39/mass-media/news?item=26664070 (дата обращения: 19.02.2024).

¹⁸ Статистический отчет Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2023 г. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (дата обращения: 19.02.2024).

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2025-196-83-87

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Актуальные вопросы участия законных представителей несовершеннолетних в уголовном процессе

Александр Сергеевич Дежнев

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса¹, ✉ omsk-das@mail.ru

Елена Евгеньевна Коробкова

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса¹,

✉ elenakorobkova1@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Статья посвящена исследованию актуальных вопросов, возникающих при определении правового положения законных представителей несовершеннолетних участников уголовного процесса. В работе обосновывается межотраслевой характер регулируемых отношений. Показана правовая неопределенность участия в деле законных представителей несовершеннолетних свидетелей. Проанализированы проблемы, касающиеся вовлечения законных представителей несовершеннолетних в уголовный процесс. Сформулированы предложения, направленные на снятие ограничений по применению к указанным лицам мер процессуального принуждения.

Ключевые слова: несовершеннолетний, подозреваемый, обвиняемый, свидетель, потерпевший, законный представитель, меры процессуального принуждения

Для цитирования: Дежнев А. С., Коробкова Е. Е. Актуальные вопросы участия законных представителей несовершеннолетних в уголовном процессе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96). С. 83–87.

Relevant Issues of the Participation of Legal Representatives of Juveniles in Criminal Proceedings

Alexandr S. Dezhnev

Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Criminal Procedure¹, ✉ omsk-das@mail.ru

Elena E. Korobkova

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, deputy-chief of the chair of Criminal Procedure¹, ✉ elenakorobkova1@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article studies relevant issues which arise in establishing the legal status of legal representatives of juveniles involved in criminal proceedings. The paper substantiates the inter-branch nature of the regulated relations. The legal uncertainty of participation in the case of legal representatives of juvenile witnesses is shown. Problems concerning the involvement of legal representatives of juveniles in criminal proceedings are analyzed. Proposals aimed at removing restrictions on the application of procedural coercive measures to these persons are formulated.

Keywords: juvenile, suspect, accused, witness, victim, legal representative, procedural coercive measures

Citation: Dezhnev A. S., Korobkova E. E. Relevant Issues of the Participation of Legal Representatives of Juveniles in Criminal Proceedings. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No. 1(96). Pp. 83–87 (In Russ.).

При осуществлении производства по уголовным делам достаточно часто возникает необходимость вовлечения в ход расследования и судебного разбирательства законных представителей несовершеннолетних участников уголовного процесса. Регламентирующие их правовое положение нормы предусматривают у данных участников уголовного процесса соответствующий комплекс прав и обязанностей (ст. ст. 45, 48, 191, 280, 426, 428 УПК РФ). Указанные законодательные установления призваны

обеспечить высокий уровень защиты лиц, не достигших совершеннолетия, от сопутствующих уголовному преследованию факторов. Несмотря на это, существует правовая неопределенность в вопросах явки законных представителей по вызовам лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

Исследования показывают, что чаще всего для участия в уголовном процессе в качестве законных представителей несовершеннолетних привлекаются их родители [1, с. 329]. Данная особенность вы-

звана естественной потребностью родителей защитить не только интересы своего ребенка, но и собственные, вытекающие из семейно-родственных отношений. Эта социально-правовая функция родителей закреплена в Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, принятых резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 г. В них предусматривается право на присутствие родителей или опекуна при реализации ребенком своих прав и интересов (п. 7.1)¹. Дополнительные меры защиты несовершеннолетних призваны компенсировать отсутствующие у них знания, жизненный опыт и способность принимать взвешенные решения.

Важно обратить внимание на то, что законодатель в УПК РФ не раскрывает понятия «законный представитель». В пункте 12 ст. 5 УПК РФ приводится лишь перечень лиц, которые могут иметь соответствующий статус. Причем в указанной норме все они поставлены в один ряд. Может сложиться впечатление, что родители, усыновители, опекуны или попечители, а также другие субъекты, перечисленные в анализируемом положении закона, равнозначны по своему статусу. Однако это не так. В соответствии со ст. 64 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ), родители вправе защищать интересы своих несовершеннолетних детей без каких-либо специальных полномочий. Достаточно лишь подтвержденного факта рождения ребенка. Остальные лица, перечисленные в п. 12 ст. 5 УПК РФ, выполняют данную функцию лишь в исключительных случаях, когда родители этого сделать не могут (ст. ст. 121, 123, 137, 145, 146, 148¹ СК РФ).

Этот подход достаточно последовательно проводится судебной практикой. Так, в рамках одного из уголовных дел ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего было рассмотрено судом с участием представителя органа опеки и попечительства. При этом данный несовершеннолетний имел родителей и они не были лишены родительских прав. Такое решение следователь и суд ничем не мотивировали, и впоследствии, обвиняемый был заключен под стражу. Рассмотрев апелляционную жалобу адвоката, вышестоящий суд признал данное обстоятельство противоречащим закону, отменил постановление суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу несовершеннолетнего обвиняемого и направил соответствующее постановление следователя на

новое рассмотрение в тот же суд, но в ином составе суда². Данный пример показывает приоритет участия в уголовном деле в качестве законных представителей родителей несовершеннолетних участников уголовного процесса.

Межотраслевой характер рассматриваемых отношений при определении личности законного представителя несовершеннолетнего иногда приводит к необходимости обращения к различным нормативным правовым актам. Если у несовершеннолетнего есть родители и они не лишены родительских прав, то особых сложностей в привлечении их к участию в деле не возникает. Однако отсутствие родителей, при определении фигуры законного представителя, может потребовать обращения к указанным нормам Семейного кодекса РФ, положениям гражданского права (ст. ст. 29, 32, 33, 35 ГК РФ) или Федерального закона «Об опеке и попечительстве»³.

Помимо данной особенности, в п. 12 ст. 5 УПК РФ законодатель говорит лишь о законных представителях подозреваемых, обвиняемых и потерпевших. Между тем это ограничение имеет искусственный характер, вызванный недостатками законодательной техники. В указанном законодательном установлении речь должна идти о более широком круге участников уголовного процесса, что вытекает из других положений закона (ч. 1 ст. 191, ч. 4 ст. 280 УПК РФ). В этой связи считаем целесообразным, используя аналогию, распространить положение, предусмотренное в п. 12 ст. 5 УПК РФ, наряду с подозреваемыми, обвиняемыми, потерпевшими, также и на свидетелей. Сходный подход сформулировала в своем исследовании Е. В. Марковичева, который, несомненно, следует поддержать [2, с. 16].

С учетом сказанного важно подчеркнуть, что правовое положение законного представителя формируется за рамками уголовного процесса, преимущественно нормами гражданского и семейного законодательства. Лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, не может своей властью наделять кого-либо указанным статусом. Его полномочия ограничиваются лишь допуском лиц, уже являющихся законными представителями, к участию в деле, как это предусмотрено применительно к подозреваемому, обвиняемому (ст. 426 УПК РФ). В этом контексте встречаются примеры судебной практики, где в рамках рассмотрения апелляционной жалобы суд правильно указал на то, что признание лица законным представителем не соответствует

¹ Международные акты о правах человека : сб. документов. М., 2002. С. 299.

² Апелляционное постановление Верховного суда Чеченской Республики № 22/К-138/2021 22К-138/2021 от 19 марта 2021 г. по делу № 22/К-138/2021. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об опеке и попечительстве : федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ.

требованиям УПК РФ, поскольку он таким правом не наделен⁴. Так же как и недопустимо в рамках уголовного судопроизводства прекращение статуса законного представителя. Для этого должны быть задействованы механизмы, предусмотренные нормами семейного и гражданского права. Допустимо лишь его отстранение от участия в конкретном уголовном деле в рамках режима, закрепленного ч. 4 ст. 426, ч. 2 ст. 428 УПК РФ.

Принимая во внимание данные обстоятельства, выглядит спорным имеющееся в литературе утверждение о возможности расширения состава законных представителей в УПК РФ [3, с. 7–8; 4, с. 92–104; 5, с. 3–6]. При таком подходе размывается природа законного представительства, которая предполагает единый межотраслевой статус данного участника уголовного процесса, ядром которого выступает семейное и гражданское законодательство.

Вопросы, связанные с определением персонального состава лиц, привлекаемых в качестве законных представителей, имеет большое значение в части их явки к следователю, дознавателю или в суд. Статус каждого из перечисленных в п. 12 ст. 5 УПК РФ субъектов в рамках гражданского и семейного законодательства формируется по-разному. Поэтому и обеспечение их явки по вызовам указанных должностных лиц должно учитывать индивидуальные особенности их правового положения. Так, установление родителей несовершеннолетнего связано с получением свидетельства о его рождении (ст. 23 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»⁵), а в случае с опекуном и попечителем — соответствующего акта органа опеки и попечительства (ст. 11 Федерального закона «Об опеке и попечительстве»).

Помимо выявленных особенностей определения лиц, имеющих право принимать участие в уголовном деле в качестве законного представителя, существует неопределенность в вопросе их обязательного участия в деле. Часть 3 ст. 428 УПК РФ допускает рассмотрение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего подсудимого в отсутствие его законного представителя, тогда как согласно ст. 48 УПК РФ последний привлекается в обязательном порядке. В досудебном производстве по уголовному делу осуществляется допуск законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого на основании решения следователя или дознавателя. При этом в определенных случаях он может быть заменен на другое лицо (чч. 1, 4 ст. 426 УПК РФ). Возможность расследования уголовного дела без вовлечения законного представителя в дан-

ной норме не рассматривается. Однако его обязательное участие в деле вытекает из ст. 48 УПК РФ. Таким образом, если в суде допускается возможность рассмотрения уголовного дела без участия законного представителя подсудимого, то в остальных случаях это невозможно.

Вовлечение законного представителя в уголовный процесс необходимо увязывать с решением о его допуске к делу в указанном статусе. Если один из родителей несовершеннолетнего выразил свое желание участвовать в нем в качестве законного представителя, а следователь, дознаватель или суд вынес решение о его допуске, с этого момента между ними возникают соответствующие уголовно-процессуальные отношения. Указанный допуск наделяет лицо не только правами, предусмотренными ст. ст. 45, 48, 426, 428 УПК РФ, но и обязанностями. У такого допущенного законного представителя должна возникать обязанность явки по вызову следователя, дознавателя или суда, в отличие, например, от другого законного представителя, в отношении которого аналогичное решение не принято. Этот подход дополнительно обосновывается тем, что в рамках расследования и судебного разбирательства уголовного дела в обязательном порядке определяются условия жизни и воспитания несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ). Без вовлечения законного представителя этот аспект предмета доказывания нередко установить невозможно.

С учетом перечисленных обстоятельств, считаем нецелесообразным возможность участия в деле законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого ставить в зависимость исключительно от его желания. Его допуск к участию в деле предполагает выполнение определенных процессуальных функций, на которые рассчитывает государство в лице следователя, дознавателя или суда. Их невыполнение должно предполагать соответствующую ответственность, а также возможность применения мер процессуального принуждения. Если законный представитель не допущен к участию в деле либо отстранен в соответствии с ч. 4 ст. 426, ч. 2 ст. 428 УПК РФ, то соответствующие процессуальные права и обязанности у него не возникают.

Возникает вопрос о праве законного представителя отказаться от участия в уголовном процессе. Думаем, что его решение во многом должно зависеть от усмотрения следователя, дознавателя или суда. С одной стороны, ст. 64 СК РФ фактически предусматривает обязанность родителей по защите прав и ин-

⁴ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Алтай от 17 января 2019 г. по делу № 22-19/2019.

⁵ Об актах гражданского состояния : федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ.

тересов своих детей. С другой, когда родителей двое, эту обязанность в рамках конкретного уголовного дела может выполнить один из них. Однако когда такого выбора нет, отказ от участия в деле возможен лишь через реализацию требований ч. 4 ст. 426, ч. 2 ст. 428 УПК РФ.

Если говорить о других лицах, указанных в п. 12 ст. 5 УПК РФ, то, например, органы опеки и попечительства обязаны осуществлять защиту детей, оставшихся без попечения родителей (ст. 121 СК РФ). В соответствии с ч. 3 ст. 36 ГК РФ опекуны и попечители обязаны защищать права и интересы своих подопечных. С учетом указанных законодательных установлений, можно сделать вывод, что государство фактически обязывает через нормы гражданского, семейного права законных представителей участвовать в защите прав и интересов несовершеннолетних, в том числе и по уголовным делам. На этом стоит и судебная практика.

Верховный Суд РФ обращает внимание на то, что если у несовершеннолетнего подсудимого нет родителей, он проживает один или у лица, не назначенного надлежащим образом его опекуном или попечителем, в суд в качестве его законного представителя вызывается представитель органа опеки и попечительства⁶. Рассматриваемое разъяснение предусматривает исключительный случай, связанный с необходимостью оперативного реагирования государства на требование защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего. Полагаем, что данный подход, с учетом общей линии законодательного регулирования данных отношений, необходимо распространять и на законных представителей других участников уголовного процесса.

На этом фоне логично требование ст. 48 УПК РФ, предусматривающее обязательное участие законных представителей несовершеннолетних подозреваемых обвиняемых. Сходная норма предусмотрена и для потерпевшего (ч. 2 ст. 45 УПК РФ). Законодатель не формулирует аналогичное положение применительно к свидетелю. Полагаем, что в данном случае уместна аналогия закона.

Вытекающие из закона обязанности законного представителя несовершеннолетнего по его участию в деле и, соответственно, явке к следователю, дознавателю или в суд влекут вопрос относительно реализации соответствующей функции в случае ее неисполнения. Допуск указанного лица к делу формирует возможность применения мер, предус-

мотренных главой 14 УПК РФ. Однако иные меры процессуального принуждения не учитывают такого субъекта, как законный представитель несовершеннолетнего.

С одной стороны, для разрешения данной ситуации возможен обходной путь. Законный представитель несовершеннолетнего может быть вызван в качестве свидетеля для уточнения обстоятельств, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ. Его неявка позволит применить меры процессуального принуждения, предусмотренные ст. ст. 113, 117 УПК РФ. С другой, у каждого участника уголовного процесса должен быть свой набор прав и обязанностей. Применение такого рода «обходных маневров» не всегда оправданно. Функции свидетеля и законного представителя отличаются. Согласно ст. 56 УПК РФ свидетель — это лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний. Не всегда лицо, допущенное в качестве законного представителя, может обладать указанными качествами.

Заслуживает внимания предложение Е. В. Марковичевой о дополнении списка лиц, к которым могут быть применены меры процессуального принуждения, предусмотренные в п. 2 ст. 111 УПК РФ, законными представителями [2, с. 16]. Принимая во внимание, что в обеих частях ст. 111 УПК РФ вторые пункты не предусматривают никакого списка, видимо, автор говорит о части второй указанной статьи. Исходя из этой логики представляется целесообразным включение в содержание ч. 2 ст. 111 УПК РФ такого участника уголовного процесса, как законный представитель. Помимо этого, он должен быть учтен и в специальных положениях, регламентирующих обязательство о явке (ст. 112 УПК РФ) и привод (ст. 113 УПК РФ). В содержании ст. ст. 45 и 48 УПК РФ целесообразно предусмотреть обязанность законных представителей являться по вызовам лиц, осуществляющих производство по уголовным делам. Данное требование необходимо также распространить и на особенности их участия при вовлечении в уголовный процесс несовершеннолетних свидетелей. Указанные меры позволят минимизировать случаи противодействия расследованию и судебному разбирательству уголовных дел законных представителей несовершеннолетних участников уголовного процесса.

⁶ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1.

Список источников

1. *Дежнев А. С.* Охрана интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе России : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013.
2. *Марковичева Е. В.* Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011.
3. *Белокопытов А. К.* Законное представительство в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009.
4. *Стельмах В. Ю.* Дефекты законодательной регламентации уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних // Журнал российского права. 2020. № 10.
5. *Зайнуллин Р. И.* Проблемы участия законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в расследовании преступлений: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты // Российский следователь. 2016. № 16.

УДК 1

doi: 10.24412/1999-625X-2025-196-88-93

5.7.7. Социальная и политическая философия

5.7.4. Этика

Конфигурации единого и многого в современном этическом и философско-правовом дискурсе. Часть I. Этика

Георгий Чонгарович Синченко

Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и политологии¹,

✉ gsinchenko@rambler.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Фундаментальной философской проблемой является поставленная в Древней Греции проблема единого и многого. Разрушение их гармонии приводит к кризису множественности, кризису единства или их смешанной форме. Кризис современного разума, относящегося к кризисам второго рода, принимает жесткую либо мягкую форму. В мягкой форме критика разума основывается на историческом подходе к рациональности и строится вокруг идеи постметафизического мышления. В жесткой форме разумное начало обличается как не оправдавшее себя в роли решающего фактора конституирования человека в мире и общественного прогресса. В этике отчетливо проявляется жесткая форма, что влияет в том числе на такие исследовательские программы, в которых предпринимаются попытки движения в направлении общих моральных принципов.

Ключевые слова: этика, единое и многое, кризис, разум, постметафизика, дилемма, вагонеткология, ситуация

Для цитирования: Синченко Г. Ч. Конфигурации единого и многого в современном этическом и философско-правовом дискурсе. Часть I. Этика // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96). С. 88–93.

Configurations of the One and the Many in Contemporary Ethical and Philosophical-Legal Discourse. Part I. Ethics

Georgy Ch. Sinchenko

Honoured Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Science (in Philosophy), Professor,
Professor at the chair of Philosophy and Political Studies¹,

✉ gsinchenko@rambler.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The fundamental philosophical problem is the problem of the One and the Many posed in ancient Greece. The destruction of their harmony leads to the crisis of multiplicity, the crisis of unity or their mixed form. The crisis of modern reason, which belongs to the crises of the second kind, takes a rigid or soft form. In the soft form, the critique of reason is based on a historical approach to rationality and is built around the idea of post-metaphysical thinking. In the rigid form, reason is denounced as having failed to fulfill its role as a decisive factor in constituting a man in the world and in social progress. The rigid form is clearly manifested in ethics, which also affects such research programmes that attempt to move in the direction of general moral principles.

Keywords: ethics, the One and the Many, crisis, reason, post-metaphysics, dilemma, trolleyology, study, situation

Citation: Sinchenko G. Ch. Configurations of the One and the Many in Contemporary Ethical and Philosophical-Legal Discourse. Part I. Ethics. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No. 1(96). Pp. 88–93 (In Russ.).

Введение.

Единое и многое как глубинная философская проблема

Как выразился средневековый поборник заждавшейся философии эмпиризма монах и по совместительству сыщик Вильгельм Баскервильский из «Имени розы» У. Эко, «краса космоса является не только в единстве разнообразия, но и в разнообразии единства». Отсюда вытекает, что уродство дисгармонии, особенно броское в ее острых кризисных фазах, также двояко. Формула кризиса первого рода, кризиса множественности гласит: «Единого много — многого мало», классическая клиническая картина показывает монополизацию сфер общественной жизни и унификацию сознания, дефицит свободы, исчерпание внутренних резервов развития; в пределе — коллапс. Посредством инверсии получаем «Многого много — единого мало» и, раньше или позже, кризис второго рода, кризис единства с такими его узнаваемыми характеристиками, как гиперактивный плюрализм, бесконтрольные центробежные тенденции, дефицит ответственности; по достижении точки невозврата — снова распад. Иногда поражаются метакризисы в виде лобового столкновения двух волн, например, беспощадная борьба глобализма и антиглобализма.

Линия «единое — многое» не лимитирована социумом и проходит через все измерения бытия, поскольку бытие мыслимо. Вследствие этого она отображается в том, что в несколько старомодной манере можно назвать основным вопросом философии, однако не по Ф. Энгельсу («вопрос об отношении мышления к бытию» [1, с. 282]), Г. В. Лейбницу («почему существует нечто, а не ничто?» [2, с. 408]), М. Хайдеггеру («почему вообще есть сущее, а не наоборот?» [3, с. 36]) и т. д., а скорее по В. В. Розанову, без ссылки на элеатов в целом и зеноновы апории в частности, но в отчетливой логической связи с ними назвавшему неразрешимой загадкой жизни проблему единого и многого, неизменного и изменчивого [4, с. 299–300]. В редакции, изложенной на IV российском философском конгрессе в 2005 г. К. Свасьяном, та же мысль звучит так: «Ключевая проблема философии сформулирована в Греции, и называется она: единое во многом» [5, с. 68]. В его выступлении подчеркивалась невозможность ин-

Если есть единое, то может ли это единое быть многим?

Платон. «Парменид»

теллектуального сосуществования Платона, за чьим учением стоит принцип Единого, со Штирнером, выдвинувшим философию Единственного. Поскольку же «единичное алогично, следовательно, не когнитивно, а перцептивно» [5, с. 74], постольку такая невозможность, засвидетельствованная в качестве конца истории философии¹, подходит на роль парафраза самого растражированного в современных философских нарративах кризиса второго рода, т. е. кризиса современного разума.

«В современной интеллектуальной ситуации, — писал о кризисе разума еще в конце XX в. Р. Тарнас, — различимы два противоположных импульса: первый направлен на радикальное разрушение и разоблачение знания, верований, мировоззрений, второй же — на радикальное воссоединение и примирение» [6, с. 346]. В первом случае имеется в виду, что, не оправдав и исчерпав себя в роли решающего фактора конституирования человека в мире и общественного прогресса, разум умер либо вышел в отставку и на период доживания пристроился то ли, беря в расчет «Слова и вещи» М. Фуко [7] и «Конец истории?» Ф. Фукуямы [8], архивариусом в музее когнитивных окаменелостей прошлого, то ли, отталкиваясь от «Философии и зеркала природы» Р. Рорти [9] и «Постправды» С. Фуллера [10], аукционистом на торгах эпистемологическими проектами настоящего и будущего. Во втором случае критика основывается на историческом подходе к рациональности и строится вокруг идеи постметафизического мышления, приходящего на смену его старой формации. Разум умер, да здравствует разум!

Для конкретизации расплывчатого имени прилагательного «постметафизический», когда его относят к разуму (мышлению), используются признаки интерпретативности, контекстуальности, ситуативности, подводящие каждый со своей стороны к общей черте. Последняя состоит в фиксации того, что рациональное начало всякий раз оказывается лишь изменчивой мерой целесообразности, расчетливости и вдумчивости в неподатливой среде. Ее элементы, сколько их ни монтировать в единую конструкцию, непрерывно перегруппируются и ускользают в множественность эмпирических воплощений, психологических состояний, исторических контекстов, социальных конъюнктур. Собранное вчера приходит-

¹ Оговорю, что историю философии в упомянутом контексте надо понимать не как отрасль философского знания, а в том ключе, в котором мы говорим об истории человечества, истории Средневекового Китая или хотя бы истории кражи и возвращения «Моны Лизы».

ся заново собирать сегодня и готовиться к очередной пересборке завтра, «обретение знания должно стать бесконечным его пересмотром» [6, с. 336], результат относителен — итерация вечна. Видимо, такова неизбежная плата за действительные или мнимые успехи в борьбе, «которую философия, с наивной верой в разум отдавая все силы выполнению своей задачи, ведет с отрицающим или эмпирически обесценивающим ее скепсисом. Последний все время придает значимость фактически переживаемому миру, миру действительного опыта, как миру, в котором нельзя найти ни разума, ни его идей» [11, с. 29–30].

Конечно, дисциплина самокритичности, сомневающееся прощупывание границ собственных возможностей, бдительное распоряжение ими присущи высокой мыслительной культуре в целом. Вместе с тем завещанное ей Сократом сомнение прежде исходило из интуиции непрочной связи человека с его высшей способностью умопостижения, и прозвучавшие спустя два с половиной тысячелетия слова Х. Ортеги-и-Гассета «наш разум держится на булавке» [12, с. 110] несли, даже в его вполне уже «неметафизическое» время, как раз это значение. По истечении же следующего полувека и к ней, и к надежде на то, что А. Камю простительным лишь для пламенного оратора, но отнюдь не для вдумчивого мыслителя образом сгустил краски заявлением об абсурдности иступленного желания ясности в его столкновении с неразумным миром [13, с. 34], добавилась надежда приколоть рацию хотя бы булавкой к проблемным ситуациям, из которых тяжело, но необходимо выбираться коллективными усилиями. Возник замысел рациональности коммуникативного типа.

Не соответствуя друг другу, жесткая и мягкая формы находят себе большее или меньшее соответствие в различных областях теории и практики. Так, в этике тяготение к первой имеет, на мой взгляд, более резкие очертания, чем в философии права, где сохраняется обширный плацдарм для второй. Рассмотрим их по очереди.

Проблема единого и многого в современной этике.

Феномен вагонеткологии

Начавшийся еще в XIX в. взаимосвязанный процесс дерационализации, десубстанциализации и деуниверсализации морали, какой она предстает в философских воззрениях, принес обильные плоды. «Сегодня, — констатируют Б. С. Шалютин и И. В. Кисель, — несамодостаточность познающего разума как базового регулятора человеческого поведения, в том числе якобы образующего фундамент морали — достаточно банальная истина социогуманитарного знания, которой сопротивляются только „идолопо-

клонники разума“» [14, с. 61]. Рассудительный и авторитетный отечественный этик А. А. Гусейнов, в учебнике со ссылкой на И. Канта излагающий вполне классическую точку зрения на связь морали и разума: «...От утверждения, что человек морален в той мере, в какой он разумен, мы пришли к выводу, что человек разумен в той мере, в какой он морален. Разум является основой морали в качестве морального разума» [15, с. 20], — в исследовательской публикации параллельно признает: «Мораль может быть разумной помимо разума. Она укоренена не в разуме или, по крайней мере, не только в разуме <...> Имея иную природу, иной источник, чем познающий разум, мораль претендует на ту же роль, что и он. Коса разума находит на камень морали» [16, с. 247].

На каком этапе находится расхождение структур разума со структурами нравственности? Вопрос непростой. Начало, кульминация, завершение, другие «кайрические» моменты столь крупных трансформаций нередко проецируются на хронологию и связываются с конкретным событием, именем, произведением и т. п. не без помощи конвенциональности, ибо исполнившийся проект по инерции дрейфует за кромку будущего, а его протоформы теряются в песках прошлого. «Никакое явление не может иметь корни там, где вы его обнаружили»². Хотя бы поэтому не лишен гипотетичности и тезис о том, что остававшийся, скажем, после эмотивизма, с одной стороны, и экзистенциализма, с другой, запас этической непонятности и спонтанности, который достался на долю постструктуралистских исследований, теперь уже по большому счету израсходован. Тем не менее я выдвигаю это положение, держа в уме одну исследовательскую программу, логика и история которой протекают под знаком рестрикций, раз за разом накладываемых со стороны частного на попытки движения в сторону общего.

Речь идет о вагонеткологии. Напомню, что начало ей положила в 1967 г. английский философ Ф. Фут [18]. В популярном изложении первого из ее знаменитых мысленных экспериментов на пять привязанных к колее человек надвигается вагонетка, а рядом с наблюдателем находится стрелка. Переведя ее, вагонетку можно направить в тупик, на отрезке дистанции к которому тоже находится привязанный к рельсам человек. Что делать?

Варьируя условия, автор демонстрировала, что к дилемме вагонетки не удастся подобрать универсальный этический ключ. Успех Фут в деле тестирования нравственных доктрин вылился в мультидисциплинарное вагонеткологическое движение. Его последовательница Дж. Томсон пришла к форсированному выводу: «Случаи должны рассматри-

² Более чем удачное изречение французского филолога-медиевиста Ж. Бедье приводится со слов В. Клемперера [17, с. 83].

ваться индивидуально» [19]. Любопытно, что «Томсон обращалась к проблеме вагонетки несколько раз и дала на нее четыре разных ответа» [20, с. 65 (сноска 10)]. Еще одна представительница вагонеткологии Ф. Камм написала книгу с названием «Запутанная этика» [21], особенно красноречивым на фоне опубликованной тремястами тридцатью годами ранее «Этики, доказанной в геометрическом порядке» Б. Спинозы [22].

На контрасте со свободолобивым французским экзистенциализмом и тем более со свободолобивым онтологически утонченным русским персонализмом концептуальная палитра вагонеткологии скупа на сочные краски. Зато ей не откажешь ни в мастерстве инсценирования казусов, ни в деловитой «параэмпирической» методологии: принцип — подтверждающий мысленный эксперимент — опровергающий мысленный эксперимент — следующий принцип и так далее в цикле. В 2000-е гг. в Гарварде проводились исследования с использованием заимствованных у Фут приема умозрительного ситуационного этического анализа и элементов сюжета моральных дилемм, к решению которых привлекались добровольцы. В количественном плане результаты свидетельствовали в пользу наличия в психике врожденного нравственного образования, или морального инстинкта, определенного биологом М. Хаузером как «способность выносить быстрые суждения по поводу того, что правильно или ошибочно с точки зрения морали» [23, с. 29]. В позиции и экспериментах Хаузера известный ученый и популяризатор науки Р. Докинз увидел поддержку отстаиваемой им идеи эволюционного происхождения общечеловеческих нравственных ценностей [24].

Тем не менее валидность, авторская интерпретация гарвардских опытов и соответствующая часть аргументации Докинза подвергаются критике за идеологизированность, абстрактность обрамляющих моральные дилеммы мысленных ситуаций, нерепрезентативность эмпирической базы. Также указывается на альтернативные данные, полученные при аналогичном исследовании с участием респондентов, которые не принадлежат к образованным слоям западного общества, и т. д. «Насколько скромны, по гамбургскому счету, прямые итоги — настолько амбициозны следствия», — заключает А. В. Карабыков [25, с. 101]. Его возражения пересекаются с теми, которые собраны из разных источников в книге Эдмондса [20, с. 162–163, 166–176, 226–229].

В публикациях, прямо или косвенно обращающихся к аналитике мысленных эксперимен-

тов с вагонеткой и их производных, столкновение «косы разума» с «камнем морали» подчас описывается в сравнительно мягких тонах, создавая впечатление, что в плане сочетания единого со многим у мышления пусть не все гладко, но в принципе все под контролем: «Оппозиции, адекватные для репрезентации морали на абстрактном понятийном уровне, оказываются недостаточными для морального размышления в ситуациях выбора. Они нуждаются в смысловых и понятийных опосредствованиях» [26, с. 141]. Подчас, напротив, очертания проблемы заостряются: «Многообразие моральной практики и условий, в которых она может осуществляться, чересчур велико, чтобы иметь возможность определить единый, интуитивно ясный критерий для всех возможных случаев, и уж тем более — для всех возможных миров, как того хотел Кант. Появление такого критерия означало бы, возможно, ликвидацию морали именно как человеческой морали, превращение ее во вселенский, т. е. надчеловеческий, закон» [27, с. 45]. Но так или иначе единство рациональной системы отступает под напором ситуативной множественности.

Сказанное не означает якобы тотального перехода анализируемой области философии на неоиррационалистические позиции, в границах которых концепции отличаются друг от друга «ничуть не больше, чем желтый черт отличается от черта синего»³. В современном теоретико-этическом пространстве существуют такие очаги сопротивления релятивизации и парцелляции смыслов, как ригористическая этика и религиозные моральные концепции, не говоря уже о развитой К.-О. Апельем, Ю. Хабермасом, В. Хёсле неотрансценденталистской этике дискурса, в той или иной степени сохраняющей триединство универсалистской интенции, стратегии рационального обоснования и ставки на познавательный и объединительный потенциал человеческого мышления. Да и концептуально-методологический потенциал самой «науки о вагонетках» вряд ли исчерпан. Так, и она, и экспериментальная психология в сочетании с достижениями научно-технического прогресса⁴ послужили предпосылками для нейроэтики, которая заново вносит в повестку вопрос о соотношении материального и идеального вместе с идеей редукции второго к первому, защищавшейся вульгарным материализмом XIX в. «Нейроученые открывают удивительные связи между определенными поступками, убеждениями или чувствами и нейронной активностью, и этими данными нельзя пренебрегать»

³ Ленин В. И. Письмо А. М. Горькому (написано 13 или 14 ноября 1913 г.) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 226.

⁴ Имеется в виду применение магнитно-резонансной томографии для картирования мозговой активности в ситуациях морального решения.

[20, с. 199]. Кроме того, парадигмальная «Проблема аборта и доктрина двойного эффекта» Фут вместе с инспирированными ею последующими инициативами, безусловно, составляет объемную главу истории формирования экспериментального стиля в современной философии.

Итак, концентрация внимания на вагонеткологии отнюдь не преследовала цели дискредитировать ее изобретательные интеллектуальные комбинации. Проведенный анализ позволяет подчеркнуть другое: доминанта множественности не просто пустила глубокие корни, но и обусловила осуществление логической возможности извлечь феномен морали из-под знака универсальности таким образом, чтобы наложить знак плюральности на проведение и восприятие в том числе и подхода, который, казалось бы, имеет ресурс движения в противоположном направлении. В результате то, что не моральный выбор следует разуму, но разум

реконструктивно ступает по его следам, — это лишь половина дела. Вторая же половина в том, что не столько человек посредством морального выбора сознательно находит выход из проблемной ситуации, сколько проблемная ситуация некоторым образом разрешается путем спонтанного скрещивания разнородных факторов, генерирующих моральный выбор от его лица. Так ли это «на самом деле» — вопрос отдельный. Остановимся на том факте, что в настоящее время дело обстоит так *теоретически*. Не заключая в себе всей панорамы постклассической нравственной философии, кейс-этика является ее артикулированной частью, в которой трудно пройти мимо подчинения логики единства императиву множественности и, тем самым, симптоматики кризиса второго рода. Полагая, в поле философской культуры это *non plus ultra* фрагментации; дальнейшее дробление целого возможно только вместе с распылением интеллекта.

Список источников

1. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.
2. Лейбниц Г. В. Начала природы и благодати, основанные на разуме // Сочинения : в 4 т. / ред. и сост., авт. вступит. ст. и прим. В. В. Соколов; пер. Я. М. Боровского и др. М., 1982. Т. 1.
3. Хайдеггер М. Введение к: «Что такое метафизика?» // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
4. Розанов В. В. Сочинения : О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М., 1995.
5. Свасьян К. О конце истории философии // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2006. № 4.
6. Тарнас Р. История западного мышления / пер. с англ. Т. Азаркович. М., 1995.
7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб., 1994.
8. Фукуяма Ф. Конец истории // Вопросы философии. 1990. № 3.
9. Рорти Р. Философия и зеркало природы. М., 2021.
10. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. М., 2021.
11. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию / отв. ред. Я. А. Слинин. СПб., 2004.
12. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991.
13. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990.
14. Шалютин Б. С., Кисель И. В. Происхождение и сущность права и государства. Екатеринбург, 2012.
15. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика : учебник. М., 2003.
16. Гусейнов А. А. Мораль и разум // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб., 1999.
17. Клемперер В. ЛТИ: Язык Третьего рейха. М., 1998.
18. Скворцов А. А. Филиппа Фут: Проблема аборта и доктрина двойного эффекта // Философия и общество. 2018. № 2.
19. Скворцов А. А. Дж. Дж. Томсон: Убийство, позволение умереть и проблема трамвая // Философия и общество. 2019. № 4.
20. Эдмондс Д. Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо? / пер. с англ. Д. Кралечкина. М., 2015.

21. *Kamm F. M.* Intricate Ethics. Rights, Responsibilities, and Permissible Harm. Oxford : Oxford University Press, 2007.
22. *Спиноза Б.* Этика // Сочинения : в 2 т. СПб., 1999. Т. 1.
23. *Хаузер М.* Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла / пер. с англ. Т. М. Марютиной; под ред. Ю. И. Александрова. М., 2008.
24. *Докинз Р.* Бог как иллюзия / пер. с англ. Н. Смелковой. СПб., 2022.
25. *Карабыков А. В.* Докинз, мораль и религия. Часть II. Проблема вагонетки // Вопросы философии. 2023. № 2.
26. *Апресян Р. Г.* Моральная философия, мысленный эксперимент и неуправляемая вагонетка // Философский журнал 2016. Т. 9, № 2.
27. *Мехед Г. Н.* Моральный абсолютизм: общая характеристика и современные подходы // Этическая мысль. 2015. Т. 15, № 1.

УДК 304.9

doi: 10.24412/1999-625X-2025-196-94-99

5.7.7. Социальная и политическая философия

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Лагерь как скрытая парадигма современности: к негативной онтологии биополитического общества

Алексей Владимирович Яркеев

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник¹,

✉ alex_yarkeev@mail.ru

¹ Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

Целью статьи является рассмотрение феномена концентрационных лагерей в контексте биополитики. Утверждается, что лагерь представляет собой радикальный вариант биополитики, которая определяет человека просто как «живое существо». На пределе биополитического подхода к обществу возникает негативная онтология «мертвой жизни», воплотившаяся в узниках концлагерей. Обосновывается принципиальная зависимость биополитической парадигмы от метафизического истолкования человека в качестве «разумного животного» (*animal rationale*), в рамках которого человеческое бытие мыслится как производное от животной (биологической) основы, которую биовласть стремится поставить под свой тотальный контроль. Топос лагеря представляет биополитическое управление человеческой жизнью как массовое производство смерти, поскольку «просто живое» в конечном счете обнаруживает единственную потенциальную способность — способность к смерти.

Ключевые слова: лагерь, биополитика, биовласть, человек, метафизика, конец метафизики, негативная онтология

Для цитирования: Яркеев А. В. Лагерь как скрытая парадигма современности: к негативной онтологии биополитического общества // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96). С. 94–99.

Camp as a Hidden Paradigm of Modernity: towards a Negative Ontology of Biopolitical Society

Alexey V. Yarkeev

Doctor of Science (in Philosophy), Associate-Professor, leading researcher¹,

✉ alex_yarkeev@mail.ru

¹ Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia)

The aim of the article is to examine the phenomenon of concentration camps in the context of biopolitics. It is argued that the camp represents a radical variant of biopolitics, which defines the human being simply as a “living being”. At the breaking point of the biopolitical approach to society, a negative ontology of ‘dead life’ emerges, embodied in concentration camp prisoners. The crucial dependence of the biopolitical paradigm on the metaphysical interpretation of man as a “rational animal” (*animal rationale*) is substantiated, in the framework of which human existence is considered as derived from the animal (biological) basis, which the biopower seeks to bring under its total control. The topos of the camp presents the biopolitical management of human life as the mass production of death, since “merely being alive” ultimately reveals the only potential capacity: the capacity to die.

Keywords: camp, biopolitics, biopower, man, metaphysics, the end of metaphysics, negative ontology

Citation: Yarkeev A. V. Camp as a Hidden Paradigm of Modernity: towards a Negative Ontology of Biopolitical. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No. 1(96). Pp. 94–99 (In Russ.).

В исследовательском проекте М. Фуко, посвященном генезису современной биовласти, наряду с такими сюжетами, как «рождение клиники» [1], «рождение тюрьмы» [2], «рождение биополитики» [3] и др., явным образом отсутствует тема «рождение лагеря». По этому поводу Дж. Агамбен вполне резонно задается вопросом о том, почему М. Фуко никогда не делал предметом своих исследований тоталитарные государства 20-го в. и концентрационные лаге-

ря [4, с. 10–11]. Трудно теперь сказать, обратился бы сам М. Фуко к теме лагеря или нет, если бы его жизнь не оборвалась в самом расцвете творческих сил, но сама логика развития его размышлений по поводу различных аспектов биополитики — прежде всего следует упомянуть его соображения относительно танатополитики как изнанки управления жизнью [5, с. 238–251] — заставляет склоняться в пользу первого варианта.

Действительно, концентрационный лагерь воплощает радикальный вариант биополитики, которая определяет человека просто как «живое существо». Отрицание всех предикатов человеческого субъекта посредством сведения его к «голой жизни» (*nuda vita*), к чистой *animalitas*, на пределе обнаруживает единственную потенциальную способность — способность к смерти («просто живое», которое может только перестать жить). Концлагерь существует как место производства смерти, или как «фабрика смерти». Это то «место», где воплощается самое радикальное *conditio inhumana* [6, с. 43]. Лагерь *eo ipso* знаменует собой конец всей западной метафизики¹. Сама метафизика в ситуации «конца метафизики» переходит в режим посмертного существования, в рамках которого возникает новая онтология «мертвой жизни», воплотившаяся в узниках концлагерей.

Слова М. Хайдеггера о том, что метафизика влечет нас в темноту человеческого существа [7, с. 31], в контексте бесчеловечных событий 20 в. приобретают «зловещий» смысл. Лагерь как абсолютный предел метафизики, полностью «завершающий» метафизику, сам в нее как бы не входит, поэтому представляет собой «исключенное включенное» метафизики. Это то, что метафизика никаким способом выразить не может, это нечто «невыразимое» в ее системе координат, в ее пресуппозициях и категориальных схемах. Соответственно, мы можем вести речь о некоем принципиально новом способе представления бытия — не позитивно, как «присутствия» (*Da-Sein*), но негативно, как «отсутствия» (*Fort-Sein*). Безусловно, предел как граница является отношением различности. В случае с метафизикой это не отличие метафизики от чего-то другого, а отличие ее как целого от самой себя, когда она на пределе предъявляется как бы с «изнаночной», или «темной», стороны [8, с. 72].

«Конец метафизики» М. Хайдеггер связывает с отождествлением человечности и животности в господствующем представлении о человеке как «рациональном животном» (*animal rationale*). Сплавление человечности (*humanitas*) и животности (*animalitas*) в парадигме рациональности (*ratio*) как стоящей на службе у практического использования исчисляющей и планирующей способности дает начало биополитике как технологии научно-рационалистического управления жизнью населения [9, с. 32]. Биополитика — пастырская по существу своему власть (М. Фуко), в пространстве которой люди (человеческая масса) фактически понимаются

как опекаемое животное стадо, т. е. как некое *сконцентрированное* в одном месте множество живых единиц [10]. Если тюрьма демонстрирует технологию дисциплинарной и индивидуализирующей власти, то лагерь — это власть над концентрацией живой массы, которая реализуется посредством «фабрикации». «Труд фабрикации тем продуктивнее, чем большим количеством материи он располагает. Он совершается путем концентрации и сжатия» [11, с. 102]. Аналогично тому, как тюрьма не является естественным развитием права, а представляет собой разрыв с ним вследствие изменения модальности функционирования власти (ориентация на контроль и исправление индивида), точно так же концлагерь не является естественным развитием пенитенциарного института тюремной изоляции. Место тюремного заключения никогда реально не исключается из общественного пространства, оно является его важнейшей составной частью и подчиняется его законам и контролю. Тюрьма — это социальный институт. Лагерь же представляет собой абсолютное социальное исключение, словно узники уже не являются частью мира живых [12, р. 6–7]. В этом смысле можно говорить о том, что они находятся в ситуации «между двумя смертями»²: физически они еще живы, но символически уже мертвы. Сама логика биовласти, превращающая человеческое присутствие, включенное в символический порядок (*Da-Sein*), в голое биологическое существование, полностью исключенное из символического порядка (*Fort-Sein*), с неумолимой необходимостью продуцирует лагерь как «серую зону» голого существования, являющегося закономерным итогом «искусственного поворота вспять процесса культурогенеза», целенаправленного «стирания нанесенных в течение жизни знаков культуры» [13, с. 75].

Изначально лагерь — это специальная локализация, которая существует на протяжении ограниченного периода. Данная дефиниция подтверждается первыми лагерями, основанными сначала испанцами на Кубе в 1895-м году и затем британцами во время англо-бурской войны в Южной Африке. В обоих случаях с некоторыми нюансами лагеря использовались для контролируемого «сосредоточения» крестьян, чтобы лишить повстанцев укрытия, продовольствия и поддержки. В 1904 г. немецкие колонисты в Юго-Западной Африке использовали модель «концентрации», применив одно существенное «нововведение»: они не просто согнали в лагеря африканское племя гереро, но и заставили людей работать на пользу немецкой колонии [14, с. 21]. С этого «новшества» из-

¹ По М. Хайдеггеру, метафизика является способом существования европейского человечества (его судьбой), в котором мышление выступает как один из моментов.

² Термин Ж. Лакана, которым он охарактеризовал заживо замурованную в пещере по приказу фиванского царя Креонта Антигону.

меняется модальность функционирования лагерей и начинается новая эпоха, когда лагерь становится скрытой матрицей и номосом современного общества, в котором мы живем [4, с. 211]. Если до этого лагерь был *временным* средством, использовавшимся в период ведения войны, то теперь он превратился в *форму организации производительного труда*. Иными словами, он был перенесен из военного времени как периода действия чрезвычайного положения, элементом которого он являлся, в мирное время. Несмотря на то что К. Шмитт ничего не писал о лагерях, его теория суверенной власти как инстанции, принимающей решение о чрезвычайном положении, является ключевой для понимания сущности лагеря как пространства исключения. Хотя производство «голой жизни» имело место до фактического изобретения лагерей в форме специфической локализации, однако именно лагерь является таким местом на Земле, где производится «голая жизнь» в самом радикальном ее выражении.

Благодаря тождеству локализации (*Ortung*) и порядка (*Ordnung*) делаются видимыми формы человеческого сообщества, формы власти и господства [15, с. 8–9]. Эти формы охватываются понятием номоса (*nomos*). Через отсылку к этимологии этого слова К. Шмитт заключает, что история человеческого общества развивается как номос, который всякий раз завершается захватом и установлением границ. Как считает Дж. Агамбен, лагерь — это не просто исторический факт и случайная аномалия, относящиеся исключительно к прошлому, это именно скрытый *nomos* современности, в условиях которой чрезвычайное положение становится фактической нормой. Ввиду того что лагерь является материализацией чрезвычайного положения и созданием пространства для производства голой жизни в максимальной степени, мы сталкиваемся с лагерем каждый раз, когда создается подобная структура, вне зависимости от характера совершающихся или не совершающихся в ней преступлений [6, с. 47]. Организационная конструкция лагеря становится экспериментальной площадкой для реализации таких биополитических практик, где стратегии исключения создаются и поддерживаются через механизмы контроля. В этом смысле лагерь перестает быть чем-то маргинальным и абстрактным, превращаясь в механизм, пронизывающий различные аспекты жизни: от законодательных практик до социальных норм. Иными словами, лагерь сегодня характеризует все социальное³, так как парадигма лагеря подчиня-

ет себе все общество, структурируя его своей парадоксальной логикой «включающего исключения». Жизнь в биополитическом обществе — это постоянное существование в тени лагеря как составляющей более широких социально-организационных и пространственно-политических форм современности [16].

Человек, метафизически понятый как *animal rationale*, в 20-м в. становится «трудящимся животным», *animal laborans* [17, с. 417]. Труд, отмечает М. Хайдеггер, достигает метафизического ранга абсолютного опредмечивания всего сущего, превращения сущего в материал для производства. В этот процесс оказывается вовлеченным и сам человек в качестве важнейшего «материала» [18, с. 177–192]. «Биополитика, извлекающая из населения выгоду, создает модели в диапазоне от человека-предприятия до хефтлинка Аушвица и фитиля ГУЛАГа — предельных степеней экстрактивных экономических институтов, обращающих жизнь человека в максимальную прибыль» [19, с. 16]. Производительный труд понимается по своему существу как разрушительное насилие: невозможно сделать деревянный стол, не уничтожив дерева. Это положение применяется также к политической деятельности и историческим событиям. Рабочий класс как истинный субъект трудовой деятельности является также главным действующим лицом политического и исторического бытия, преобразующего его посредством революционного насилия (К. Маркс), материалом для которого являются сами люди, человеческие жизни. В этой оптике лагерь оказывается окончательным продуктом тех движений, которые «бескомпромиссно настаивают на технических и разрушительных элементах в нашей политической мысли» [20, с. 475].

Согласно Дж. Агамбену, лагерь является окончательным продуктом решающего метафизического конфликта между человечностью и животностью в западноевропейской культуре, служившего двигателем историзации человека. Различие «человек/животное» — это та «антропологическая машина», которая отвечала за производство человека, начиная с античности, и которая полностью исчерпала себя в современную эпоху в биополитике. Политическая традиция возникла в античности в результате исключения чисто животной жизни (*zoe*), общей всем живым существам, из человеческого способа существования (*bios*). Биополитика, чьей финальной точкой развития стал концлагерь, исключила чело-

³ Социальное как «кэмпинг» в широком диапазоне от лагерей для беженцев, мигрантских гетто, фавелл, закрытых городов, режимных предприятий, гигантских городов-заводов и т. п. до урбанизированных «человекинов», глэмпинга, party-туризма, закрытых сообществ и др., включая современный цифровой паноптикон. К этому следует также добавить парадигмы биобезопасности и борьбы с террористической угрозой, в свете которых социальное фактически реорганизуется по типу лагеря.

веческую жизнь, взяв в качестве своей основы чистую животность, т. е. голое существование. Иными словами, в истинной политике животность человека мыслится как чистая «оставленность» [6, с. 96], или «отставленность», которая не превращается в объект господства. В биополитике человек пытается овладеть собственной животностью с помощью научно-технического администрирования.

Как известно, М. Хайдеггер категорически отрицал правомерность традиционного метафизического определения человека, в рамках которого человечность возникает как некая добавка к «просто живому» («политическое животное», «социальное животное», «разумное животное» и т. п.). Человеческое присутствие, пишет М. Хайдеггер, «никогда не получится онтологически определить, установив его как жизнь (онтологически неопределенную) — и сверх того еще что-то другое» [21, с. 50]. Различие между человеком и животным проходит по границе языка (человек как *zoon logon echon*)⁴. Но тогда животное возникает только за вычетом главного отличительного признака человеческого — языка. Следовательно, говорящий человек и безмолвное животное возникают одновременно благодаря языку: животное — это существо, «лишенное» языка, а человек — это существо, «имеющее» язык. Различие «человек/животное» — это не столько объективное различие, сколько субъективное представление человека по поводу собственной сущности: самоопределяясь в своем существе, человек исключает самого себя в отчужденном облике животного, не обладающего речью [6, с. 95]. Единственное, полагает Дж. Агамбен, что всегда оставалось без необходимого осмысления в определении человека как живого существа, обладающего языком, это сам способ «обладания», ибо ни в живом существе, ни в языке невозможно достичь той точки, в которой обнаруживается что-то вроде их обоюдного сопряжения. Возникает проблема «отсутствующей связи» (*missing link*) между человеком и животным. В качестве такого переходного звена постулируется «человек без дара речи» (*homo alalus, sprachloser Urmensch*). Он «уже-не-животное», но «еще-не-человек». У Аристотеля таким «переходным звеном» является человек-растение, «человек, который не говорит». Не-человек — это не человек и не животное, это нечто неопределенное, то, что обнаруживается в расщелине между человеческим и животным [6, с. 50]. Подобно тому как при рас-

щеплении атомного ядра высвобождается разрушительная энергия, точно так же при расщеплении целостности человеческого бытия на «человеческое» и «животное» высвобождается некая потусторонняя «не-человеческая не-сущность», полностью разрушающая мир человеческого присутствия. Концлагерный «живой мертвец», «доходяга» — это и есть имя этой пропасти между человеком и животным.

Граница, разделяющая человека и животное, их также и соединяет. Следовательно, она должна быть в том числе чем-то таким, что является общим как для человека, так и для животного. Очевидно, что этим «общим знаменателем» является сам факт жизни как таковой, т. е. просто голая жизнь в ее неопределенности⁵. Обособление жизни как таковой реализуется в рамках биологии как «науки о жизни», или «науки о живом». «Со временем из метафизики полного забвения бытия, лежащей в основании биологизма XIX в., <...> возникает то непризнание всех законов бытия, конечным результатом которого является чудовищное очеловечение „твари“, то есть в данном случае животного, и „оживотнение“ человека» [22, с. 328–329]. В своем курсе «Основные понятия метафизики. Мир — конечность — одиночество» М. Хайдеггер использовал теорию Я. Фон Икскуля для различения человека и животного [7]. Икскуль проводит различие между *Umgebund*, объективным пространством, и *Umwelt*, комплексом фиксированных элементов, выступающих носителями значений и признаков, на которые реагируют животные. Любой организм представляет собой замкнутую систему взаимообуславливающих функций, которая образует «строительную схему» каждого животного. Не существует организма, независимого и оторванного от окружающей среды. Способ отношения организма с окружающей средой составляет его специфику. По мнению Икскуля, в этом обстоятельстве заключается сама суть жизни. Раздражители внешней среды, которые животное способно воспринимать в силу своей «строительной схемы», составляют единственную действительность, существующую для него, и в результате этого физического барьера животное отгораживается от всех остальных цепей существования. Поэтому, полагает М. Хайдеггер, животное существует в «окружающей среде», а человек бытийствует в «мире». Животное «обделено миром» (*weltarm*). В человеческом бытии окружа-

⁴ В аристотелевском определении человека как «политического животного» (*zoon politikon*) способность к политическому общению обусловлена наличием у человека речи (языка).

⁵ Условно говоря, граница между человеком и животным имеет две стороны: та, которая прилегает к человеку, является языком, отделяющим человека от животного; та, которая прилегает к животному, является биологической жизнью, соединяющей человека и животное. Проблема, о которой говорит Дж. Агамбен, как раз и выражается вопросом о том, каким образом язык и биологическая жизнь сопрягаются между собой.

ющая среда становится разомкнутой, и через этот *просвет* свободы человеку открывается мир как горизонт возможностей. С этой точки зрения, опыт концлагеря — это прежде всего опыт утраты мира. Будучи сведенным в своем существовании к животным инстинктам и импульсам, заключенный лагеря реагирует только на определенные стимулы, определенные «носители значений» (пища, температура, свет, боль и т. д.), т. е. лагерь — это именно такое место, которое является не миром, а окружающей средой. Однако «доходяга» как центральная (сущностная, определяющая) фигура лагерного пространства предъясняет некую третью область, которая не выступает ни миром, ни окружающей средой, поскольку «доходягу» нельзя считать ни человеком, ни животным. В отличие от животного, у «доходяги» как «живого мертвеца» даже нет окружающей среды, ибо в своем околевающем оцепенении он больше не реагирует ни на какие «раздражители». Последнее, что всегда остается на пределе человеческого существования, это язык, но «доходяга» лишился даже языка. Он превращался в того «человека без дара речи», который до этого постулировался только в качестве теоретической конструкции для описания промежуточного состояния существа, находящегося в своем развитии между человеком и животным. У «доходяги» оставалось только бесвязное бормотание или хрип умирающего.

Открытость как неопределенность человеческого бытия (*Sein*) в потоке языка символически определяется множественным способом в конкретности человеческого присутствия как

вот-бытие (*Da-Sein*), тем самым существование каждого человека гарантированно укореняется в границах человеческого со-бытия как мира языковой сообщаемости, или со-в-местности (*Mit-Sein*), обеспечивающей ему принципиальную позитивность. Основным признаком и условием перехода человеческого бытия к биополитической «голой жизни» является «стирание» языка. Без языка человек, голый и немой, оказывается в полном одиночестве лицом к лицу с обнаженной неизбежностью своих страданий и собственной смерти, которая перестает быть жизненным горизонтом, внутренним пределом жизни. Человек еще живет только потому, что у него просто сохраняется естественная привычка продолжать жить, или выживать. Жизнь как событие становится исчерпанной, пустой, лишенной какой бы то ни было ценности⁶. В ней уже ничего не может произойти, кроме смерти. Поскольку каждый миг жизни является моментом движения к смерти, постольку жизнь в состоянии исчерпанности оборачивается чистым производством смерти.

Именно эта ненужность человеческой жизни служит скрытой основой и, в конечном счете, продуктом биополитической формы правления, для которой человечность во всем многообразии присущих только ей символических проявлений, включая человеческую солидарность, оказывается избыточной. Поэтому биополитическая забота о жизни неизбежно превращается в стремление ее уничтожить. Вопрос всегда только в том, где, когда и как это произойдет.

Список источников

1. Фуко М. Рождение клиники. М., 2010.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
3. Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010.
4. Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011.
5. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
6. Агамбен Дж. Средства без цели. Заметки о политике. М., 2015.
7. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир — Конечность — Одиночество. СПб., 2013.
8. Агамбен Дж. Открытое. М., 2012.
9. Яркеев А. «Право на жизнь» в пространстве биополитики // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26, № 1.
10. Яркеев А. Государство и биополитика: к истокам взаимосвязи // Политика и общество. 2021. № 3.
11. Бергсон А. Творческая эволюция. СПб., 2017.
12. Pitzer A. One Long Night. A Global History of Concentration Camps. New York, Boston, London, 2017.
13. Попова О. Человек как артефакт биотехнологий. М., 2017.
14. Эпплбаум Э. ГУЛАГ. М., 2015.
15. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб., 2008.
16. Diken B., Laustsen C. The Culture of Exception. Sociology facing the Camp. London, New York, 2005.

⁶ Формула «жизнь, недостойная жизни» (нем. *Lebensunwertes Leben*) была обозначением тех слоев населения, которые, по мнению нацистского режима, не имели права на жизнь.

17. *Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни.* СПб., 2000.
18. *Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления.* М., 1993.
19. *Попов Д. Бювласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики.* Омск, 2021.
20. *Арендт Х. Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм.* М., 2018.
21. *Хайдеггер М. Бытие и время.* М., 2011.
22. *Хайдеггер М. Парменид.* СПб., 2009.

УДК 101.8:321.1:349.6

doi: 10.24412/1999-625X-2025-196-100-105

5.7.7. Социальная и политическая философия

5.7.9 Философия религии и религиоведение

Роль Греко-Католической церкви в формировании политического сознания на Украине в условиях ведения информационной войны против России

Евгений Витальевич Килимник

доктор искусствоведения, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, профессор кафедры философии, психологии и гуманитарных дисциплин¹,

✉ kilimnik_06@mail.ru

¹ Уральский юридический институт МВД России (Екатеринбург, Россия)

Целью работы является политико-философский анализ религиозных идей руководства Украинской Греко-Католической (Униатской) церкви в формировании духовно-политического мироощущения украинского социума. Задачами исследования стало выявление разнообразных религиозных, политических и культурно-исторических аспектов в деятельности Униатской церкви в условиях ведения информационной войны против Российской Федерации, формирования политического сознания, основанного на религиозно-политической и национальной нетерпимости к гражданам Российской Федерации.

Основой работы стал эмпирический анализ ведущих подзаконных нормативных правовых актов, определяющих особенности национальной безопасности России, а также философско-политические воззрения деятелей Греко-Католической церкви в 2014–2023 гг. С момента ее возникновения философско-религиозная и ценностно-ориентировочная практика Униатской церкви была направлена на формирование духовно-политической ментальности, имеющей антироссийскую философско-политическую националистическую основу. Это привело к расколу Русского мира, духовному и ментальному подчинению (с конца XVI ст.) части русского населения Украины власти Ватикана. Установлена роль руководства Греко-Католической церкви в формировании антироссийских настроений в украинском сообществе и соответствующего философско-политического сознания, что ярко проявилось в условиях «майдана» конца 2013–2014 гг. и последующего десятилетнего периода на Украине.

Ключевые слова: Греко-Католическая церковь, национализм, ценности, политика, воздействие, общество, сознание, информационная война, Россия, Украина

Для цитирования: Килимник Е. В. Роль Греко-Католической церкви в формировании политического сознания на Украине в условиях ведения информационной войны против России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96). С. 100–105.

The Role of the Greek Catholic Church in Shaping Political Consciousness in Ukraine in the Context of Information War against Russia

Evgeny V. Kilimnik

Doctor of Science (in Art Studies), Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Professor at the chair of Philosophy, Psychology and Humanities¹,

✉ kilimnik_06@mail.ru

¹ Ural Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Yekaterinburg, Russia)

The purpose of the paper is to make a political and philosophical analysis of the religious ideas of the authorities of the Ukrainian Greek Catholic (Uniate) Church in the formation of the spiritual and political worldview of Ukrainian society. The tasks of the study were to identify a variety of religious, political and cultural-historical aspects in the activities of the Uniate Church in the conditions of information war against the Russian Federation, the formation of political consciousness based on religious-political and national intolerance towards the citizens of the Russian Federation.

The basis of the work was an empirical analysis of the leading normative legal federal documents that define the features of Russia's national security, as well as the philosophical and political views of the figures of the Greek Catholic Church in 2014-2023. Since its foundation, the philosophical-religious and value-oriented practice of the Uniate Church was aimed at the formation of a spiritual-political mentality with an anti-Russian philosophical-political nationalistic basis. This led to the split of the Russian world, spiritual and mental subordination (since the end of the 16th century) of a part of the Russian population of Ukraine to the power of the Vatican. The author proves the role of the authorities of the Greek Catholic Church in the formation of anti-Russian sentiments in the Ukrainian community and the corresponding philosophical and political consciousness, which was clearly manifested in the conditions of the 'Maidan' of late 2013 - 2014 and the subsequent ten-year period in Ukraine.

Keywords: Greek Catholic Church, nationalism, values, politics, influence, society, consciousness, information war, Russia, Ukraine

Citation: Kilimnik E. V. The Role of the Greek Catholic Church in Shaping Political Consciousness in Ukraine in the Context of Information War against Russia. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 1(96). Pp. 100–105 (In Russ.).

Актуальность работы вызвана сложной политической, религиозной, правовой, социальной и культурной ситуацией, сформировавшейся в современной Украине в условиях постмайданной политики, направленной на широкое возрождение в стране философии национализма и последующего проведения российской специальной военной операции (далее — СВО), а также отсутствием в отечественных и зарубежных работах исследований, посвященных современной роли Украинской Греко-Католической церкви (Униатской) в формировании политического сознания, основанного на усилении антироссийских настроений в украинском сообществе в 2014–2023 гг. При этом в украинской исторической и политологической науках, начиная с первых годов XXI столетия и вплоть до настоящего времени, происходит активная реанимация идеологии и деятельности Украинской повстанческой армии (далее — УПА)¹ — вооруженного ответвления организации украинских националистов (далее — ОУН)² и Греко-Католической церкви (далее — УГКЦ) предвоенного и послевоенного времени. Методика исследования основывается на анализе философско-политических воззрений представителей руководства Украинской Униатской церкви, формирующих ценностное мировоззрение и соответствующее поведение современного украинского социума.

Анализируя работы украинских исследователей, следует отметить те, в которых оправдываются деятельность и идеология украинского национализма, в том числе украинских коллаборантов, сотрудничавших в годы Великой Отечественной войны с оккупантами. Так, украинская исследовательница Оксана Сайко рассматривает одну из известных фигур греко-католических капелланов, хорунжего отца Василя Шевчука, более известного в националистических кругах под псевдонимом «Кадило» [1, с. 51], и приходит к выводу, что присутствие священника среди

боевиков УПА имело большое духовное значение. Он вел церковные службы, исповедовал и причащал боевиков, освящал места постоя, благословлял на вооруженную борьбу. Кроме того, он посещал больных и раненых в подпольных госпиталях, прятал своих собратьев по приходам, утешал добрым словом, морально поддерживал оуновцев, давал им советы, часто проводил познавательные беседы с повстанцами, как это было, например, о значении Божьей заповеди «Не убий», объясняя, что одно дело — лишить жизни человека злонамеренно, но совсем другое, когда это борьба с врагом, где убийство человека является своеобразной защитой.

Другой современный украинский ученый Юрий Охрименко называет священников «волонтерами» из-за имеющейся неофициальной штатности института капелланства в общей структуре УПА. Исследователь сравнивает организацию системы капелланов в УПА с подобной же организацией в 14-й гренадерской дивизии СС «Галичина», где должности полевых духовников были предусмотрены в штатном расписании [1, с. 51]. По всей видимости, это было сделано по просьбе митрополита Андрея Шептицкого и националиста-идеолога ОУН профессора Владимира Кубийовича. Наличие официального института капелланов было отличительной чертой украинской дивизии СС «Галичина» в годы Великой Отечественной войны.

О роли Шептицкого в истории Украины и его сотрудничестве с оккупационными властями и вождями ОУН существует достаточно интересное мнение А. Трубач в отношении поведения иерархов УГКЦ к вождям национализма ОУН-УПА³ [1, с. 51]. Так, современная украинская исследовательница считает, что при общем анализе не учитывается тот факт, что это проблема не политическая, а духовно-нравственная, она не может быть решена в пределах заматериализованного мышления, без изучения и осознания

¹ Признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

² Признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

³ Признаны экстремистскими, их деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

христианских теологических основ, формирующих действительно высокую духовность человека. Поддерживает ее и исследователь по проблеме экуменической деятельности А. Шептицкого архиепископ-униат Любомир Гузар, который в одном из своих интервью на вопрос об отношении митрополита к ОУН-УПА⁴, дивизии СС «Галичина» ответил, что Шептицкий был стопроцентный украинский патриот, но патриот не простой, а который хорошо знал историю своей страны и имел жизненную мудрость. Поэтому большинство людей не понимали его, и даже его ближайшее окружение не понимало широты его мысли⁵.

Украинский историк Игорь Загребельный изучает еще одну сторону сотрудничества УГКЦ и ОУН, проходившего по инициативе А. Шептицкого, а именно — преодоление межпартийной вражды и объединения ОУН⁶ С. Бандеры и А. Мельника [2, с. 418]. Глава УГКЦ всегда настаивал на необходимости национального единства украинских националистов и путем организации переговоров, частных встреч и переписки пытался примирить враждующие стороны прежде монолитного националистического «ордена». К делу объединения ОУН Шептицкий подходил не только с прагматично-политической, но и морально-богословской точки зрения. Исследователь отмечает, что деятельность греко-католических священников на местах была достаточно результативной, о чем свидетельствуют донесения советских органов внутренних дел и безопасности. Так, И. Загребельный приводит в качестве примера донесения, в которых органами НКВД с тревогой утверждается, что священникам УГКЦ «удается все же добиться объединения и консолидации всех националистических сил вооруженного подполья» [2, с. 418].

Из анализа постсоветской и современной украинской научно-популярной литературы можно увидеть, что проблема роли греко-католических священников в украинском националистическом движении освещена с уклоном на оправдание их политической деятельности.

Возрождение в украинском социуме националистической антироссийской идеологии ОУН, раздувание странами Запада и руководством НАТО российско-украинского конфликта и их заинтересованность в ослаблении России потребовало провести анализ современной политико-социальной и духовной роли Греко-Католической церкви (Униатской), ведущие экзархи которой Любомир Гузар и Святослав Шевчук активно формируют ментально-по-

литические и культурные настроения украинского общества, имеющие яркий антироссийский религиозно-националистический окрас.

Роль Украинской Греко-Католической церкви (УГКЦ) на Западной Украине всегда была более значимой, чем в Приднпровье и Слобожанщине (восточные регионы Украины). Конфессионально подчиненная Риму, по форме и содержанию УГКЦ оставалась украинской церковью. Интеллигенция, политические и культурные деятели Галичины были выходцами именно из семей греко-католических священников. Поэтому УГКЦ в самый сложный период борьбы за восстановление украинской государственности в первой половине XX в. никогда не оставалась в стороне. Активная позиция духовенства относительно политических процессов в обществе была непосредственно связана с главой УГКЦ — митрополитом графом Андреем-Романом Шептицким, что получило активное продолжение при кардинале И. Слипом и особенно в постсоветский период при Л. Гузаре и С. Шевчуке.

Униатская Греко-Католическая церковь получила свое активное распространение особенно в западных регионах Украины после церковного собора в Брест-Литовске (Берестейская церковная уния) в 1596 г. Его итогами стало подчинение части украинской и белорусской православной церкви (западные епархии) Ватикану с одновременным сохранением православных обрядов. Необходимость организации подобной прокатолической церкви была продиктована интересами магнатско-шляхетской Польши в усилении своего национального и сословно-религиозного присутствия в бывших землях Галицко-Волынской Руси в целях политического подчинения и экономической эксплуатации местного русинского православного населения. В рамках этой политики планировалось полное окатоличивание всех земель бывшего древнерусского Киевского государства от берегов Балтики до Черного моря. Кроме того, одной из главных задач Униатской церкви уже изначально было стремление католической Речи Посполитой и Ватикана отколоть максимально большую часть русинского населения современной Украины от Православной церкви и русского народа, постепенно формируя духовно и ментально из населения Западной Украины своеобразную «Антирусь», дополнительно трансформируя в ходе этого трехвекового культурно-исторического и экспансионистско-религиозного процесса местный традиционный русинский лексикон в сторону своеобразного «галицко-польского» диалекта («говірки»). В результате с конца XVI — начала XX вв. происходит культурная

⁴ Признаны экстремистскими, их деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁵ Блаженніший Любомир Гузар про митрополита Андрея... (интервью). URL: <https://ok.ru/video/9607972216> (дата обращения: 02.03.2025).

⁶ Признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

локация западных регионов современной Украины с формированием в них в течение более трехсот лет прозападных, антирусских духовно-ментальных ценностей и культурных настроений среди населения, особенно Львовской, Ивано-Франковской (бывшая Станиславская обл.), Тернопольской, Волынской, Ровенской и Хмельницкой областей.

Большая роль в этой духовно-ценностной «матрице» принадлежала священству Греко-Католической церкви, которое в ходе проповедей, а также проведения интеллектуальной обработки населения, особенно проживающего в сельских районах, в организованных на местах с конца XIX в. обществах «Просвіты» («Просвещение») идейно-философски разрывало традиционные политические и культурные связи населения Западной Украины с остальной, матричной частью Русского мира. Кроме того, во второй половине 20-х гг. XX в. по окончании Первой мировой войны во Львове была организована ОУН⁷, ставшая своей задачей вооруженную борьбу сначала против польской администрации, а с конца 30-х гг. XX в. — против официальных органов власти УССР, в состав которой вошла территория Западной Украины, и культурно-политического влияния Москвы. Большую роль в этом военно-религиозном противостоянии сыграло руководство Греко-Католической церкви (*идейно-духовная роль*: униатские капелланы действовали в подразделениях УПА⁸ и батальоне «Нахтигаль» дивизии Абвера «Бранденбург» (например, отец Адам Слюсарчик (псевдоним «Книтмеш», «Роман»), отец Василий Шевчук (псевдоним «Кадило»), а также иеромонах Рафаил-Роман Хомин; *медицинская помощь* раненым боевикам УПА; *укрывательство* националистов в помещениях храмов и монастырей; *религиозно-ценностная и агитационная работа* с населением для поддержки деятельности УПА и пр.) [3, с. 47–63], которая оказывала содействие структурам ОУН-УПА⁹ в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время вплоть до своего окончательного официального упразднения к 1949 г.

С момента обретения государственной независимости в августе 1991 г. на территории Западной Украины происходит быстрое возрождение Униатской церкви, которая с 1949 г. находилась под официальным запретом в условиях осуществления религиозной политики руководством Советского Союза. Во многом ее упразднению способствовала коллаборационистская деятельность руководства (митрополит Андрей-Роман граф Шептицкий) и священства Униатской церкви в годы Великой Отечественной войны, террористическая деятельность против советских органов власти

и всего сочувствующего им местного населения в послевоенное время. Проводя тайно политику, направленную на свое катакомбное сохранение после официального прекращения деятельности в 1949 г., новые неофициальные руководители Униатской церкви (архиепископ Владимир Стернюк) для продолжения философско-политической и религиозно-идеологической деятельности в украинском социуме нелегально за весь послевоенный период Советской власти, в тайных условиях, при неофициальной поддержке Ватикана содержали два греко-католических монастыря (мужской и женский), а также семинарию во Львове, в которой готовили кадры священства для подпольной работы среди граждан Западной Украины в советский период. С момента распада Советского Союза при новом политическом руководстве Украины в период президентства Л. Кравчука Униатская церковь оперативно вышла из подпольного существования и при духовной [4, с. 2] и практической поддержке националистически ориентированных новых властей на территории Западной Украины стала активно возвращать себе прежнее имущество: храмы, монастыри, прилегающие территории, а также получать финансовую помощь от Ватикана, которому она была официально подчинена с момента возникновения в конце XVI в., и от местных органов власти, ведя широкую религиозно-пропагандистскую работу среди населения.

Анализируя религиозно-политическую философию УГКЦ, следует отметить, что на протяжении 2014–2023 гг. она носит комплексный, системный характер. Эмпирические исследования философско-политических выступлений и религиозных проповедей руководства и священства УГКЦ, напрямую затрагивающих отношение к России и ее народу, позволяют тематически классифицировать их:

- рассмотрение различных вопросов истории политических и культурных взаимоотношений Украины и России с националистических позиций;
- отношение к СВО и России;
- критика Москвы за политику упразднения Греко-Католической церкви в 1946–1949 гг.

Так, уже с момента своего возрождения в начале 90-х годов XX ст. и особенно после событий майдана 2014 г. руководство (Любомир Гузар, 1933–2017 годы жизни; Святослав Шевчук, с 2011 г. руководитель Украинской Греко-Католической церкви) и священство Униатской церкви, продолжая идеологическую практику ОУН-УПА, взяли прежний националистический курс в своих религиозных выступлениях, направленных против России и ее граждан, открыто с амвонов униатских храмов утверждая, что истори-

⁷ Признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁸ Признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁹ Признаны экстремистскими, их деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

ческими врагами Украины уже с XII в. являются «московиты», желавшие захватить Киев и устроившие «голодомор» в Украине в XX в. (Любомир Гузар)¹⁰, формируя тем самым в сознании жителей Украины «синдром жертвы», объединяющий все население и усиливающий влияние на менталитет националистических ценностей ОУН-УПА¹¹, а также открыто благословляя физическое истребление русских с момента начала СВО (Святослав Шевчук)¹².

Используя многовековое традиционное религиозное влияние Униатской церкви в среде местного населения западных регионов Украины, в постмайданный период греко-католические священники развернули активную философско-политическую информационную кампанию против России. Так, священник Теофил Коструба в своей статье «Как Москва уничтожала унию в 1914–1915 гг.» формирует нелицеприятный облик российской военной администрации, которая пыталась насильственно заменить унию православием. При этом отец Коструба, критикуя «московских империалистов», отмечает в своей статье, что, как «верные католики, униатское духовенство всегда было предано национальному украинскому делу» [5, с. 3–4].

Развивая в украинском социуме тему «гонений» на Униатскую церковь со стороны России, греко-католики с резкой критикой выступили против политики Москвы, осудив православно-греко-католический церковный собор 1946 г. во Львове, на котором было принято решение об упразднении униатства и возвращении в лоно российского православия.

Официальное присоединение Крыма Россией в ходе проведенного референдума усилило антироссийскую политико-религиозную риторику греко-католического священства в украинском социуме. Так, в марте 2016 г. руководством Самборско-Дрогобычской епархии российская сторона была объявлена виновной в «гибридной войне против украинского народа». При этом в ходе философско-политической по своей основе проповеди было отмечено, что «Москва является историческим врагом Украины».

Растет традиционно высокая популярность данной церкви в западноукраинском сообществе и расширяется ее влияние в районах Слобожанщины и Юга. В дальнейшем путем религиозных философско-политических проповедей происходит постоянное нагнетание антироссийских настроений.

Такое положение представляет опасность для национальной безопасности Российской Федерации, усложняет проведение СВО, так как происходит обработка сознания населения, проживающего в регионах Украины, идейное обоснование ведения масштабной войны против братского русского народа и Российского государства, что полностью противоречит положениям «Стратегии национальной безопасности России»¹³ и «Доктрине информационной безопасности РФ»¹⁴.

Подводя итоги, следует отметить, что в ходе обретения независимости после 1991 г. на Украине при поддержке политического руководства (президенты Л. Кравчук, Л. Кучма, В. Ющенко, П. Порошенко¹⁵, В. Зеленский) властными структурами Греко-Католической церкви активно осуществлялась в рамках религиозной духовно-нравственной практики философско-политическая деятельность, направленная на возрождение идейных воззрений руководства ОУН-УПА о создании полностью на духовно-политическом уровне оторванного от России и ее народа моноэтнического государства (несмотря на то что на Украине проживает более ста тридцати национальностей и народностей), основой которого выступают националистические идеи, которые сегодня можно определить двумя тезисами: «Украина — это не Россия»; «Наш отец — Степан Бандера».

В этом философско-политическом конструкте первая ценностная позиция рассматривается в таком мировоззренческом контексте, что украинцы, «как европейцы», генетически, ментально и культурно-исторически полностью отличаются от великороссов, которые на генетическом уровне представляют «смешение финно-угорских и татарских народов» (75% и 25% по крови) и не соответствуют в силу своего многовекового азиатского культурно-исторического развития европейским ценностям.

Вторая философско-политическая составляющая современного украинского национализма, представленная ценностным архетипом сознания, выраженным в постулате «наш отец — Степан Бандера», провозглашающим последнего политическим и духовным историческим вождем украинского национализма, напрямую свидетельствует о ценностном государственно-мировосприятии части украинского общества, включающей его религиозную и политиче-

¹⁰ URL: <https://elitsy.ru/communities/93214/1660731/> (дата обращения: 02.03.2025).

¹¹ Признаны экстремистскими, их деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

¹² Секта УГКЦ: Новый глава Святослав Шевчук — новый уровень... 28 марта 2016 г. URL: <https://antifashist.com/item/sekta-ugkc-novyy-glava-svyatoslav-shevchuk-novyy-uroven-ugkc.html?ysclid=m7sym1k5zr204186800> (дата обращения: 02.03.2025).

¹³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 20.04.2024).

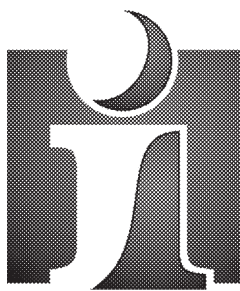
¹⁵ Внесен Росфинмониторингом в перечень террористов и экстремистов.

скую элиту. В результате сформированные под влиянием носителей идей представителей УГКЦ философско-политические воззрения, «осеняемые Богом и его предстоятелями», носящие националистический характер, прямо угрожают духовно-нравственным ориентирам российского народа и национальной без-

опасности Российской Федерации в целом, что особенно опасно в условиях недружественной политики стран объединенного Запада (например, принятие 16 пакетов санкций, направленных на разрушение российской экономики) и руководства НАТО по отношению к Российскому государству.

Список источников

1. *Килимник Е. В.* Практика борьбы органов внутренних дел с вооруженными сепаратистскими движениями в юго-западных регионах Советского Союза в послевоенные годы : монография. Екатеринбург, 2022.
2. *Загребельный И.* Міжмор'я: Майже втрачений шанс. Київ, 2019.
3. *Килимник Е. В.* Униатская Греко-Католическая церковь и западноукраинский национализм в межвоенный период (1918-1945 гг.) // Теория и практика мировой науки. 2021. № 9.
4. *Кучма Л.* Украина — не Россия. М., 2003.
5. *Коструба Т.* Як Москва нищила українську [греко-католицьку] церкву. Торонто, 1961.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

Журнал призван способствовать научным исследованиям и коммуникациям российских и зарубежных ученых. Целевая аудитория — научные и научно-педагогические работники. Редакция принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки. Приоритетными для публикации являются:

- рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;

- рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;

- материалы по проблематике социальной философии, философии политики, философии права, философии культуры, философии и методологии научных исследований;

- исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;

- материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования.

Журнал придерживается этических принципов и норм, принятых в области экспертизы и издания научной литературы.

Журнал считает важной максимальную доступность и демократичность. Плата за публикации не взимается, авторские экземпляры предоставляются безвозмездно, включая расходы на рассылку, номера журнала регулярно и бесплатно рассылаются в образовательные и научные организации МВД России, ведущие научные и образовательные центры России.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все публикации начиная с 2005 г. находятся в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки (<http://elibrary.ru>). Номера журнала размещаются на платформе ООО «ИВИС», партнера и дистрибьютора компании East View Information Services, Inc., и в научной электронной библиотеке «Киберленинка».

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнаруженные

The journal seeks to contribute to research activities and communications within Russian and international scientific community. The periodical is supposed to be required by scholars and professors. The Editorial Office considers original manuscripts without any signs of plagiarism and corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

- manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;

- manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;

- materials on the current issues of social and political philosophy, philosophy of culture, philosophy and methodology of science research;

- researches covering foreign scientific juridical thought;

- materials on the milestones of history of law, juridical science and education.

We adhere to the ethical guidelines and rules accepted in the fields of scientific literature expertise and publishing.

Maximum accessibility and democracy are considered to be important. Publications and author's copies including their postage are free, the journal issues are regularly sent free of charge to the educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, leading national scientific and educational centers.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library (<http://elibrary.ru>) and on the IVIS, Ltd platform, which is the partner and distributor of the East View Information Services, Inc. and at the scientific electronic library "Cyberleninka".

The journal is officially included on the List of peer-reviewed scientific editions where scientific results of doctoral and candidate of sciences theses are to be published.

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manu

спорные или отрицательные моменты рукописи, дается рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать наши требования и пожелания к оформлению рукописи и метаданных.

Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных и т. п. лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Основной текст рукописи набирается через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов.

Важными структурными элементами рукописи являются:

- список ключевых слов (семь-девять речевых единиц);
- аннотация.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Аннотация не должна быть перифразом заглавия статьи и включать малоинформативные формулировки.

К рукописи прилагается авторская справка.

Рукопись и сопроводительные материалы направляются в редакцию на электронном носителе (в формате Win Word или rtf) либо по электронной почте по адресу: d.rudman@list.ru. Наряду с электронной формой допустимо направление распечатки рукописи на бумажном носителе. Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России». Контактный телефон: (8-3812)31-34-83 (главный редактор Рудьман Денис Сергеевич).

Представляя материал для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение его метаданных в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

Более подробная информация о журнале, его этической политике, требованиях к оформлению рукописи и метаданных, порядке рецензирования изложены на веб-сайте по адресу: <http://nv.omamvd.ru/>.

Приглашаем к сотрудничеству.

script's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given.

The manuscript must contain up to 0.5 author's sheet (20,000 characters and spaces) including pictures, graphs and tables. Line spacing — 1,5; "Times New Roman" and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark. Margin requirements: left margin — 3 cm, top and bottom margins — 2 cm, right margin — 1 cm. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names.

Critical structural elements of a manuscript are:

- annotation;
- keywords (the number should not exceed 7–9 keywords).

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should not paraphrase the title and contain statements of little information value. Keywords concisely describe the subject, problem, purpose and main provisions of the research. Keywords can be both separate words and word combinations in nominative singular (if any).

The manuscript and accompanying materials are submitted to the editorial office by e-mail to the following address: d.rudman@list.ru or on electronic device (Win Word or rtf). It is acceptable to submit the printed version of a manuscript and metadata along with the electronic version. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal "Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia". Telephone: (8-3812)31-34-83 (chief editor Denis Sergeevich Rudman).

Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions.

Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

The periodical was founded and is published by the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The journal is published quarterly.

More details concerning the journal, its ethics, requirements to arrangement of manuscripts and metadata and peer review procedure can be found on website: <http://nve.omamvd.ru/>.

Welcome to cooperate!

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Противодействие правонарушающему поведению

- выдворение, депортация и режим высылки как иные меры уголовно-правового характера
- погашение общественной опасности преступления и лица, его совершившего

Право и государство

- должностные преступления работников хозяйственных обществ: перспектива конституционного нормоконтроля
- информационно-технологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел

Философский инструментарий

- конфигурации единого и многого в современном этическом и философско-правовом дискурсе (часть II)

а также

- уголовно-правовая оценка непредвиденных обстоятельств
- экспериментальные правовые нормы как инструмент адаптации и модернизации законодательства
- другие материалы

